

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Sm 1224

2

Изъ Библіотеки для чтенія А. Смирдина

№ 1224.

За годъ . . 10 рубл. сер.

За полгода 6 » »

За 3 мѣсяца 4 » »

За мѣсяць 2 » »

За чтеніе книгъ съ жур-
налами 20 рубл. сер.

Новыя книги держать не
болѣе двухъ недѣль.

137016.

Sm 1224
2

Slovenská knižovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186171895

S. 450940

ТВОРЕНІЯ

БЛАГОДѢТЕЛЬНОГО ФИЛОСОФА,

СОДЕРЖАЩІЯ ВЪ СЕБѢ

Нравственныя, Философическія и
Полипическія его сочиненія.

Переводъ съ Французскаго.

157016.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.

Въ Типографіи Ф. Гиппіуса.

1803.

Sm. 1224/2

Съ дозволенія Московскаго Гражданскаго Губернатора.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Ко второй части.

- XIII. Невѣріе, здоровымъ смысломъ опроверженное.
- XIV. О безсмертномъ имени.
- XV. Письмо къ другу.
- XVI. Размышленія о разныхъ предметахъ нравственности.
- Предувѣдомленіе къ слѣдующему оповѣщенію на дружескіе совѣщанія.
- XVII. Оповѣщеніе Арисповъ на дружескіе совѣщанія.
- XVIII. Религія.
- XIX. Философія.
- XX. Законы.
- XXI. Общества.
- XXII. Пороки и добродѣтели.
- XXIII. Спиритизмъ.
- XXIV. Щастіе и несчастіе.
- XXV. Состоянія жизни.
- XXVI. Удовольствія.
- XXVII. Оповѣщеніе на разсужденіе Женеваго гражданина, награжденное орденомъ Дижонской Академіи, о томъ, что возстановленіе наукъ и художествъ способствовало ли къ очищенію нравовъ?

XXVIII. Разсужденіе, въ которомъ показывается, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ упадка въ нашемъ вѣкѣ наукъ есть та, что большая часть упражняющихся въ нихъ предполагаютъ въ себѣ больше дарованій, нежели имѣютъ, и что обыкновенно самыя дарованія худо соглашаются съ качествами ихъ разума.

Т В О Р Е Н І Я

БЛАГОДѢТЕЛЬНОГО ФИЛОСОФА.

ХІІІ.

Несвѣріе, здравымъ смысломъ опроверженное.

Свобода, присвоенная себѣ невѣрующими въ обнародованіи своихъ мнѣній, принуждаетъ меня оныя опровергать. Если не могу я принудить ихъ опомниться, по крайней мѣрѣ надѣюсь доказать имъ, до какой степени они заблуждаются.

По простотѣ умствованій моихъ явно будетъ, что я говорю не какъ сопязующійся. Я не буду основываться на Опікровеніи, хотя и извѣстна мнѣ вся сила сея подпоры. Ежели бы я и никакого не имѣлъ о немъ понятія, то и тогда бы думалъ, чтобъ, допуская бышіе Бога, безразсудно не воздавать Ему того служенія, коимъ всякая шварь Ему долженствуетъ. Я не выдаю себя за Теолога, дабы доказать нашимъ Философамъ истину Религіи, которую почитаютъ они мечтою, ^ѣа рѣшился

Часть 2 А

шокмо имѣ опкрышь, по основанію самаго разума, изъ коего дѣлають они себѣ идола, что оный, вмѣсто подкрѣпленія ихъ сиспемы, ее осуждають и опвергають, что они почишаютъ превосходнымъ свѣтомъ окружающій ихъ мракъ; и что не примѣчаютъ заблужденій, порождаемыхъ дерзновенно умомъ и подкрѣпляемыхъ ослѣпленіемъ, есть видимый разумъ недоспапокъ.

Кажется, что нынѣ уже не таится выдавать себя за деисповѣ. Сіе дѣлается по видимому для того единственно, чтобъ не подозрѣвали ихъ въ безбожничествѣ, копорого одно названіе поль ужасно, что не лзя дерзновенно имѣ хвалишься. Но какое можетъ быть различіе между непризнаніемъ Бога и соглашеніемъ о бытіи Его единого, не заботясь въ поже время о воздаваніи служенія и чести Ему? Я другаго различія въ ономъ не вижу, кромѣ того, что нѣкопорымъ образомъ не споль было бы безразсудно совсѣмъ опвергнушь познаніе Бога, нежели, признавая Его, не воздавать Ему никакого служенія. Изъ сихъ двухъ крайностей, кои обѣ поль ужасны, сколь законопреступны, копорая безумнѣе по самому

разуму? Говоря человѣчески, заслуженный мужъ равно ли бы оскорбился тѣмъ, когда бы кто по незнанію не оказалъ ему должнаго почтенія, какъ и шѣмъ, ежели бы знающій его не воздалъ ему всего того, чего онъ имѣлъ право ожидать отъ него?

Естьли бы и уступили мы деиспамъ въ томъ, что мнѣніе ихъ есть первоначальное вѣрованіе человѣковъ, (что однакожъ совершенно ложно, понеже помѣръ размышленія ихъ о различныхъ предспавляющихся имъ предметахъ, долженспвовали они поразиться понятіемъ о первой причинѣ, и воздавать ей больше, или меньше совершенное служеніе, смотря по вѣщимъ, или меньшимъ своимъ успѣхамъ въ познаніи себя самихъ и nature); по слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ почитать намъ себя свободными отъ всякаго служенія Божеспву? Правда, что въ послѣдствіи временъ большая часть людей потеряла понятіе о истинномъ Богѣ и о прямомъ Ему служеніи. Огранича себя чувспенными вещами, они сдѣлали ихъ предметами Богопочитанія своего. Отъ сего произошло идолослуженіе, копорому едва ли бы мы по-

вѣрили, еспьли бы не доказывалось еще и нынѣ: къ чему удобенъ человекъ, когда, предоставленъ будучи себѣ самому, присвоаетъ себѣ независимость и при единомъ свѣшпильникѣ спраспей своихъ шеспвуешъ. Однакожъ самое идоолслуженіе, сколь бы вздорно и разврощенно ни было, сполько же свидѣтельспвовало въ пользу суцеспвованія Божеспва, какъ и въ пользу необходимости воздавать служеніе Оному; а по тому уже и рѣшено, что еспь Верховное Суцеспво, Испочникъ всякаго разліяннаго въ мѣрѣ блага, и что сіе Суцеспво долженспвуешъ бытъ почитаемо наружными дѣйспвіями благоговѣнія, покорности и спраха.

Въ послѣдспвіи, чему научало Опкровеніе, въ разсужденіи необходимости сего служенія, шому прежде научалъ разумъ. На что бы не поступилъ онъ, еспьли бы просвѣщась лучами вѣры, могъ направлять опкрываемое имъ служеніе, котораго не могъ онъ очиспшить самъ собою? Какое ни царспвовало въ сихъ первыхъ вѣкахъ невѣжеспво и разврощеніе, но оно все было не шаково, какъ нынѣ; когда наши вольнодумцы, просвѣщенные свѣпомъ

Божества, довольствуясь вѣрованіемъ Ему, не чтя Его ни мало.

И шакъ, что безразсуднѣе: заблужденія ли идолопоклонниковъ, или деизмъ, въ наши дни исповѣдуемый? Тѣ поклонялись гнусному насѣкомому, единственно для того, что почитали его Богомъ; а наши Философы по толку шокмо хопяшъ вѣровать Богу, по колику присвояюшъ себѣ свободу не бояшся Его. Первые, не почитая себя шварями идиоловъ своихъ, приносили имъ куренія; сіи же, признавая въ Богѣ своемъ Творца своего, опказываютъ Ему въ своей благодарности. Самые лучшие въ древности умы боялись раздражшъ боговъ, совершенно безсильныхъ; а наши невѣрующіе опдаюшъ всемогущество Богу; но гнѣвъ и правосудіе Его презираюшъ. Одни вѣрили промыслу, и ничего безъ совѣща сь богами своими не предпринимали; другіе приписываютъ все случаю, и всякое пособие въ случающихся сь ними нещасіяхъ хопяшъ извлекать единственно изъ себя самихъ. Однимъ словомъ, шъ хопшъли всемъ бышъ обязаны Религш, хопя она для покоренія ихъ себѣ никакого благовиднаго воздаянія

имѣ не общавала; сіи же изгоняютъ свою (Религію) въ ссылку, не смопря на то, что она поль ушѣшипельна въ своей морали; и не имѣя никакихъ правилъ для наспоющаго времени, не предполагаютъ себѣ никакого предмета и въ будущемъ.

Каково же, по мнѣнію ихъ, по Божество, которое признаютъ они? Оно должно быть существо безчувственное, не прогающееся ни добродѣтелями, ни пороками нашими: существо праздное, которое на все происходящее на земли взираетъ, какъ какъ бы оное вниманія его недоспойно.

Признаюсь, что Богъ не имѣетъ ни малѣйшей надобности въ нашемъ поклоненіи, и что здѣсь на земли ничего не можетъ быть прибавлено къ безпредѣльному блаженству и славу Его: но чрезъ то освободилъ ли Онъ насъ отъ всякой опносительно къ Нему обязанности? Меньше ли мы должны любить, чтить и бояться Его? Мы, которые столь малы и слабы, не имѣемъ ли нужды въ Его помощи? Малость наша укрываетъ ли насъ отъ Его владычества? А слабость извемлетъ ли насъ отъ всякой въ раз-

сужденіи Его обязанности? Поклоненіе наше, сколь оно ни несовершенно, не долженспвуемъ ли бытъ удѣломъ нашей зависимости? И сей великій Богъ, истина, правда, самая премудрость: копорый естъ сущеспвенно Виновникъ и Покровитель порядка; копорый даровалъ намъ умъ, способный познавать, сердце, способное любить Его; сей, говорю, Богъ, можетъ ли не хотѣть, чптобы разумная и свободная пварь дѣлала законное употребленіе изъ своихъ способностей, чптобы она обожала безконечно покланяемое, любила то, чпто совершенно достойно любви ея? Сіе безконечно премудрое Существо начерпало ли бы въ нашихъ сердцахъ еспеспвенный законъ, начала справедливости, взаимныя обязанности, еспыли бы Оно не имѣло намѣренія онымъ насъ подчинить? И дарованныя намъ сіи чувствованія, не отъ Него ли намъ заповѣданы, такъ какъ и дѣйствія, кои сушь знаки и исполкователи, и копорыя шчно составляютъ требуемое Имъ отъ насъ служеніе?

Кпожъ бы не признавалъ самъ сѣбѣ, чпто онъ, будучи дѣло Божіе,

соспоишь во всеконечной отъ сего перваго Сущесшва зависимости, и что, сущесшвуя единспвенно чрезъ Него, для Него шокмо и жить долженспвуешь? Еспьли бы Богъ и не наложилъ на насъ обязанности служить Ему, по одно соспоянiе подчиненности и слабости нашей въ разсужденiи Его, должно наложить на насъ оное. Онъ имѣлъ уваженiе къ нашей слабости, а мы сами собою долженспвуемъ совѣпваться шокмо съ Его любовiю и нашими нуждами.

Сколько бы я могъ предспавить здѣсь доказательствъ, что Богъ не шокмо не презираешь, но и шребуешь служенiя нашего, еспьли бы деиспы, споль охотно вѣрующiе свѣпскимъ испорiямъ, наибодозрипельнѣшимъ запискамъ и самымъ невѣрнымъ извѣспiямъ, не отрицали древнѣйшей, досповѣрнѣйшей и паче всѣхъ доказанной испорiи! Еспьли бы опкрыли они Священныя наши книги, по увидѣли бы тамо ясно служенiе Божеспву въ превеликомъ свѣпѣ, и содѣланныя чудеса для успановленiя онаго и нашего въ шомъ убѣжденiя: но деиспъ Писанiя наши опвергаешь, и

не иначе взираетъ на нихъ, какъ на дѣло благочестиваго энтузіазма Религіи. Въ разсужденіи сего воззываетъ онъ насъ къ естественному закону, къ единому свѣту разума; поведемъ же его на судилище къ нему.

Естественный законъ и разумъ уполномочиваютъ ли его искать въ себѣ покмо самомъ начала своего существованія, почипать себя независимымъ отъ перваго Существа, выходящъ изъ подчиненности Его изволеніямъ, и отрицать должное Ему поклоненіе? Да обратится онъ купно со мною къ тѣмъ первымъ вѣкамъ, въ копорыхъ предспавиль я человѣка, предспавленнаго себѣ самому, оспавленнаго собспвенному своему совѣту, руководспвуемаго единымъ свѣтомъ разума, и посспавляющаго всегда закономъ чпипть боговъ своихъ поклоненіями и жерпвами. Безъ сомнѣнія ничпо лучше сего не доказываетъ, чпо пребуемое Творцемъ служеніе еспъ должностъ, впечатлѣнная въ самую напуру человѣка, копорой, чувствуя свою слабостъ, но не познавая Его хорошо, прибѣгаетъ къ единственному Существо, могущему подкрѣ-

пипь его. Сіе поль сильное побужденіе не ужь ли угасло вѣ нашихъ деиспахъ? Развѣ шеперь не та уже напура, чшо была прежде? Или лучше сказаць, деиспы наши не лучше ли бы сдѣлали, ежели бы вздумали оприцаць Божество совершенно, (чшо доказало бы спрашное ихъ невѣжество,) нежели не воздаваць Ему никакого служенія и тогда, когда принуждены признаваць оное?

Философіи развратнаго нашего вѣка предоспавлено снабдипь насъ примѣрами поль чудовищной несообразности. По разсужденію нашихъ вольнодумцевъ, вселенная не есть швореніе Разумнаго Начала. Она есть соединеніе ашомовъ, или матеріальныхъ часпиць, образованныхъ, движимыхъ и соединившихся по случаю. Но чшо есть случай? Великіе оные умы, безъ сомнѣнія знающіе его, могутъ ли его намъ опредѣлишь? Какая его сущность, происхождение, крѣпость и сила? Какія его свойства?—Какъ! случай шворецъ міра? Но случай существо ли? И по, чшо есть ничто, можешъ ли произвестъ чшодлибо? Я вижу здѣсь дѣйствія безъ

причины; таинство по испинѣ непоспизимѣ всясопворшаго Божества, Коего вѣчная премудрость содержитъ все въ порядкѣ, коцорый одно Оно можетъ разрушить, или изпровергнушь. Сіе пресовершенство Божество, состоящее Само собою, не имѣло начала. Я охотно бы спросилъ, что шѣ изъ сихъ шворипедей апомовъ, копорые не могли образовашь себя самихъ, должнышвуишѣ ли занимашь свое существованіе отъ чего-либо, прежде ихъ существоваващаго? Сколь далеко мы ни взойдемъ, надобно будетъ по крайней мѣрѣ предположить въ предшествовавшей всему матеріи дѣйствіе и движеніе: но должно, чтошбъ таковое дѣйствіе и движеніе она отъ кого нибудь получила. Сей ростокъ жизни не происходитъ отъ ея сущности. Никто, да и сами деишты не отважашся утверждать онаго; когда же нѣшѣ сего въ самой матеріи, имѣющей въ удѣлъ себѣ одно токмо бездѣйствіе, по не должно ли согласишья, что она сіе дѣйствіе получила отъ такога Существа, копорое не будучи матеріею, одно могло снабдишь ее онымъ на

полюкое время, на сколько опредѣлило содержать ее въ образованномъ опѣ него соспрояннїи?

Я разсуждаю здѣсь не яко Физикъ: паковыми выспаляющѣ себя наши дейспы; но что глупѣе, легкомысленнѣ ихъ разсужденїи о образованїи вселенной? Есплы что безумнѣе, какъ предспаляющѣ себѣ дѣло, споль многосложное, споль мудро учрежденное, споль поспоянно правимое, каковѣ мїръ, безѣ всякой разумной причины, имѣющей въ себѣ силу, соразмѣрную необьяпности видимыхъ нами дѣиспвїи? Какимъ образомъ сїи мнимыя апомы, собравшіяся случайно для соспавленїи тѣлѣ, не могутъ пакже легко раздѣлихся, какъ соединились? Какимъ образомъ движась, ударяясь, еспалкиваясь непрестанно, они не повредахся и не разрушахся? Сїи тѣла чѣмѣ больше имѣютъ частей и массѣ, тѣмѣ больше должны быхъ подвержены перемѣнѣ. Однакожѣ, сколько уже вѣковѣ самыя плопныя и самыя развязанныя тѣла, какъ-по земля, планспы, солнце, всѣ звѣзды, не взирая на безмѣрное проспранспво своихъ круговѣ и непоспжимую скоросп своихъ движениї,

содержатся непоколебимо въ своей сферѣ, сохраняютъ всегда одинакія отношенія и одинакое равновѣсіе? Какая рука ихъ помѣстила, утвердила, содержишь, назначаетъ путь, по которому они слѣдуютъ, и предписываетъ порядокъ, отъ котораго они никогда не удаляются?

Какимъ образомъ среди поликихъ прошивныхъ въ напурѣ движений, поликихъ перемѣнъ, преобразеній, преложеній, среди гнилости, въ нѣдрахъ самаго поврежденія (разрушенія,) предшествовающаго вторичному произведенію плѣль, сохраняются ростки, ихъ опраждающіе? Кто даетъ имъ организацію, кто приготовилъ соразмѣрныя къ тому средства? Кто назначилъ приличныя для сего времена? Кто далъ имъ видъ ихъ и свойства? Кто назначилъ имъ предѣлы и конецъ? Можно ли назвать *по-разсужденіемъ*, чѣмъ присвоить слѣпой судьбѣ, слову, чуждому всякаго смысла, мечпѣ, случаю, тому, что не существуетъ, и не можетъ существовать, наконецъ ничтожеству, всѣ представляемыя намъ небомъ и землею чудеса? Я говорю чудеса, не токмо въ

безконечныхъ кругахъ, обращающихся надъ нашими головами, но и въ помѣ, что естъ на землѣ самое общее, яко-по въ окѣ насѣкомаго, въ крыльяхъ бабочки, въ цвѣткѣ, котораго составъ и пѣни всякаго, умѣющаго хорошо наблюдать, заспавляющѣ очевидно предполагаемъ верховнѣйшій Разумъ.

Въ системѣ случайности все естъ загадка, все неосновательность и прошиворѣчїе. Допустиме же мудраго и всемогущаго Творца; не будемъ ничего произвольнаго, ничего случайнаго, никакого дѣйствїя безъ вины, ни одного дѣянїя безъ побудительной причины. Вездѣ совокупленїе, соотношенїя, различныя средства, соразмѣрныя различному концу; доказательствъ умножаются, мрачность исчезаетъ; все слѣдуетъ одно изъ другаго, все изъясняется; одна истина объясняетъ другую; все сообразно, и все становится ошущительнѣо разуму.

Но что естъ разумъ въ очахъ нашихъ Философовъ? Все естъ матерїя, говорящѣ они, и матерїя мыслищѣ. Самыя сердечныя наши чувствованїя сущѣ не что иное, какъ образованїя матерїи; а душа наша естъ часпица, наи-

болѣ развязанная, сей же маперія, подобная высѣкаемому изъ кремня огню, сему пламени, выходящему изъ элек-призованнаго шѣла, сей эссенціи, извлекаемой чрезъ перегонку изъ распѣннй, самымъ шонкимъ и рѣдкимъ часпицамъ ээира. Но ежели эпошакъ; ежели наша душа еспь не иное чпо, какъ споль шонкая, жидкая, шоль легкая маперія, шо какъ она споль долговременно пребываетъ въ нашихъ шѣлахъ? Какимъ образомъ ожидаетъ она шочно распроенія шого, или другаго органа ради своего исчезнушя? Какъ, будучи споль малою и несоразмѣрною со своимъ шѣломъ часпицею, движетъ всѣми онаго часпиями по своей волѣ весьма скоро и легко? Какъ въ минушу оплученія разрѣшаетъ шо цѣлое, копорого она еспь одна шокмо бѣдная часпица? Какъ движетъ въ одну минушу различныя часпи сего шѣла? Какъ зашавляетъ дѣйспвовашь многія часпи вдругъ? Какимъ образомъ размышляетъ она о разныхъ положеняхъ? Какъ сравниваетъ впечатлѣнныя, какъ оспанавливаетъ свои дѣйспвія, или возобновляетъ ихъ паки по своей волѣ? Признаемся же, чпо для разума гораз-

до удобнѣе понятъ сущность духовную, нежели феномены (явленія), споль очевидно проотивныя всѣмъ законамъ свѣла и движенія.

А припомъ, что есть матерія, копорую думающъ споль хорошо знать, и въ копорую все во вселенной привеспи хопящъ? Лучше ли извѣсна она, нежели духъ, существованіе копорого оприцающъ попому единственню, что предполагающъ невозможнымъ проникнути онаго напуру, и почно сказащъ, что онъ есть? Но лучше ли знающъ и сущность матеріи? Какой умъ могъ подащъ о ней яснѣйшее и различительнѣйшее понятіе? Извѣсно ли намъ что о свѣлахъ и духъ, кромъ нѣкопорыхъ свойствъ, свѣсныхъ чрезъ чувства, духовныхъ чрезъ внушреннее ощущение, и по и другое по ихъ дѣйствіямъ? Но опъ различности сихъ дѣйствій и производящихъ оныхъ свойствъ; опъ простой недѣлимости нашихъ мыслей, и дѣлимости свѣсныхъ частей; опъ бездѣйствія матеріи и дѣятельности души, что можемъ мы иное заключищъ, какъ только то, что поливо проотивоположныя свойства не могутъ находищъся въ одномъ пред-

ментъ, и что въ насъ дѣйствительно
есть двѣ сущности, одна опъ дру-
гой существенно различествующія;
одна изъ нихъ есть спрадательная,
грубая и понуждаемая, другая дѣятель-
ная, разумная и свободная.

Правда, что душа по соединенію
своему съ тѣломъ есть нѣкопорымъ
образомъ зависяща опъ матеріи, и ради
дѣйствованія имѣетъ нужду въ тѣле-
сныхъ органахъ; она чрезъ очи видитъ,
чрезъ уши слышитъ. Ежели сіи органы
разстроены, то она по истинѣ не мо-
жетъ ни видѣть, ни слышать; однакожъ
она ничего изъ своей сущности не пе-
рестаетъ: она и тогда содержитъ въ тѣ-
лѣ движеніе и жизнь. Она всецѣло суще-
ствуетъ въ пораженномъ параличемъ. Не
ослабляется и не уменьшается при опъ-
сѣченіи, или опъдѣленіи члена опъ тѣла,
и при поврежденіи органовъ пребываетъ
свободно въ своихъ способностяхъ.
Она грезитъ въ спящемъ, бредитъ въ
безумномъ, изнемогаетъ въ болящемъ,
и на послѣдокъ оставляетъ машину тѣ-
ла, когда законы соединенія, къ оному
ее привязывавшіе, прерываются. Одна-
кожъ умныя ея дѣйствія тѣмъ не меньше
предполагаютъ опъличную опъ матеріи

Часть 2

Б

157016

сущность, подобно какъ звуки и согласіе органовъ предполагають производящую оныя руку. Органистъ переживаетъ всеконечное разрушеніе клавишъ и прубокъ своего органа, и его не лъзя смѣшивать съ тѣмъ ниспруменомъ, на которомъ онъ играетъ. Пускай душа будетъ разлучена отъ тѣла, она тѣмъ не меньше будетъ существовать. Да и что можетъ ее разрушить? Въ нашурѣ ничто не уничтожается. Что можетъ ее перемѣнить? Она совершенно проста. Что ее можетъ разложить? Она не имѣетъ частей. Разрѣшенная отъ узъ, прилѣпавшихъ ее къ частицѣ матеріи, она становится тогда совершенно свободною. Разсѣяныя между ею и предметами облака уже тогда ее не помрачаютъ; она не подвержена больше обольщенію чувствъ. Дѣйствія ея становятся непосредственнѣе, поспѣшнѣе, свободнѣе; различія ея гораздо бывають правильнѣе, а всѣ дѣянія гораздо совершеннѣе. Тогда всего удивительнѣе и непонятнѣе покажется ей то, что человекъ со врожденною къ блаженству склонностію, съ натуральнымъ желаніемъ ко всему, что можетъ со-

храняшь, побуждаешь, возвышаешь, умножаешь, доставляешь славу, обнадеживаешь безсмертіемъ, сами унизились до того, что никакого не полагаютъ различія между тѣломъ и душою своею, между умомъ и матеріею, и даже смѣшивають себя съ самыми низкими живыми. Здѣсь весьма къ спату можно сказать, что беззаконіе само себя измѣняетъ. Какъ! сіи оспроумцы, упоенные собственнымъ достоинствомъ, ослабленные собственнымъ просвѣщеніемъ, воображающие, что они достигли самой высокой степени проницанія человѣческаго, и съ сожалѣніемъ взирающие съ высоты сферы своей на невѣжество, легковѣріе, и предубѣжденіе прочихъ смертныхъ: какъ! умы столь суешные, столь наполненные собою, принимають, подкрѣпляютъ мнѣніе совершенно противное превеличайшей гордости; мнѣніе, которое возвращаетъ всеконечное ихъ разрушеніе! Какимъ образомъ могутъ они съ поличимъ высокомеріемъ и дерзостію унизиться даже до того, чтобы считать себя опредѣленными къ совершенному бытію своего уничтоженію? И такъ, сію часть ихъ самихъ, удобряемую всегда ими съ поличимъ

спараніємъ , украшаемую поликими познаніями, и копорою они думали весьма опличись опъ другихъ, увидяшъ они безъ сожалѣнія гоповою низложись и разрушись во прахъ гроба? Кшо не удивись спрашному въ ихъ поняпіяхъ прошиворѣчію? Почто такая гордосшь въ людяхъ, не надѣющихся больше сущеспвоваць? и какъ могутъ они съ толикою гордоспію опчаявацься въ сущеспвованіи своемъ? По сему учась поль пышной ихъ Философіи уподобляеця учаспи скоповъ? Вошъ предѣль ученыхъ и прудныхъ ихъ изысканій! Безъ сомнѣнія весьма важное ойкрыпіе, но копорое должеспвовали бы они спаратсь по возможности согласись съ симъ основаніемъ самолюбія, копорое насъ увеличиваетъ въ нашихъ глазахъ, съ симъ характеромъ величія и благородспва, каковое самый низкій человекъ въ себѣ обрѣтаецъ, съ симъ желаніемъ сдѣлатьсь безспертнымъ, и съ симъ непесптаннымъ воплемъ, возглашающимъ прошивъ уничтоженія нашего сущеспвованія. Сіи чувспвованія внушены самою напурою, однако не маперіи, неспособной къ шому, но душѣ, копороая

сѣ самаго того времени, какѣ спала познаваѣ себя, гордился своимѣ началомѣ, чувствуюя, что она не должна спрашиваться опустошенія времени.

Какое спранные злоупотребленіе изѣ сей свободы мыслиѣ, копорю хвалялся наши Философы! Слѣпцы, они не видяѣ, что сія самая свобода мыслиѣ одна доспапочно кѣ доказанію имѣ безсмертія ихѣ души; ибо какѣ предплагаяѣ подобную свободу вѣ маперіи, копорой самое существенное и изѣспнѣйшее свойство есть оцѣпенѣніе и неподвижность, о копорой мы уже говорили, и копорая дѣлаеѣ ее неспособною кѣ движенію, ежели она не бываетѣ побуждаема, и кѣ дѣйствованію, ежели не приводится вѣ дѣйствіе?

Вошце прошивополагаюѣ намѣ чувствованія, свойственныя живошнымѣ. Мы не знаемѣ шѣхѣ началѣ, кои побуждаюѣ ихѣ дѣйствовать. Средняя ли шо сущность между маперіею и духомѣ? просшая ли машинальная пружина? предспановленное ли согласіе? или врожденное побужденіе, способное чувствовать и понимаѣ приличное ему? Богѣ не открылѣ намѣ напуры ихѣ

души. Я весьма согласенъ на то, чѣмобъ они имѣли нѣкоторый родъ воспомина-
 нія, хотѣнія, познанія и самаго чув-
 ствованія; но всегда по непремѣнно,
 что они не имѣютъ ни правспвенно-
 сти, ни свободы; что ограничиваясь един-
 ственно чувспвенными предметами,
 ограничены равномерно въ своихъ обя-
 занностяхъ, а сіи обязанности въ каж-
 домъ родѣ суть одинаковы, и никогда
 не перемѣняются никакимъ новымъ сте-
 пенемъ избытка и совершенства. Какъ
 бы то ни было, но выводить изъ того,
 что намъ неизвѣстно, или что зна-
 емъ только несовершенно, ради опр-
 оверженія извѣстнаго намъ, есть весьма
 явное и возмущительное злоупотреб-
 ление разума.

Какая разность между высокимъ
 опредѣленіемъ человека и опредѣле-
 ніемъ животныхъ, которыхъ, не имѣя
 никакой къ опправленію обязанности,
 и никакого воздаянія ожидать не мо-
 гутъ?

Впрочемъ, разумная и свободная
 наша душа имѣетъ познаніе о своемъ
 существованіи, о своихъ понятіяхъ,
 впечатлѣніяхъ и чувствованіяхъ. Она
 въ одно мгновеніе ока обшекаетъ все-

ленную: ей спойтиъ только пожелаешь, по и направляешь размышленія свои ко всему всюду, на все, на самые удаленные отъ чувствъ ея предметы, на невидимое, возможное и даже на невозможное. Она совсѣмъ не слѣдуетъ правиламъ движенія плѣтъ, которое не иначе сообщается, какъ чрезъ прикосновенія ближайшаго съ ближайшимъ. Душа, не проходя чрезъ среднее, спремитъ помышленіями своими отъ одного конца міра къ другому, переноситъ за моря, проникаетъ въ самое высочайшее небо, вопрошаетъ прошедшее, будущее, время, вѣчность, сущее, ничтожество. Когда же обращается на самую себя, то сравниваетъ свои чувствованія, оцѣниваетъ сужденія, выкладываетъ числа, размѣряетъ распоянія, рассуждаетъ о соразмѣрностяхъ, подтверждаетъ, отрицаетъ, познаетъ свои должности, способна къ заслугѣ; она желаетъ, надеется безсмертія. Вотъ коль удивительна сія сущность! Сыщется ли же по самое превосходство въ душахъ скоповъ, съ которыми не стыдился сравнивать себя нашъ остроумецъ? И шакъ онъ хочетъ употребить про-

пивъ себя самага собственное свое оружіе. Но ежели опнытъ у себя жизнь, еспъ верхъ неисповспва, по что же буденъ, ежели упопробить разумъ къ униженію себя даже до степени скоповъ, къ лишенію съ хладнокровіемъ поей надежды, копорую оббщаептъ намъ блаженнѣйшая будущность, и безъ копорой сія сколь нещаспная, споль и непродолжителъная. жизнь была бы бѣдспвіемъ, а не благодѣніемъ? Но вольнодумцы говорептъ: можно ли вѣрптъ невѣрояпному? Какъ допуспиптъ неудобопоспжимыя спанспва, въ копорыхъ теряепся разумъ, и копорыя даже возмущаептъ его? Можно съ однимъ здравымъ смысломъ быптъ Философомъ; онъ еще большее даептъ право на сіе пипло; копорое несправедливо присво-яептъ себѣ вольнодумцы. Сдѣлаемся же Философами, и спанемъ разсуждаптъ въ свою очередь.

. Ежели бы Богъ открьдъ мнѣ Релпгію покмо по слабымъ моимъ познаніямъ, и копорую могъ бы я принаровляптъ ко всѣмъ моимъ склон-носпямъ по самовольнымъ пцолкованіямъ, какъ тѣ дѣлаептъ наши де-испы, кои соспавляептъ себѣ богослу-

женіе по своей волѣ, по совѣсть моя была ли бы опѣ того спокойнѣе, и лучше ли бы удовольствованѣ былѣ мой разумѣ? Показалась ли бы самому мнѣ такая Религія достойною Бога, и чествованія моея вѣры возымѣли ли бы какую заслугу предѣ Его очами? Чшо можетѣ быти благоразумнѣе и разсудительнѣе, какѣ покоритѣ подверженный заблужденію мой разумѣ необманчивому разуму Божию? Слово его не есть ли побудительная къ вѣрованію причина, безконечно превосходящая убѣжденія, происходящаго опѣ моихъ умствованій, или опѣ свидѣтельствъ моихъ чувствъ? Оприцаться вѣритѣ поому, что Онѣ сокрываетѣ опѣ моихъ глазъ, не по же ли есть, что и подозрѣвать Его премудрость, не доврѣять правдѣ Его, а тѣмѣ самымѣ оскорблять Его власть и самое Божество?

Кѣ чему бы послужило мнѣ разумнѣе шайствѣ? По сидамѣ ли оно конечнаго духа, и Богѣ попребуетѣ ли опѣ меня онаго погда, когда мнѣ вѣ ономѣ опказываетѣ? Онѣ не понимаетѣ мнѣ ихъ повелѣваетѣ, а хочетѣ шокмо, чшобы я вѣрилѣ; какѣ же возможно мнѣ опказатѣ Ему вѣ покорѣ-

ніи моеї вѣры, не погрѣшивъ про-
пивъ просвѣщенія моего разума?

Что говоритъ мнѣ сей разумъ?
Совѣщаетъ ли онъ мнѣ спараться
проникашь таинства, копорья, каса-
ясь непроницаемой суцности и без-
конечныхъ свойствъ Божіихъ, супъ
превыше всякаго человѣческаго раз-
умѣнія? Не научаетъ ли онъ меня
напротивъ того вѣришь симъ таин-
ствамъ по слову Бога, копорый ни
Самъ обманушь, ни меня обманушь
не можетъ? Не даетъ ли Онъ мнѣ
чувствовать, что безумно было бы
не хотѣть рѣшиться вѣришь имъ
инако, какъ по мѣрѣ разумѣнія оныхъ,
и что превеличайшее естъ заблужде-
ніе, отвергая ихъ, поставляшь на мѣ-
сто оныхъ гораздо непонятнѣйшія
системы, и предлагать ихъ безъ ру-
чательства, безъ основанія, безъ до-
казательства и безъ побудительныхъ
причинъ.

Находясь такія таинства, ко-
имъ мы вѣримъ, не понимая ихъ: для
чего же не вѣримъ мы таинствамъ
Религіи по той одной причинѣ, что по-
нять ихъ не можемъ? Сіи таинства,
о копорыхъ, я хочу говорить, супъ

таинства напурь. Вольнодумцы наши никогда въ нихъ не углублялись, а однакожъ имъ вѣряли.

Могли ли они когда нибудь открыть намъ большую часть производящихъ въ глазахъ нашихъ явленій? Пускай они скажутъ, какая есть напура огня; пускай вразумятъ насъ о истинной причинѣ свѣта и его теплоты; пускай размыслиятъ о себѣ самихъ: они безъ сомнѣнія должны знать себя; имъ извѣстны шѣла ихъ; они ежеминутно ощущаютъ движеніе, дѣйствіе, игру различныхъ членовъ, оное производящихъ. Пускай же изяснятъ намъ образованіе, приращеніе, пружины, механизмъ онаго. Еслили же они сами согласятся, что сіе для нихъ невозможно, то по правилу ихъ принуждены о томъ сомнѣваться. Однакожъ они почли бы сумасшедшимъ всякаго оспаривающаго подлинность дѣйствій, копорую доказываютъ имъ собственная ихъ опытность, хотя и не можно понимать ни напурь ихъ, ни способа, ни средствъ. Для чего же почитаютъ они себя въ правѣ отвергать таинства Божія, неизреченную Его сущность, способъ

бытія Его, Его свойства, которыя бы преспали бытіе безконечными, естли бы не были непоспимы? Однимъ словомъ, какъ могутъ они опвергать всѣ сіи истины потому шолько, что не въ состояніи ихъ понимать, и думаютъ еще показать чрезъ шо великое превосходство ума и оспроты? По истинѣ, дабы почувствовать всю нелѣпость подобнаго заключенія, ничего больше не требуется, кромѣ общаго смысла. Онъ единъ можетъ доказать непреложность шайнства и истину Религии, которой обязаны мы припомъ самую святейшую и наибольшею нравственностью.

Не усумнимся же: Религія есть самое величайшее ниспосланное намъ отъ Творца благодѣаніе. Она есть самое действительнейшее утѣшеніе въ неразлучныхъ съ жизнью бѣдствіяхъ; самое надежное обузданіе страстей, которыя бы низпровергли все, естли бы не удерживаемы были страхомъ Суда, гораздо неизбежнейшаго, нежели судъ человеческій. Она есть основаніе законовъ, союзъ правленія, правило нравовъ, страхъ нашего имуществва, славы, жизни; самая швердѣйшая под-

пора правъ Самодержцевъ и надежнѣйшая народнаго повиновенія споручница. Чпо бы послѣдовало съ обществомъ, когда бы все шло по дерзновенному воображенію нашихъ Философовъ, которые, не держась никакого основанія, предоспавляющъ все расположенію слѣпаго случая, сотворившаго, по мнѣнію ихъ, вселенную и долженствующаго оною управлять?—Нападаютъ такимъ образомъ на священное правило порядка подчиненности, на общественное благоустройство, естъ объявлять себя врагомъ отечества и бичемъ человѣческаго рода.

И пакъ, ежели бы нравственность действовъ утвердилась въ мірѣ, то въ немъ ничега болѣе было не видно, кромѣ неуспроства, независимости, совершеннаго презрѣнія законовъ и спрашной терпимости самыхъ смѣшныхъ Религій. О семъ-то они нынѣ уже и вопіющъ: да и должно ли тому дивиться? Ихъ въ помѣ польза, что бы требовапъ сей политической терпимости. Безъ оныя могли ли бы они безъ наказанія заражать общество нечестивыми своими правилами. Толикую

ревность къ допущенію всякаго рода Религіи оказываютъ они для того, чпобы вольно имъ было не цмѣшь никакой. Но еспь ли чпо безуміе шакого пребыванія? Еспь ли чпо опаснѣ буйнаго скопленія споль много-различныхъ чиноположеніи споль многихъ пропивурѣчущихъ мнѣній? Какъ! привяшь, позволишь, уполномочить дейстское, безбожническое, Социанское, Манихейское, Магомепанское ученіе и самое идолопоклонство! Одинакимъ окомъ смолпрѣшь на самыя ясныя испины и на самыя нелѣпныя заблужденія! Равнодушно видѣшь суевѣріе и Фанатизмъ, богохуленіе и святопапство, воздвигнутыми подлѣ олтарей истиннаго Бога! Думаешь, чпо не погрѣшимъ предъ святымъ и спрашнымъ Богомъ, подавая всегда случай къ соблазну и паденію тѣмъ людямъ, кои поклоняются Ему духомъ и испинною, и пипая непрестанно въ обществѣ сѣмена несогласія, неуспройства, ерещества, мяшежа, брани и вражды! Нѣпѣ, не опдадимся въ обманъ сему припворному ко всѣмъ Религіямъ равнодушію; оно еспь не иное чпо, какъ маска великой ненависти къ Религіи, ополчаю-

щейся непрестанно прошивъ заблужденій и пороковъ.

Философы наши очень явно открыли сокровенные свои виды, направя всѣ усилія прошивъ свяшости непреложнаго закона, ни въ чемъ несогласнаго съ гордостію ихъ духа и развращеніемъ сердца. О какъ бы они были мудры и крошки, еспьли бы не находили выгоды бытъ таковыми! Сія выгода у нѣкоторыхъ изъ нихъ состоиптъ въ томъ, чпобъ дасть свободное печеніе спрасямъ; наложиптъ молчаніе сердечному гласу, непрестанно воззывающему насъ къ нашимъ должностямъ спрахомъ неизбѣжной будущности; бытъ въ соспояніи предспавлять первымъ очарованіямъ сердце, праздно опъ всѣхъ чувспвованій благоразумнаго и правильнаго воспитанія; жиптъ нераскаянно по волѣ своихъ похотѣній и въ совершенной независимости опъ всего того, чпо можетъ ихъ ослабиптъ, или спѣсниптъ. Можно ли же имъ не обезславиптъ своихъ мнѣній поль доспойными ихъ побужденіями? Сіи побужденія они всегда будущъ имѣтъ прошивъ себя, и оныя одни удобны ослабиптъ сильнѣйшія еще доказательспва,

нежели шѣ, кои приводятъ они въ свою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, были ли бы прошивны имѣ наши спайнства, еспьли бы нравспвенность наша не столь спрогою имѣ казалась? Но она шаковою еспь для шакихъ только сердцеѣ, кои по привычкѣ къ пороку, приведены въ нѣкопорую невозможность упражняться въ добродѣтели. Напрощивъ шого, предспавше мнѣ челоѣка неподверженнаго спраспямъ и предрасудкамъ: онѣ во основаніи своего сердца сыщепѣ оправданіе нравспвенности, деиспомъ осуждаемой. Безѣ царспвующаго нынѣ во всѣхъ соспояніяхъ распущспва не виднобѣ было въ мірѣ толикаго множеспва невѣрующихъ.

Оспается еше извлечь одинѣ плодѣ изѣ заблужденія ихъ, а именно оплакать слабость челоѣческаго разума, копорый сѣ шого времени, какѣ преспалѣ ограничивать себя, погрязѣ въ самыя опасныя превращспности. Когда мы не внемлемъ больше разсудку, на чшо шогда не опспажимся? Знаніе еспь нещаспие, когда оно не руководспвуется благоразуміемъ. Мы ничего не знаемъ, ежели не дѣлаемъ хорошаго употребленія изѣ

нашего знанія, и ежели спіяжанныя нами познанія обращаются больше въ ядѣ, нежели въ лѣкарство. Но можно ли увѣрять въ помѣ, въ чемъ мы сами не увѣрены? Какъ можно соблазнять другихъ такими ложными правилами, копорыми, по внутреннему нашему нувспованію, попустили мы укоризненно сами обмануть себя? И такъ усмотря столь нелѣпныя заблужденія, научимся не довѣрять собственному нашему просвѣщенію, и признаемся, что слишкомъ обманывается попомъ слабый смертный, копорый, много мечтая о себѣ, уклоняется отъ назначеннаго ему пути; копорый токмо единъ можетъ привести его къ совершенному блаженству.

По чему заключимъ весьма простымъ размышленіемъ, на копорое однакожъ не лзя не согласиться. — Двѣ великія пружины нашей воли, движущія всѣми почти нашими дѣйствіями, суть во первыхъ страхъ, заставляющій насъ уклоняться отъ того, что противно нашему блаженству; во вторыхъ надежда, подкрѣпляющая наши старанія, къ достиженію онаго предприемлемыя. Предположа сіе, говорю, что наши

Часть 2 В

Философы суть настоящие слѣпцы и величайшіе самими себѣ враги, нежели какъ они думаютъ. Они отвергаютъ надежду блаженной будущности, и ради безспрашнаго препровожденія на землѣ небольшого числа дней добровольно величайшимъ бѣдствіямъ подвергаются: между тѣмъ, какъ истинный Христіанинъ, гораздо просвѣщеннѣйшій, благоразумнѣйшій и прямой Философъ, живетъ въ спасительномъ страхѣ, дабы по смерти ничего уже не бояться. Теперь предоставляешь здравому смыслу рѣшишь, кто изъ нихъ избираетъ лучшую часть, и наименьшей опасности подверженную?

Боже всемогущій! я ожидаю отъ Твоей благости, что предприятый мною трудъ произведетъ нѣкоторое впечатлѣніе на невѣрствующихъ во дни наши. Я сражался съ ними одними только орудіями разума; мнѣ показались оныя приличнѣйшими для обращенія ихъ къ закону Твоему: но еслили они покорятся оному воспротивятся, то я хочу по примѣру Св. Павла быть за нихъ проклятъ, приносимъ себя ежедневно на жертву въ заглаженіе причиненнаго ими святой Твоей Религіи

оскорбленія, и ради побужденія Тебя къ удержанію бѣдственныхъ успѣховъ спрашныхъ ихъ заблужденій. Будучи обязанъ Тобою любить ихъ, хотя они враги Твои, могу ли я лучше выполнишь въ разсужденіи ихъ заповѣдь любви, какъ умоляя за нихъ милосердіе Твое, и прося, чтобы Ты наставилъ ихъ на путь спасенія. Нѣтъ изъ нихъ ни единого, котораго бы погасилъ совершенно въ своемъ сердцѣ чувствованія Христіанскаго воспитанія. Не смотря на всѣ ихъ усилія, Ты царствуеши въ совѣсти ихъ, яко Судія, возцарствуй же въ нихъ, яко Спаситель. Дай имъ почувствовать, что душа ихъ есть исшеченіе божественнаго Твоего дошновенія, и что, будучи безсмертна по своему началу, она сотворена для вѣчнаго хваленія Тебя на небесахъ!

XIV.

О безсмертноств имени.

Я недавно увидѣлъ въ одномъ учебномъ журналѣ особливую странность. Два ученыхъ мужа спорили о положеніи нѣкоторою Академіею награжде-

ни; и каждый для получения онаго принялъ противоположный путь: получившій оное не поспавилъ себѣ долгомъ превозноситься своею побѣдою, а побѣжденный шѣмъ не менѣе уважилъ сочиненіе своего соперника.

Въ сообразность понятій сихъ двухъ Орапоровъ покажемъ, что они другъ другу не противорѣчатъ, и что сочиненіе того и другаго спремилъ къ одному концу. Одинъ мнилъ, что желаніе безсмертнаго себѣ имени есть сообразно натурѣ и разуму, другой утверждаетъ прошивное. Если бы разсуждашіе о ихъ сочиненіяхъ Академики знали существовавшую между сими двумя Сочинителями связь, они безъ сомнѣнія раздѣлили бы имъ воздаяніе, какъ для того, чтобы вознаградить одну изъ добродѣтелей, весьма рѣдкую между двумя соперниками, такъ и почтили дарованія обоихъ и силу доказательствъ, коими каждый утверждалъ свое мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ мнѣ кажется, что они оба были правы.

Не правда ли, что съ одной стороны натура влечетъ насъ ко всему невыгоднѣйшему, а съ другой

разумъ, почти всегда напурою покарямый, попускаешъ увлекашъ себя своимъ желаніямъ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда они не содержатъ ничего вреднаго одной и другому?

И попому ничто не должно ихъ шоль мало беспокоитъ. Ничего нѣтъ невиннѣе, а въ послѣдствіи и безопаснѣе, какъ приспращіе видѣть попомство, занимающееся нашими дѣйствіями, добродѣтелями и всѣми чувствованіями, опличавшими насъ въ продолженіе нашей жизни.

Сіе-то приспращіе, самое щасливое и меньше другихъ вредное, удаляетъ насъ отъ всѣхъ прочихъ, и не рѣдко заспавляетъ производитъ чудеса, превышающія челоуѣчество.

Такимъ образомъ пресѣченіе нашей жизни не ограничиваетъ нашей славы. Она какъ дѣти: мы оставляя ихъ послѣ себя, желаемъ, чшобы носимое ими имя не угасало никогда. Мы напередъ уже наслаждаемся всѣми цѣнами благами, каковыхъ имъ желаемъ. Даже и въ то время, когда похищаетъ насъ смерть изъ сего міра, думаемъ провождать съ ними всѣ дни живоца ихъ. Мы не совсѣмъ уми-

раемъ, ласкаемся пережить себя въ нашемъ попомствѣ, которое почитаемъ частію самихъ себя, и продолженіе котораго проспираемъ по волѣ воображенія, конца оному не предполагающаго.

Чего мы желаемъ нашимъ попомкамъ, того же самага натура и разумъ побуждають насъ желать самимъ себѣ. Мы живемъ здѣсь на землѣ двоякою, такъ сказать, жизнію. Одна изъ нихъ общая намъ съ животными: она не что иное есть, какъ простое питаніе, которое ежедневно возобновляется, и продолжаетъ бытіе наше такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ. Мы сохраняемъ всю жизнь безъ заслугъ, и должны спововали бы споль же мало сожалѣть о лишеніи, сколь мало думали о полученіи ея. Но есть другая *существеннѣйшая* для человека жизнь, а именно та, которая заспавляетъ его являться съ большимъ блескомъ на позорищѣ міра, или которая содѣлываетъ его по крайней мѣрѣ въ немъ пріятнымъ, ради кропкаго и благотворительнаго его нрава, почнаго праводушія и поспояннаго прилбжанія ко всѣмъ общежитія должностямъ.

Такой человекъ живеть у другихъ въ почтеніи, и сія жизнь, по извлекаемымъ изъ нее выгодамъ, естъ для него гораздо драгоценнѣе той, которая заставляеть его просто существовать, и по которой былъ бы онъ не иное что, какъ бытіе, определенное только къ пожиранию земныхъ плодовъ, дышущая машина, которая, яко бесполезная, была бы прежде смерти какъ бы погребенною.

Для чегожъ бы не желать намъ наслаждаться по смерти сею жизнью, которую оживляеть и подкрѣпляетъ одобрение чувствительныхъ къ достоинству душъ, и котораго всякой просвѣщенной человекъ алчетъ въ продолженіе своей жизни? Она не для того сотворена, чтобъ погаснуть. Она дѣлаетъ честь человѣчеству, и ему для славы своей весьма полезно сохранять ее. Это естъ вѣренный ему отъ одного изъ сочленовъ его залогъ, и который долженъ служить примѣромъ всѣмъ тѣмъ, кои такъ же какъ и онъ, зная великость своего происхожденія, поставляютъ должность подкрѣпляетъ достоинство онаго.

Для упоминаемыхъ мною Героевъ

что значить пространство времени, жизнь, называемое? Большая часть людей видя в нем пустоту, которую не знают чем наполнить; но для них оно (время) есть наималѣйшая почка, весьма недостаточная для обширных их видов. Им надобно захватить будущаго, и нѣкопорымъ образомъ въ ономъ жить, дабы продолжить въ немъ свой геній (дарованіе,) и научить тѣхъ, кои могутъ распространить, или усовершенствоватьъ полезныя ихъ предпріянія.

Впрочемъ, для чего благородная надежда не можетъ наслаждаться и по смерти почтеніемъ, котораго имѣетъ она право ожидать за свои добродѣтели? Мы здѣсь живемъ надеждою, и оія надежда всегда простирается на будущее. Правда, что сіе будущее часто насъ обманываетъ; но изъ всѣхъ чаяній есть ли что въриѣе надежды такою челоуѣка, который въ продолженіе жизни будучи уважаемъ, ласкается и по смерти своей быть въ почтеніи? По крайней мѣрѣ таковая надежда бываетъ испочникомъ величайшихъ дѣяній, и служитъ пособіемъ во всѣхъ превращеніяхъ.

спяхъ житейскихъ, коимъ паче всѣхъ подвержены опличающіеся наиболѣе героическими своими дѣйствіями. Подобные только плащящъ имъ безсожалбнія дань должнаго почтенія. Они, будучи сами въ себѣ увбрены, держаютъ хвалишь добродѣтельныхъ мужей; но кпо не удивилъ множеству пакихъ людей, кои спараются доспоинство унизить, и не могутъ сносить того, что видятъ себя помраченными блескомъ онаго? Вотъ откуда происходятъ подозрбнія, клеветы, несправедливыя сужденія, приводяція въ замѣшательство самыхъ крѣпкія души, естли имъ неизвѣстно, что они по неволѣ принуждены почипать шѣхъ, противъ кого вооружаются, и что ненависть доказываетъ часно побудительныя причины къ уваженію, нежели самое соглашеніе на искреннее почтеніе.

Вотъ новая еще причина желать будущей славы, что не могутъ ни ослабить, ни повредить оныя праздныя и злопворныя существа, которыхъ плачевное существованіе шягопитъ только землю, носящую ихъ съ отвращеніемъ.

Смерть запечатлѣваетъ славу Героевъ, и дѣлаетъ ее наподобіе бронзоваго пмятника, котораго уже ни зависть, ни время разрушить не могутъ. А попому должно желать сея славы какъ пѣмъ, коихъ помраченныя злобою добродѣтели не могли сіять во всемъ своемъ блескѣ, такъ наипаче пѣмъ, кои чертами живаго и свѣтлаго выраженія могутъ еще просвѣщать и украшать вселенную. Однимъ служить безсмертіе вознагражденіемъ уцѣрба, другимъ воздаяніемъ: но пѣмъ, или инымъ образомъ обращается въ пользу человѣчества, которое, пользуясь ихъ добродѣтелями, чувствуешь себя влекомымъ къ подражанію имъ, видя, сколь преславно парятъ они надъ бездною вѣковъ.

Я можетъ быть слишкомъ много доселѣ говорилъ въ пользу желанія содѣлать героическими дѣянiями имя свое безсмертнымъ; почему долженъ теперь пропивоположить сему мнѣнію другое, которое, такъ какъ и первое, назвалъ я уже споль же благовиднымъ и истиннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, досповѣрно ли

то, что натура и разумъ влекутъ насъ къ споль превозносимому мною безсмертію? Чего же обыкновенно желаетъ натура, какъ не пользоваться настоящею минутою? Все ея удовольствіе заключается въ чувствахъ: но что бываетъ съ сими чувствами, сколь скоро она угасаетъ? Не наслажденіе забавами дѣлаетъ ее щасливою, но спремленіе (вниманіе) къ наслажденію ими. Переживаетъ ли же ее сіе спремленіе?

Что сказать мнѣ о разумѣ? Можетъ ли онъ одобритъ такое желаніе, которое не будетъ имѣть дѣйствія, коего отъ него надѣются? Не научаетъ ли насъ Исторія вѣковъ, что предъ тѣми (вѣками), въ коихъ мы льстимся жить славою, могутъ открыться спрашныя бездны, коими навсегда будутъ поглощены памятники и Исторія нашего времени? Все погбло, и даже самая память исчезла большой часши предшествовавшихъ намъ народовъ. Узелъ, долженствовавшій время ихъ связать съ нашимъ, разрушенъ попопами, землетрясеніями и спрашными колебаніями, испровергшими вселенную. Все

сфпрясается, оканчивается, перяется въ безфрныхъ проспранствахъ вѣчности; а человекъ, простая пылинка, случайное ничпожесства произведение, ласкается пренести имя свое до послѣднихъ предѣловъ времени, конца имѣть не долженствующаго.

Вошѣ чему долженъ научать насъ разумъ, а именно, содѣлать насъ въ краткое печеніе нашихъ дней сподѣ совершенными, сколько можемъ мы бытъ шаковыми. Есльи чаяніе блаженнаго безсмерція нашего имени можетъ насъ довести къ сему совершенству, очень хорошо: спанемъ искашь славы пережить себя самихъ; но уважая будемъ оное по полику шокмо, по колику можетъ оно подкрѣплять насъ въ исполненіи добродѣтели. Се есль вообразительное удовольствіе, но оно, уподобляясь всѣмъ порождаемымъ опѣ воображенія удовольствіямъ, перяетъ много чрезъ переходъ къ самой сущесственности, понеже приходитъ очень поздно и шогда, когда не лзя уже наслаждаться имъ со всѣми его выгодами. Въ самомъ дѣлѣ, Герой, имѣющій въ виду одно только безсмертіе сво-

его имени, подобенъ такому человѣку, копорой выкалываетъ себѣ глаза, дабы видѣть нѣкогда гораздо яснѣе.

Но естѣь надежнѣйшее и желательнѣйшее безсмертіе; оно естѣь то, копорое предлагаетъ Религія каждому Христіанскому Герою. Сей Герой, побѣждая свои спраспи и самаго себя, живетъ всегда праведно, и Богопочитаніе съ нравспвенностію соединяетъ. Соединеніе, весьма рѣдкое въ наше время, когда одно Богослуженіе производитъ суевѣровъ, а одна нравспвенность нечеспивцевъ.

По сему я имѣлъ причину утверждатьъ то и другое мнѣніе двухъ Орапоровъ, и соглашатъ разсужденіе ихъ такъ, чтобъ соспавитъ изъ нихъ одно; понеже въ самомъ дѣлѣ желаніе безсмертія можетъ быть поводомъ къ величайшимъ добродѣтелямъ; а равнодушіе въ разсужденіи сего опнюдъ не можетъ препяшпствовать въ доспиженіи того, что имбюпъ въ себѣ добродѣтели самаго славнаго и высокаго.

Послѣ сего, пусть судитъ міръ свободно о нашихъ дѣяніяхъ по своему желанію; а мы спанемъ помышляпъ

единственно о томъ, какъ бы учинить имя свое славнымъ въ блаженномъ и вѣчномъ безсмертіи. Насладимся симъ извѣстнымъ предвкушеніемъ вмѣсто того, чшобъ питаться блаженствомъ воображительнымъ.

XV.

Письмо къ другу.

Ты хочешь, чшобы я далъ тебѣ опчепъ во всѣхъ мысляхъ, занимающихъ меня въ минуны уединенія, копорыя удалось мнѣ сберечь для себя: почему я и намѣренъ сдѣлать тебя учасникомъ въ томъ, что меня больше обыкновеннаго занимаетъ, и о чемъ я не однажды уже съ тобою бесѣдовалъ. Не знаю, что меня непрестанно къ тому приводитъ. Можетъ быть сіе происходитъ отъ того, что въ самомъ моемъ благоденствіи чувствую въ себѣ нѣчто такое, что его нарушаетъ, что желалось бы мнѣ опредѣлить, и чего однакожъ не могу познать.

И такъ спрашиваю теперь себя: для чего человекъ столь рѣдко достигаетъ къ тому, чшобъ быть, или

что все почти равно, почиташъ себя щасливымъ? и для чего, не смотря на любовь къ себѣ самому, онъ претяпспвуетъ себѣ бытъ шаковымъ; по злоупотребленію ли благоденствія, коимъ наслаждается, или попому, что не умѣетъ сдѣлать онаго продолжительнымъ?

Знаю, что случаются въ жизни такія нещастія, коихъ избѣжать не возможно; но суть и такія, кои по неблагоразумію мы на себя навлекаемъ, и кои, по глупому нашему самихъ себя забвенію и по Споической, смѣха достойной Философіи, почти насъ не прогаютъ. Истинно также, что характеры, особливо же пемпераменты столь великое дѣлаютъ различіе въ нашихъ вкусахъ, что по, что для однихъ служитъ удовольствіемъ, для другихъ очень часто бываетъ равнодушно. Разные наши предлоги щастія можно уподобить модамъ. Они перемѣняются, разрушаются, возобновляются, и рѣшитъ оныя больше своенравіе, нежели разсудокъ, или, лучше сказать, мбра ихъ есть одна суешность. Одни постав-

дяющѣ щастіе, въ пышности и величїи, другіе въ удовлетворенїи чувствѣ; нѣкоторые въ изоцренїи разума и прилѣжномъ ученїи, другіе въ лбности и бездѣйствїи; а всего страннѣе, большая часть, хочещѣ наипышнѣе оное такими средствами, кой совершенно пропивны склонностямъ ихъ и всѣмъ несвойственны къ доставленїю имъ желаемого. Мы хощимъ сплжати славу иногда, когда для заслуженїя оной ни на что не отваживаемся. Хощимъ собрати имѣніе, не предпрїемля труда, каковаго оное прѣбуещѣ. Желали бы сдѣлаться учеными, не употребя бдѣнія и попу, безъ которыхъ ученїе не даещя. Хощли бы сдѣлаться Государевыми любимцами, не прощедѣ нягоспныхъ должностей придворнаго. Почему знатъ! можещѣ бытъ хощли бы первенствовать въ бесѣдахъ, и бытъ въ оныхъ прїятными безъ уваженїя ко всѣмъ, безъ наблюденїя обыкновенной благопрїстойности и безъ потерпнїя рѣзкаго и повелишельнаго тона суетной и гордой души; такимъ образомъ, говоритъ Гораций: *Быкъ хощлѣ бы носить сѣдло, а волкъ рало.*

Опѣ сего также происходиѣтъ, что счастье, всегда непостоянное и зыблющееся, уподобляеѣтъ ручью, который то прибываетъ, то убываетъ; и хотя при началѣ бываетъ прозраченъ, но въ теченіи возмущается и становится мутенъ.

Таково естѣ особливо счастье Государей, хотя мы и выше всѣхъ прочихъ оное поспавляемъ. Правда, неувидительно, что порочный Монархъ, не щадиѣтъ своего народа и заспавляюѣтъ себя уважатъ одною шокмо люпоспсію, нещастнѣе всѣхъ бываетъ въ своемъ царствѣ; но дивно то, что Государь премудрый, знающій свои должности, любящій и исполняющій ихъ, привлекающій ежедневно благоспсію и челоѣколюбіемъ своимъ хвалы; что Монархъ другъ челоѣковъ, и челоѣкъ между своими подданными, не наслаждается и не можетъ наслаждаться чиспымъ и постояннымъ счастьемъ; вопѣ что, говорю, должно насъ удивлять, и что однакожъ естѣ самая истина!

Кто окружаеѣтъ сего Государя? Люди лживые и корыстолубивые, которыми добродѣтели его пропивны

Часть 2. Г

и погда, когда они хвалами ихъ превозносящъ; сердца въ нуждахъ своихъ низкія, при благоденствіи гордыя и высокомерныя, а не благодарныя, когда ничего ожидать не могутъ: на послѣдокъ такіе люди, которые, всегда будучи раздѣляемы спрассями и выгодами и всегда вредя другъ другу, соединяются для того единственно, чтобъ заразить его чувствованія, ослабить власть, и подъ видомъ припворной покорности пріобрѣсть его довѣренность, и послѣ измѣнить.

Коль же болѣзненно такому Государю видѣть уважаемымъ больше его достоинство, нежели особу; видѣть власть свою не весьма твердою, когда хочеть облегчить тяжесть оныя; благодаренія свои, надлежащія одной заслугѣ, уступаемыя имъ противъ воли своей одной доукѣ, и которые всегда почти подають поводъ къ неблагодарности, или служащъ новымъ побужденіемъ къ докучливости; отказы свои, хотя законные, почиаемыми минувшимъ своенравіемъ, ложнымъ предубѣжденіемъ, недоспашкомъ разума и просвѣщенія; друзей, ежели по щаспію ихъ имѣеть, не опваживаю-

щихся оскорбить его извѣщеніемъ объ ономъ; толпу безполезныхъ подданныхъ, держающихъ хулить его поведение въ то самое время, когда онъ печется . наиболѣе о ихъ пользѣ, и всегда готовыхъ къ ропоту, ежели хотя нѣсколько поколеблется рука его, правящая кормиломъ Государства! Не взирая на его дарованія, добрыя намѣренія и на самое праводушіе, злые люди предполагаютъ въ немъ пороки, честные недоспадки, виноватыя жеспокость, невинныя излишнюю пощачку.

Чпозжъ я долженъ еще сказать о его внѣшнихъ непріятеляхъ, коихъ онъ обязанъ укрощать, или поражать; о политическихъ, или военныхъ проэкпахъ, кои долженъ онъ составлять необходимо; о заботахъ поступать по времени и обстоятельствомъ, удалять, или изыскивать случаи, предупредить, или вознаграждать свои упрасы и шруды; о раскаяніяхъ, каковыхъ долженствуетъ спомнить ему слава его, ежели онъ не можетъ поддержать ее инако, какъ пролипіемъ крови любимыхъ своихъ подданныхъ, или крови безчисленнаго множества

иностранныхъ, которые принуждены нападать на него, и кои хотѣли бы избѣжать войны?

Сіе описаніе естъ истинно; и ежели самыя высокія кедры не избѣгли отъ попоа золъ, изліянныхъ на землю, то уже что должно помыслишь о жребіи распушаго при корнѣ оныхъ иссопа?

Когда бы несчастія наши не происходили, какъ то я уже сказалъ, отъ малаго нашего спаранія предохраняшь себя отъ нихъ, и не отъ обстоятельствъ и переменъ вкусовъ и склонностей, въ насъ господствующихъ; то и тогда будетъ несомнительно сіе, что нѣтъ такого состоянія и званія въ жизни, которое бы не должно сповало много, или мало бытъ подвержено бѣдствіямъ. Можно ли намъ не знать, что они рождаются изъ самаго щастія? Поелику самое совершенное, естли естъ шакое, носитъ всегда съ собою какъ бы нѣкій бѣдственный квасъ, который оное возмущаетъ, дѣлаетъ кислымъ и повреждаетъ, и котораго даже и тогда ни описать, ни познать не возможно, когда наиболее чувству-

емь его дѣйствія. Сіе-то Лукрецій назвалъ внутреннимъ и сокровеннымъ порокомъ, родящимся и существующимъ въ самомъ дѣйствительномъ блазѣ, прельняющимъ, вооружающимъ оное противъ себя, и изливаемою на него желтію и горелію содѣлывающимъ оное предметомъ равнодушія, или презрѣнія, и который заставляетъ пощипать сѣкиры и (связанныя) пучки батогавъ, скипетры и даже самыя престолы.

Сей внушренній порокъ, сей пагубный квасъ, и какъ Цицеронъ называетъ его, сія неизвѣстная сила, чувствуемая, но невѣдомая, и которая меня споль часпо занимаетъ, понеже я непрестанно ощущаю ее въ себѣ самомъ, дѣйствительно ли есть дѣйствіе самаго благоденствія? Сей сокровенный червь, початый и не рѣдко изсушающій его до самаго корня, не въ насъ ли болѣе пребываетъ, гдѣ и порождается и питается отъ развращенія нашихъ душъ? Не происпекаетъ ли сіе отъ несходства нашихъ склонностей съ настоящимъ нашимъ состояніемъ, и въ которомъ, неудивительно, что не находимъ желаемого нами удовольствія? Сколько примѣровъ

можно заимствовати къ объясненію сего понятія!

Можетъ ли кто, по видимому, быть щасливѣе духовнаго чловѣка, который, будучи одинъ и отъ всѣхъ отдѣленъ, не имѣя ни фамиліи для содержанія, ни преемниковъ, коихъ бы снабждать надлежало, пользуется нарочитымъ доходомъ, и которому часпо ничего дѣлать не оспаетъ, какъ пожирать время безъ упребленія онаго? Поспавленный въ важной сферѣ, онъ не чувствуетъ ни единого изъ тѣхъ бѣдствій, кои облежатъ прочихъ людей. Но сіе преимущественное существо, избытокъ и поведеніе котораго нынѣ никого не удивляетъ, поелику сіе уже не новое для насъ; сіе, говорю, существо щасливо ли, и можетъ ли дѣйствительно шаковымъ почитать себя? Не взирая на важный его видъ, который онъ на себя принимаетъ, я усмаприваю начерпанное на лицѣ его безпокойство; вижу, что состояніе его для него мучительно; онъ вступилъ въ оное, не зная и не любя его, а призванъ былъ въ него однимъ пожеланіемъ; но понеже состояніе его пропивоположно

пѣмъ должностямъ, кои онѣ обязанъ исполнять, по и можетъ ли оно принудить его къ исполненію ихъ? И пакъ не могли вкушать пріяпностей, ощущаетъ однѣ только мученія, или трудности оныхъ. Должности его обвиняютъ, совѣсть осуждаетъ, даже самое сердце его имъ гнушается.— Онѣ презираетъ самъ себя прошиву воли, и тогда только находитъ удовольствіе, когда можетъ избѣжать упрековъ своихъ собратій, изъ коихъ большая часть, соблюдая вѣрно свои обязанности, научаетъ его лучше пользоваться имѣніемъ, временемъ, почестями и выгодами, во зло имъ употребляемыми.

Сколько бы могъ я здѣсь привестъ на память другихъ состояній, копоры лишасъ прежнихъ своихъ прелестей, спановяшся намъ скучны, безпокойны и шягоспны, по малому сходству попребныхъ дарованій и свойствъ, съ пѣми нравами и склонностями, съ какими мы вѣ оня вступаемъ! Я никогда не понималъ, чпобъ можно было бытъ щасливимъ, не будучи шакимъ вѣ самомъ себѣ. Да и какъ бытъ намъ довольными, когда

мы не бываемъ таковыми въ томъ состояніи, для котораго мы родились? Пшницѣ нравится ли вода? Растѣніе не засыхаетъ ли въ неприличной почвѣ (землѣ)? Признаваясь, что намъ прошивно наше состояніе, есть положительно говорить, что оно намъ несвойственно. Нѣтъ ни одного такого состоянія, которому бы можно было приписывать счастье, или несчастіе, а таковымъ дѣлаетъ оно намъ нашъ характеръ. Мы сами дѣлаемъ всякое состояніе легкимъ или труднымъ, спокойнымъ или несноснымъ, приятнымъ или неудобоперпимымъ. Счастія Діогенова не составляло неоприятное его жилище, и Александра Великаго необширная Индѣйская страна дѣлала благополучнымъ; но Цинику нравилась бочка для того, что онъ ничего не желалъ внѣ тѣснаго ея круга; а завоевателю Азіи недовольно было всей вселенной, потому что онъ не умѣлъ ограничить честолюбія своего.

Однакожъ не одно несходство, или неравенство нравовъ и характера съ тѣмъ мѣстомъ, на которое помѣстило насъ Провидѣніе, можетъ содѣ-

лапъ щастіе, или нещастіе жизни: по и другое можетъ происходить опъ одного почти источника, п. е. опъ умбренности, или пылкости нашихъ желаній.

Человѣку не лзя жить безъ желанія. Есплы кпо опважился похвалился споль щасливую нечувствительностию; по я все утверждаю, что у него остаеется еще желаніе, по еспь, пребываетъ всегда въ поль спокойномъ состояніи: осуждаетъ желанія вообще, еспь осуждаетъ самую Напуру. Они раждаются въ насъ на подобіе пѣхъ распѣній, кои сами собою и безъ одобренія распушъ на кровляхъ хижинъ, и хотя очень рѣдко на стѣнахъ Царскихъ чертоговъ. Они споль крѣпко соединены съ нашимъ существомъ, что предваряютъ разумъ, и онъ едва всѣхъ ихъ не усновляетъ. Самое неосновательное желаніе почти непримѣнно обращается въ чувство.

Желанія даже нужны человѣку.— Они даютъ ему движеніе и жизнь. Я почиаю ихъ центральнымъ огнемъ, который его (человѣчество) согрѣваетъ, усремляетъ внѣ себя, умножаетъ си-

лы, распространяеиъ виды, ррушаеиъ ему благоразумную довѣренность, а иногда и удачное дерзновение. Желанія прелетаюиъ распоянїя, сближаюиъ самые опдаленные предметы, и нѣкоторымъ образомъ доставляюиъ намъ то, чего мы не имѣемъ. Всякимъ произшествїямъ пропвоборспвуюиъ, не допускаюиъ и какъ бы рукою оспанавливаюиъ бѣдспвїя, со всѣхъ сторонъ насъ окружающїя.

Но каковы бы ни были ихъ преимущеспва, они часпо бываюиъ бѣдспвенными причинами болѣзней и скорби. Нѣспъ изъ нихъ ни единого, которое бы намъ не ласкало, но очень мало щаквхъ, кои бы насъ не обманывали. Они подобны онымъ опаснымъ Ахелоевымъ дочерямъ, копорыя, привлекая очаровашельнымъ своимъ голосомъ спранспвующихъ, распавляли имъ неизбѣжныя сѣпи.

Въ самомъ дѣлѣ большая часпъ нашихъ желанїй или *слѣпы*, или очень *видны*, или *гестолобввы*, или *безразвудны*, или *весьма неосновательны*.

Слѣпы, попому что ищупъ того, о чѣмъ не даюиъ намъ времени и

помыслишь; а часпо того, чего всячески удаляться бы надлежало.

Очень сильны, ибо хопящѣ испребляють препятствія силою, вмѣсто того, чпобѣ опдають оныя. Опѣ неперпѣнія силы наши испощеваются, и мы на половинѣ поприща чаще поспыжжены бываемѣ больше слабоспю нашею, нежели раздражаемся на дерзкія наши предпріятія

Тестолюбивы, попому чпо хотѣли бы все обнять и захвапиль. Они порѣвають насѣ кѣ пому, кѣ чему ни дарованія, ни соспояніе, ни родѣ нашѣ доспигнуть не могутѣ; и мы напо слѣдокѣ сѣ грубымѣ высокомѣріемѣ презираемѣ по, чпо не могло послужиль кѣ усугубленію нашего высокомѣрія.

Безразсудны, поелику рѣдко употребляютѣ прямыя средства кѣ удовлетворенію насѣ. Имѣ обыкновенно кажутся гораздо надежнѣйшими средства удаленныя, кривыя, не споль проспыя и часпо самыя несправедливыя. Они поддѣлываютѣ свои поспупки, заглаждаютѣ свой ходѣ, бояпся сдѣлать примѣпными, и сей спрахѣ

бываетъ обыкновенно весьма справедливъ.

Напоследокъ весьма *неосновательны*, попому что предполагають для себя больше пріятное, нежели полезное; не по, что предписываетъ разумъ, но чего требуютъ спраспи и предразсудокъ. И шакъ должно ли удивляться, что они не столько удовольствія, сколько прудностей и заботъ намъ причиняють, и что всегда, въ пропивность намбрений еспешва, бываютъ для насъ паче заразою, нежели сбменемъ жизни и здравія?

Щаспливъ потъ смерпный, который, опасаясь сь ними заблудиться, ихъ ушбсняетъ, воздерживаетъ, или по крайности умбряетъ и управляетъ ими!

А потъ еще щаспливбе, кто освободясь отъ всего, что возраждаетъ ихъ, ищетъ удовольствія единспвенно въ самомъ себѣ; кто, не видя никакого отношенія между малоспію и ничтожеспвомъ чувспвенныхъ существъ и между благородспвомъ, неизмбримоспію и высокимъ души своя опредбленіемъ, почиаетъ ихъ удобными по-кмо ее унизить и обезславить; кто,

будучи увѣренъ, что земля и вся вселенная не могутъ ничего величайшаго ему представить, кромѣ его самаго, взираетъ на добро и зло равнодушно, смѣшиваетъ въ своихъ понятіяхъ скипетръ и посохъ, попираетъ почести безъ боязни, богатство безъ презрѣнія, уваженіе человѣческое безъ пренебреженія, самихъ человѣковъ безъ намбренія злословитъ, и не оприцаясь бытъ имъ полезнымъ!

Человѣкъ, мною описываемый, и котораго начерпалъ я весьма несовершенно, похвастался безъ сомнѣнія чудомъ; но всякой изъ насъ долженствовало бы ему уподобиться, если бы мы хорошо были увѣрены, что самое неложное средство жить щастливо, есть заключиться въ себѣ, дабы научиться лучше познавать себя самаго, управляя своими склонностями, и очищая добродѣтели. Вотъ что называется жить въ уединеніи, и бытъ свободну отъ всѣхъ наружныхъ предметовъ, которые обыкновенно дѣлаютъ насъ несчастными, не дѣлая благоразумнѣйшими: сіе-то есть бесѣдовать съ своимъ сердцемъ, охотно внимать ему, понеже оно всегда говоритъ прав-

ду, находить съ нимъ удовольствіе, и не оставляя міра, ^ии даже показывая, что угождаешь ему, отъ него уклоняясь въ самое то время, когда онъ хочеть заняты насъ любимыми своими вздорами.

Мудрый, о которомъ я говорю, шѣмъ щасливѣе, что не предполагаетъ бытъ таковымъ, и даже не замѣчаетъ, таковъ ли онъ есть въ самомъ дѣлѣ; ибо сіе есть одно изъ обыкновенныхъ условій щастія, что оно ищущимъ его не дается, и отъ тѣхъ уклоняется, кои мнѣ имъ наслаждаешься. Для спяжанія его почти ничего не поспребно, такъ какъ и перяется оно часпо отъ бездѣлицы. Энею стоило только бросить хлѣбъ въ пасть Цербера, чтобъ проникнуть во адъ; а Орфей однимъ взглядомъ лишился любезной своей Эвридики, которую ласкался онъ извести опшуда.

Но сколько ни шрудно, по видимому, бытъ столько щасливымъ на землѣ; сколько мы желаемъ по причинѣ спранности и преврапности нашихъ вкусовъ, прошивоположности склонностей нашихъ съ должностями, наконецъ по слѣпому и нескромному спремленію,

насѣ кѣ нему увлекающему; однако я вижу одно самое надежное средство кѣ доспигенію онаго. Сіе средство состоипѣ въ томѣ, чпобѣ спарашься быпѣ щаспливымѣ въ другихѣ чело-вѣкахѣ. Какое варварское сердце не сыщепѣ удовольствія въ облегченіи бѣдствій нещаспныхѣ людей? Сдѣланное имѣ добро можно уподобипѣ брошеннымѣ въ землю сѣменамѣ, копорыя долгое время должны въ ней гнипѣ, а можепѣ быпѣ и не принеспипи даже пло-да. Сѣявши добро, мы оное собираемѣ; и, ежели позволено пакѣ извѣспипѣсь, одно желаніе кѣ изліянію благодѣнія еспѣ уже время жапвы. Благодѣнія сущѣ одно толькосо кровище, копорое возраспаепѣ по мѣрѣ распоченія. Сердце наше сотворено для сообщенія себя; и кпожѣ болѣе сіе заслуживаепѣ? Тѣ ли, кои заняпы будучи собою, совсѣмѣ цѣны сего не чувспвуютѣ, или нещаспные, пребующіе и прославляющіе его, предполагагая въ немѣ великодушную чувспвипельность? Мы видимѣ, чпо обыкновенно одни толькобо бѣдные сожалѣютѣ о бѣдныхѣ. Вельможи ихѣ опвергаютѣ, презираютѣ, а не рѣдко обижаютѣ и оскорбляютѣ: но сіи гор-

деливые смершные, которые спыдяп-
ся потерять что-либо изъ своей чес-
ти, славы и благородства, для чего
равно не спыдяпся попускать чело-
вѣчеству изнемогать, испребляться и
унижаться въ подобныхъ себѣ, и паче
бѣдствій и болѣзней посрамляють
оное своимъ равнодушіемъ и презрѣні-
емъ?

XVI.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

Разныхъ предметахъ нравственности.

Слово Божіе доказываетъ истину
Религіи, развращеніе человѣческое не-
обходимость оныя, полипика ея пользу.

Гдѣ Религія говоритъ, тамо раз-
умъ долженъ покмо слушатьъ.

Одна только Религія можетъ
перемѣнить спраданія въ удоволь-
ствіе.

*нравствен-
ности
нравствен-
ности*

Чтобъ хорошо употреблять жизнь,
надлежало бы имѣть въ молодости опы-
тность пресварѣлаго возраста; а въ
старости крѣпость молодыхъ лѣтъ.
*и надобно прежде опредѣлить сум-
мы рѣшительныя, что имѣетъ
саму себя въ старости
Смирн. см. Мелодіи*

Есплы бы люди предчувсвовали прудность вѣ исправленіи себя, шо осперегались бы опѣ пороковѣ.

Чпобѣ заслужипѣ одобреніе вѣ дѣлахѣ своихѣ, не надобно слишкомѣ одобрять себя.

Надежда дѣлаепѣ время весьма продолжипельнымѣ, наслажденіе же очень крапкимѣ.

Долговременныя болѣзни причиняютѣ печаль, а долговременная надежда радость.

Люди, долженспвовавшіе бытѣ опѣ клеветы свободными, гораздо чаще ей подвергаютѣся.

Мы никакого не хопимѣ зла тѣмѣ людямѣ, коихѣ презираемѣ; но желаемѣ онаго тѣмѣ, кои имѣютѣ право насѣ презиратьѣ.

Надлежало бы раздражатѣся больше излишними хвалами, нежели обидами.

Гораздо честнѣе признаватѣся вѣ своихѣ проспукахѣ, нежели хвалишѣся своими' заслугами.

Душа хочепѣ наслаждатѣся всемѣ своимѣ сущеспвомѣ: умѣ хочепѣ знатѣ, сердце чувспвоватѣ: почему всѣ они, подобно тѣлу имѣютѣ свои нужды.

Часть 2.

Д

Чувствительное сердце много страдать долженствует; гораздо дешевле имать дело с своим разумом, понеже не очень много таких предметов, коими он занимается.

Можно ли любить жизнь, ежеминутно к смерти ведущую, да еще и такими путями, копорые терпением усъяны?

Жизнь столько же, или еще больше вешается в забавах, нежели в оправданіяхъ.

Мы в других, такъ сказать, живемъ, но в себѣ самихъ очень рѣдко.

Веселость для души есть здравіе, а печаль ядъ для нее.

Разумъ показываетъ намъ наши обязанности; но что заспавляетъ насъ ихъ любить, гораздо сильнее самага разума.

Краснорѣчіе по толику шокмо доспойно уваженія, по колику оно служитъ истинѣ. Оно ласкаетъ сердца, кои сія раздираетъ.

Изъ всѣхъ нашихъ добродѣтелей мы одно терпѣніе за ничто погубляемъ.

Человѣческое предусмошрѣніе бесполезно прошиву опредѣленій Промы-

ела; однако Промыслъ часто заставляеъ оное, принимаяъ великое участие въ Своихъ опредѣленіяхъ. Онъ чаще предполагаетъ оное, нежели проповѣдуетъ ему и разспроиваетъ.

Поддерживать ненависть не такъ легко, какъ думаютъ.

Духовная роскошь всегда почти слѣдуетъ за нравственною роскошію.

Многіе люди гораздо больше были бы почитаемы, если бы не столь распочипельны были на свои услуги. Ихъ не иначе бы употребляли надлежало, какъ умѣренно и когда нужда попотребуеъ.

Въ несчастіи столь же естественно бояться, какъ и надѣяться.

Рѣдко бываетъ, чпобъ у несчастнаго были друзья, а еще менѣе сродники.

Я охотно повѣрю, чпо несравненно похвальнѣе сноситъ величайшія бѣдствія, нежели производитъ великія дѣла.

Идущимъ щастія весьма дорого оное достаеъся; оно обыкновенно постигаетъ тѣхъ, кои не очень о немъ спаряются.

Кому недостаеиъ другихъ добродѣтелей, тому крепость весьма бы приличеспвовала.

Похвалы суть ругашельспва, когда они не искренни.

Кто мало имбепъ, топъ почти всегда бываетъ щедрѣ.

Помышленіе о щастіи бываетъ иногда леспнѣ наслажденія онымъ.

Узы дружбы такъ нынѣ слабы, что сами собою рзрушающяся. Они только сближаютъ, а не содиняютъ сердца.

Чѣмъ больше дружеспво сходспвуетъ съ любовью, тѣмъ оно совершеннѣе.

Чтобъ заспавить себя любить, къ тому поспребна нѣкопояя уловка, ибо дружеспво не всегда внушаетъ дружбу.

Крѣпкій и гладкій мраморъ опражаетъ предспавляемые ему предметы; поже самое по большой части случается и съ людьми: спраданія другаго касающяся только посперхности, а не внутрениости ихъ душъ.

Мы рано, или поздно уничижаемъ тѣхъ, копорыхъ прежде превозносили похвалами.

Человѣкъ, возносящійся превыше своего нещасія, показываетъ, что онъ того не заслужилъ,

Мудрецъ, въ прошивность форшунѣ, можетъ быть благополученъ,

Столько же надлежало бы почитать себя щасливимъ въ особѣ друга, сколько въ самомъ себѣ,

Мужество, внушаемое поревнованіемъ къ каковому-либо предпріятію, находить скоро и средства къ успѣху.

Переспать слушать разказчика, есть самое надежное средство принудить его къ молчанію,

Желаніе нравиться можетъ быть похвально только потому, если мы въ поже время спараемся быть достойными уваженія.

Чтобы спокойно жить, не надлежало бы ничего пруднаго предпринимать; но выскомбріе заспавляетъ насъ почитать все легкимъ.

Ежели находящіяся неизбѣжныя опасности, то много и пакихъ, коимъ мы сами безразсудно подвергаемся: а еще больше паковыхъ, коихъ съ небольшою предоспорожностію избѣжать можнѣ было.

Между всѣми мірскими дѣянiями пакая находишь связь, что одно зависишь отъ многихъ другихъ, и мы ничѣмъ не можемъ располагашь.

Непостоянство нашихъ вкусовъ есть причиною безпорядка въ нашей жизни.

Есть такое высокое достоинство, которое не даетъ само собою никакой степени. Сие достоинство происходитъ изъ качествъ честнаго чловѣка.

Обыкновенно одни только достойные безсмертiя Государи и любящiе ободряють дарованiя дають оное (безсмертiе).

Не возможно принудить къ молчанiю внутренняго гласа, укоряющаго насъ въ нашихъ проступкахъ, ибо это есть самый гласъ Натуры.

Истина Религiи ничѣмъ такъ не доказывается, какъ ея торжествомъ надъ невѣжествомъ варварскихъ вѣковъ.

Религiи должно бояться покло того, что недовольно въ нее углубляются.

Чтобъ избѣжать спрѣлъ зависти, не уже ли ты преспанешь бышь

для того добродѣтельнымъ? Какое было бы несчастіе, если бы преспало свѣтло солнца, дабы не ослабились слабыя очей!

Любовь чѣмъ больше спарѣетъ, тѣмъ паче ослабѣваетъ; дружба же напротивъ того долговременностію укрѣпляется.

Натура къ сильнымъ и слабымъ непрестанно вопіетъ, что всѣ они суть члены одного тѣла.

Ежели мы мало видимъ нынѣ людей съ великими дарованіями, причина сему та, что искусства мало имѣютъ изобрѣтателей въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ уже слишкомъ много образцовъ.

Самый необманчивый признакъ невѣжества есть суевѣріе.

Кто бы изъ насъ замѣтилъ время, ежели бы оно не текло? Но какое несчастіе помышлять о немъ тогда, когда оно уже прошло, или миновало!

Сколько есть такихъ людей, кои бодрствуя грѣзятъ, и коихъ однакожь грѣзъ на яву гораздо вреднѣе бреда въ глубокомъ снѣ!

На которыя вещи должно соглашаться по одной очевидности, на тѣ соглашаемся мы по самадѣйшему убѣжденію.

Науки ничему уже насѣ больше не научатѣ, какѣ только гордишься и споришь.

Не у мѣста великой умѣ показывается обыкновеннымъ человѣкомъ.

Наука, ежели хорошо обработана, представляетѣ прямо здравый разумъ и разумъ.

Людей, не имѣющихъ разума, никогда не должно презирать: это въ нихъ несамопроизвольный недоспапокъ.

Разумъ, ежели онѣ остается только разумомъ, мало значить.

Весьма не много такихъ людей, которые превышаютѣ носящуюся объ нихъ славу; но такихъ, кои гораздо ниже оной, безчисленное множество.

Благошворная душа должна гораздо чувствительнѣе быть къ благодѣяніямъ, нежели къ причиненнымъ ей оскорбленіямъ.

Сколь бы ни велико было швое щастіе, но есть гораздо большее: а

имянно, почишашься доспойнымъ по-го щастія, коимъ наслаждаешься.

Мы должны измѣрять время добрыми нашими дѣлами: иначе мы не жили,

Надежда хопя и часпо насъ обма-нываетъ, однакожъ мы всегда равную къ ней имѣемъ довѣренность; и шакимъ образомъ жизнь наша въ надеждѣ протекаетъ.

Никогда почти не случается, чптобы упавшіе съ высоты величія люди чувствовали столько силы возставать, сколько оказали слабости въ паденіи.

Вся Натура дѣйствуетъ къ возрастанію, а все возрастаетъ къ своему разрушенію.

Добродѣтель, порождающая зависть, по крайней мѣрѣ по имѣетъ преимущество, чпо рано, или поздно приводитъ въ замѣщательство завистниковъ.

Ежели медленная въ предпріятіяхъ рѣшимость называется благо-разуміемъ, то опложеніе предпріятія есть уже слабость.

Скромность всегда неразлучна съ прямымъ достоинствомъ.

Выспавляшь себя ревнивымъ (зависпливымъ), естъ показывашь свое опасеніе, чшо тебя запмятъ.

Въ числѣ великихъ дѣйсвій Промысла надлежитъ поставлять, чшо каждый народъ, сколь бы впрочемъ бѣденъ ни былъ, воображаетъ, будпо онъ одинъ покмо благоденствуетъ.

Нѣтъ лучшаго средсва утѣшишься въ своемъ невѣжествѣ, какъ все то, чего не знаешь, почипать бесполезнымъ.

Владѣтелямъ, рожденнымъ въ черпогахъ, можно ли познашь бѣдность, обитающую въ хижинахъ?

Папріотизмъ естъ уже не иное чшо, какъ чувствованіе своего благоденствія и страха, чшобы оно не было нарушено.

Въ безразсудномъ чловѣкѣ даже и самое благочестіе опасно.

Разуму попребенъ опытъ, но опытъ безъ разума бесполезенъ.

Совѣсь прежде дружески насъ предосперегаетъ, а потомъ наказываетъ яко судія.

Чшобы вѣришь съ подлинностію, начинашь должно сумнѣніемъ.

Мнѣ непонятно, какъ въ одно и то же время обманъ осуждается, и столь припомъ всеобщъ; нѣтъ ни одного человѣка, который бы не боялся обмана, и который бы при случаѣ не хотѣлъ обмануть другихъ.

Я бы желалъ, чтобы не столько было распоянія между чернію и Вельможами; чтобы народъ почиталъ Бояръ не болѣе, какъ чего они споятъ, и боялся ихъ меньше; а Вельможи чтобы не почитали народъ менѣе и ниже того, что онъ есть, и спрашивались бы его гораздо болѣе.

Если бы красота знала преимущество возвышающей ее спыдлиности, то не подвергалась бы ежедневно столь многимъ опасностямъ.

На что убѣгать несчастныхъ? Соспоянiе ихъ гораздо лучше дасть чувствовать цѣну того благополучія, коимъ мы обладаемъ.

Предполагать въ прусѣ храбрость, есть въ самомъ дѣлѣ придавать ему. оную.

Имѣть правиломъ поведенія необходимую должность, есть содѣлывать ее весьма неприятною себѣ, и

ежеминутно подвергаться нарушенію оныя.

Весьма опасно, чпобѣ Философія нашего времени, по желанію испребишь предразсудки, не искоренила добродѣтелей.

Сколько есть такихъ людей, кои изъ всего выводятъ себѣ дѣло единственно попому, чпо ничѣмъ заняшься не умѣюшь?

Опышность, спяжеваемая проступками, есть весьма дорогой учитель.

Мнѣ сноснѣе явной порокъ, нежели сомнительная добродѣтель: по крайней мѣрѣ знаю погда, чего должно держаться.

Надобно уважать челоѣка въ несчастномъ положеніи, и не унижать его еще болѣе въ его злополучіи.

Съ любимыми особами бесѣдовать пріятно. Для чегожъ весьма любящій себя челоѣкъ не можетъ ни одной минуы пребыть съ собою?

Можно ли не удивляться, чпо любовь къ спокойствію въ непреспанномъ содержишь насъ колебаніи.

Во всякомъ родѣ правленія челоѣкъ такъ сотворенъ (поспавленъ),

чтобы почиталъ себя свободнымъ и былъ въ узахъ.

Чѣмъ менѣе потребуемъ мы отъ другихъ, тѣмъ болѣе получаемъ. Желать съ излишествомъ пользоваться своими правами, есть средство ихъ поперять.

Когда я вижу спраждающаго, то не болѣзнь возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе, но чувствительность перпящаго оную.

Не пошъ щасливѣе всѣхъ, кто многимъ обладаетъ; но пошъ, кто не многого желаетъ, и умѣетъ пользоваться настоящимъ.

Превратности часто лишаютъ насъ мужества; но благоразуміе всего чаще помрачается въ успѣхахъ.

Подаваемые Владѣтелямъ совѣты хороши только для тѣхъ, кто подаетъ оныя.

Нѣтъ ничего важнѣе сохраненія своей славы; ежели она помрачится единожды, то никогда уже не возстановится.

Сочетавающіеся бракомъ обѣщаются любить другъ друга: но для благоденствія своего не лучше ли было,

когда бы они общались другъ другу взаимно угождашь.

Я содрагаюсь въ разсужденіи нашего вѣка, воображая, что древнія времена, когда было болѣе Философовъ, были почто пѣ времена, въ кои меньше было Философій.

Находится почка проицанія и сила разума, копорая соспавляетъ предѣлъ человѣческаго; но къ спыду нашему, мы принимаемъ ее за предѣлъ самой истины.

Въ разговорѣ сколь скоро почувствуемъ мы конецъ разума, съ кѣмъ бесѣдуемъ, надлежитъ потчасъ остановиться: ибо сказаннаго болѣе онъ не уразумѣетъ, и можетъ принять за смѣшное.

Народъ всегда спарается замѣнить слабость въ помѣ человѣкѣ, который приобрѣлъ великую славу.

Всѣ наши Ахиллеса могутъ быть уязвлены; понеже всегда сыщется у нихъ шакая спорона, въ копорую удобно ихъ поранить.

Умному человѣку можно просипъ въ нѣкоторыхъ недоспапкахъ его ума: но честному человѣку не прощаютъ ни малѣйшаго недостатка въ качествахъ

его сердца. Онъ долженъ имѣть, или по крайней мѣрѣ спараться приобрѣсть все. Сердечное достоинство есть нераздѣльно.

При здоровьѣ нашемъ, мы никогда о немъ не думаемъ; шакже бы надлежало поступать и съ умомъ, когда кпо имѣетъ его.

Душевные пружины никогда не должны быть шакъ гибки, чптобы отъ того могли сдѣлаться слабыми.

Многіе люди безумствуютъ для того, чпто хопятъ размышлять о томъ, чпто выше ихъ просвѣщенія.

Мы уничижаемъ желаніе шворить благо шѣмъ, чпто хопимъ казаться благопшорными.

Рѣдко увидишь, чптобы сначала не первенствовали въ собраніи глупцы. Это есть илѣ, плавающій по верху воды до шѣхъ поръ, пока прешанетъ колебаніе, и онъ самъ собою опадетъ на дно.

При Дворахъ больше всѣхъ мѣстъ имѣютъ нужду въ веселонравіи; но тамъ - шо менѣ всего и находятъ сію драгоценность.

Не возможно подозрѣвать другихъ,

не имѣя въ себѣ сѣмени пѣхъ пороковъ, въ которыхъ ихъ обвиняемъ.

Уваженіе не только деспиче дружбы, но и самой любви. Оно гораздо удобнѣе пѣняетъ сердца, и никогда не дѣлаетъ неблагодарныхъ.

Тщеславіе несравненно сноснѣе припворнаго смиренія.

Я люблю честнаго и чувствительнаго къ славѣ чловѣка; но когда онъ гордъ, не уважаю его.

Всѣ почти друзья совѣтъ пріемлютъ, но крипики перпѣтъ не могутъ.

Показывая слишкомъ опасность, чтобы не обмануться, часто подаемъ средство къ обольщенію насъ.

Наперсникъ избирается обыкновенно для того, чтобы одобрялъ все, что мы ни дѣлаемъ.

Честоплюбивое желаніе успѣть въ чемъ бы то ни было, всегда успѣхъ предзнаменуетъ.

Кто уважаетъ маловажное, тотъ часто легкомысленно судитъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ.

Множество скупцовъ спановятся распочипелями, дабы избѣжать спыда казаться скрягами.

Скупой рѣдко исцѣляется опѣспраспи кѣ игрѣ ; кромѣ надежды выигрыша , онѣ находипѣ вѣ ней шу выгоду , чпо можетѣ скрыпѣ свою скупость подѣ видомѣ безкорыстія .

Уважаая слишкомѣ людей , мы обыкноуенно обманываемся ; но мало уважаая , рѣдко ошибаемся .

Занимающій важное мѣсто челоуѣкѣ , при поперяніи онаго , друзей больше не имѣетѣ ; слѣдовательно не онѣ , но его мѣсто друзей имѣло .

Когда истина никого не оскорбляетѣ , шо должна исходитьѣ изѣ успѣ нашихѣ споль же естественно , какѣ и воздухѣ , коимѣ мы дышемѣ .

Долгоша жизни исчисляется временемѣ пропекшихѣ лѣтѣ ; но не лучше ли было счишати ея по ея употребленію ? Иной умершій во спо лѣтѣ не начиналѣ еще жить .

Если бы сѣ преперпѣваемыми нами бѣдспвіями были мы безспертны , шо всѣхѣ пварей были бы злопучиѣе . Пріятно было бы шогда думать , чпо мы не вѣчно будемѣ жить .

Можно забыть оскорбленія ; но шо , чпо мы были обижены , рѣдко выходитѣ изѣ памяти .

Часть 2.

Е

Все, что мы ни делаемъ, кажется намъ необходимымъ испуканомъ; ибо всегда чего-то недоспаетъ, что бы работа была совершенною.

Сила не всегда соотвѣтствуетъ изволению: надлежало бы прежде съ одною посовѣтоваться; но большая часть людей начинаетъ волею, а потомъ дѣйствуетъ, какъ можетъ.

Приговорство открываетъ то, каковъ кто въ самомъ дѣлѣ; а не показываетъ того, чѣмъ кто хочетъ казаться.

Праздность есть преждевременная смерть. Это значитъ не жить, ежели не дѣйствовать.

Непредвидимыя удовольствія весьма пріятны, поелику они не предварены были надеждою, которая всегда почти обманываетъ.

Мы весьма благоразумно могли бы пользоваться всемъ, чѣмъ ни обладаемъ; если бы не забывали, что временно онымъ наслаждаемся.

Надобно спыдирься бытъ злымъ по тому единственно, что сіе доказываетъ наше безсиліе и слабость; всякой, кто можетъ все, что ни захочетъ, никому не можетъ шворить зла.

Великія нужды раждаюцца отъ безмѣрныхъ сокровищъ, и дѣлаюць богашство равнымъ убожеству.

Смерть чувствуется только однажды; но кто ее боится, тотъ умираетъ всякой разъ, какъ объ ней вздумаетъ.

Шестидесятилѣтній скупецъ отказывается себѣ въ необходимомъ для того, чтобы во сто лѣтъ не имѣть недостатка. Мы всѣ бываемъ несчастны отъ излишней предусмотрительности.

Напура отъ самаго младенчества приучаетъ насъ къ терпѣнію, дабы мы научились спрдаію.

Блаженно человекство, что имѣетъ такія желанія, коихъ не можешь удовольствоваться! Въ противномъ случаѣ, послѣдній изъ смертныхъ сдѣлался бы обладателемъ всей вселенной.

Кто ради однихъ только выгодъ исполняетъ свои обѣщанія, того ничто не обязываетъ, и онъ какъ бы ничего не обѣщаль. Всякое на корысти основанное обѣщаніе исчезаетъ, сколь скоро корысть престааетъ.

Употребляешь худо время, есть поже, что его губишь и какъ бы ничего не дѣлаешь.

Я весьма уважаю невѣжество того человека, который думаетъ, и признается въ знаніи того только, что ему извѣстно.

Дерзости въ чловѣкѣ нѣтъ, когда она никѣмъ не примѣчена.

Чловѣкѣ бываетъ слабъ только по несообразности между пѣтѣ, что онъ можетъ, и пѣтѣ, что хочетъ дѣлать. Единственное средство умножить свою силу, есть ограничить свои желанія.

На корысти основанныя благодѣнія столь общи, что не должно удивляться множеству неблагодарныхъ.

Мы ненавидимъ злыхъ только по участию. Ежели они никакого не дѣлаютъ намъ зла, то равнодушно на нихъзираемъ.

Чтобы хорошо видѣть пороки въ другомъ, не надобно самому имѣть подобнаго.

Тѣ люди всегда болѣе прилѣпляются къ жизни, которые не умѣютъ ею пользоваться.

Нещастіе ученыхъ людей въ томъ состоитъ, что они не умѣютъ не знать того, чего знать не могутъ.

Въ спорѣ о мнѣніяхъ простое самое мнѣніе для того не соединяетъ всѣхъ умовъ, что предлагается не послѣднее.

Излишняя набожность ведетъ къ суевѣрію, а излишняя Философія къ невѣрію.

Спараніе о избѣжаніи спраданія больше причиняетъ мученія, нежели самое спраданіе.

Самое худое дѣйствующее лице бытъ спарикомъ, и при помѣ не имѣтъ ни разсудка, ни опытности.

Есть такіе люди, коихъ желаніе прослытъ умниками, еще больше дѣлаетъ ихъ смѣшными.

Трудно побѣждаетъ гордость сражаясь съ нею, чтожь будетъ, ежели спанемъ ее ласкою?

Напура ни въ чемъ не заставляетъ насъ шептѣть недостатка; но мы размножаемъ наши нужды роскошью, и не смотря на всѣ ея дары, спановимся нищими.

Что медленно обѣщаетъ, то по обыкновенно вѣрнѣе обѣщаніе выполняетъ.

Прямое достоинство хочетъ бытъ уважаемо, сколько оно само себя уважаетъ.

Естьли мы не можемъ воспрепятствовать молодымъ людямъ бытъ разсѣянными, то вспомнимъ, что имъ не много оспаеся времени бытъ шакowymi.

Большая часть скупыхъ слишкомъ добры: они непрестанно собираютъ богатство для людей, смерти имъ желающихъ.

Нѣтъ на свѣтѣ пошѣе пошнпн, которая привязываетъ насъ къ жизни; ее можетъ прервать самое малѣйшее дуновение.

Мы по часпн только жизнью наслаждаемся; ибо каждой мгновение сокращаетъ продолжение оныя. Когда сіе мгновение сущесвуетъ, прошедшаго уже нѣтъ, а будущее еще не наступило. Почему мы умираемъ, наслаждавшись жизнью одно только мгновение.

Мы живемъ слишкомъ мало въ разсужденіи того длиннаго времени, кое оспаеся должно мершвымъ.

При концѣ рода человѣческаго не будетъ никакой разности между щасливными и самыми нещасными.

По смерти не оспанеся ни малѣйшаго сожалѣнія о жизни. Самая

печальная смерть есть смерть юности, о которой долго сожалѣюиъ.

Какъ нужны шѣни въ карпинѣ, такъ и скромность по сей самой причинѣ должна сопровождать прямое достоинство. Она умножаетъ его силу и блескъ.

Лицемеръ, хотящій подражать добродѣтели, будетъ весьма несходно копировать ее.

Это означаетъ уже нѣкоторый умъ, когда умѣешь пользоваться умомъ другихъ.

Лѣность большей части Вельможъ уподобляется смертному сну.

Весьма сомнительно, чтобы умной и разсудительной человекъ захотѣлъ быть молодымъ на шѣхъ условіяхъ, чтобы жить по прежнему.

Предразсудки молодости съ нею проходящъ, въ старости же бывающіе продолжительны для того, что она уже не надеется другаго возраста.

Краснорѣчіе умѣетъ умалчивать ксшати обо всемъ, что можетъ разрушить утверждаемое имъ. Оно начертываетъ тогда одну профиль.

Что нѣкоторые люди много говорятъ, пому причина та, что они говорятъ изъ памяти.

Не должно дивиться сильной нашей склонности къ лѣности. Это есть натуральное состояніе человека; ибо трудъ для него есть наказаніе.

Бѣдные, осужденные доспаиваютъ себя пропитаніемъ попомъ и трудами, укоряютъ природу праздностию богачей; а возмущаемые спраспиями, или пожираемые скукою богачи завидуютъ невиннымъ забавамъ бѣдныхъ. На сей землѣ каждый почиаетъ другаго благополучнымъ, и думаетъ, что онъ на его мѣстѣ былъ бы щасливѣе.

Истинная Религія никогда, можетъ быть, столько не поспрадала отъ насильствія своихъ гонителей, сколько отъ буйства и невѣрности тѣхъ, которые своими жестокоствіями, какъ бы ужаснымъ спрашилицемъ ее представляютъ.

Рѣдко чтобъ въ глупой душѣ любовь не была дурачествомъ; въ благодушельномъ же сердцѣ она можетъ быть благоразумною.

Перестанемъ ласкать себя, что мы многихъ имѣемъ друзей: одна поль-

ко превратность форшуну число ихъ
можешь открышь.

Первые вздохи глупой любви суть
последніе вздохи мудрости.

Натура снабжаетъ лица чертами;
а прищворство переменяетъ ихъ по
своей волѣ.

Сколько такихъ распочиселей,
которые при смерти одной только
натурѣ плачутъ по, чѣмъ они ей
должны.

Къ счастью восходятъ чрезъ мно-
гія ступени, нисходятъ же чрезъ одну.

Какая должна быть пустоша въ
томъ разумѣ, который хочетъ напол-
нить себя одною очевидностію!

Сапирическія нѣкоторыхъ людей
стрѣлы служатъ похвалою для тѣхъ,
въ кого онѣ направлены.

Есть такіе писатели, которые
столь прилжно трудятся и обрабо-
тываютъ свои сочиненія, что изда-
ваемое ими въ свѣтъ кажется одни-
ми опилками.

Первые проступки невинность
возмущаютъ, последующіе же пере-
спрашиваютъ успрашать ее. Блаженна та
невинность, которая не умѣетъ спра-

шипья или копорая придерживается первыхъ своихъ ужасовъ!

Я не знаю истиннаго мужества, кромѣ сей спокойной швердоспи, копорая подвергается опасностямъ по должности, и опваживается на оныя безъ запальчивости.

Невѣжда, ничего не знающій, гораздо меньше достоинъ сожалѣнія, нежели ученый, худо знающій выученное имъ. Гораздо важнѣе знать хорошо, нежели много.

О многихъ земныхъ вещахъ можно сказать, что онѣ довольно были продолжительны, когда мало перемѣнялись.

Разумной человекъ судитъ пошому, что онъ выучилъ; а изобрѣшательный умъ умствуетъ по себѣ самомъ.

Мы никогда не дѣлаемъ сравненія безъ предпочтенія себя.

Не всѣмъ пристойно быть крошкѣмъ: понеже сіе великимъ только людямъ принадлежитъ.

Мы не прежде можемъ разумѣть достоинство великихъ людей, какъ дѣлаясь сами паковыми. Сильный умъ бесѣдуетъ только съ подобнымъ себѣ.

Вошце осуждають великихъ людей: собспвенная ихъ слава мщениемъ за нихъ вооружается.

Великіе говоруны подобны пѣмъ музыкантамъ , копорые вѣ аріяхъ предпочипають громъ согласію.

Весьма возможно выйши изъ мрака невѣжества; но изъ мрака высокомерія никогда не выходятъ.

Мы умѣли подчинить себѣ спихи; но совсѣмъ не умѣемъ управлять нашими спрасями.

Большая часть Героевъ суть не что иное, какъ блиспапельные бичи, опустошающіе землю.

Прямое мужество опасності презираетъ, однакожъ пособій не опмещетъ.

Два рода людей не разсуждаютъ: успрашенный и дерзновенный.

Прямое мужество Героя вѣ помѣ состоитъ, чтобъ забывать, на какую степень возведенъ онъ своею храбростію.

Тяжба иногда пѣмъ выигрывается, что прекращается.

Богаство не было бы такъ уважаемо, еспли бы оно не ппало нашей суепности наслажденіемъ ша-

кихъ удовольствій, какихъ другіе не имѣютъ.

Хотя правосудіе и не продается, однакожь дорого стоитъ, и надобно очень быть богаты для полученія онаго.

Дикимъ людямъ незнаніе пороковъ гораздо полезнѣе, нежели намъ познаніе добродѣтелей.

Я удивляюсь Религии больше въ малыхъ благочестивыхъ упражненіяхъ, внушаемыхъ ею разумнымъ людямъ, нежели въ великихъ дѣлахъ, кои она обыкновенныхъ людей предпринимають и заставляють.

Несправедливо смѣшивають вкусы съ спрасьями. Вкусы не такъ живы, и проходятъ; спрасья же гораздо спремительнѣе и продолжительнѣе.

Мы должны искать нашихъ враговъ между тѣми людьми, съ которыми живемъ; а тѣ, съ которыми никакого не имѣемъ обращенія, оппюдь не думаютъ намъ вредить.

Чтобы вѣрнѣе можно было вредить, приписываютъ ненавидимымъ особамъ или чрезмѣрную добродѣтель, или просупки, близкіе къ добродѣ-

пелямъ, копорые достоинство ихъ соспавляющъ.

Говорить худо женщинъ о ея соперницахъ, еспъ шонко и безопасно ея хвалишь. Сколько же еспъ шакихъ мужей, кои въ семъ случаѣ женщинамъ удобляются!

Щастіе обыкновенно честнымъ людямъ не благопріятствуешъ. Пѣна морская плаваешъ по поверхности, а жемчужины лежатъ на днѣ.

Натуральная справедливость гораздо правосуднѣе законовъ.

Не дѣлая ничего, мы обыкновенно научаемся дѣлать худое.

Ревность хочешъ выказать себя излишнею любовію; но говоря, что она любишь, приводишь въ препенъ.

Предаваясь гнѣву, значишь проступки и шалости другога вымѣщать на себѣ.

Нѣкоторымъ людямъ часто больше бываетъ попребно бодрости къ тому, чтобы не миновать своей цѣли, нежели сколько пребовалось оныя къ доспигенію ея.

Изъ всѣхъ буйствъ наибольшее есть то, когда кто воздыхаешъ объ опкрытіи истины.

Смерть естъ самое вѣрное при-
бѣжище отъ прудовъ и скорбей міра
сего. Кормчій, увѣренный о входѣ
своёмъ въ приспанище, не спрашива-
ся уже бури.

Я бы желалъ, чптобы кто нибудь
мнѣ извяснилъ, для чего самые спран-
ные вкусы бывающъ почти всегда
очень сильны?

Добродѣтель безъ пріятности и
утиливости естъ примана безъ уды.

Въ самомъ блистательномъ обра-
щеніи нашемъ съ людьми, разумъ
можетъ скрыть насъ отъ міра: но
воображеніе, среди самой мрачной пу-
стыни и противъ воли нашей, паки
въ него насъ (возвращаетъ) пресе-
ляетъ.

Краснорѣчіе не должно ничѣмъ
превозноситься; оно только можетъ
обращать людей къ пѣмъ истинамъ,
къ коимъ каждый убѣжденіе носитъ
въ самомъ себѣ. Самъ только че-
ловѣкъ можетъ убѣдить себя.

Кто не хочетъ ничего пред-
видѣть, бываетъ незапно уловленъ;
но кто предвидитъ все, бываетъ не-
щасливъ.

Жизнь наша есть не иное что, какъ переходъ къ смерти, совершающійся безъ вѣдома нашего.

Ложная скромность, слишкомъ выславляющая злую повязку, долженствующая служить покровомъ добродѣтели, сама собою открывается.

Есть много слишкомъ снисходительныхъ духовниковъ. Ихъ можно сравнить съ неумѣющими плавать, кои погружаясь на дно, сами хопящъ подасть помощь уповающему.

Сколько находилось честныхъ людей, похожихъ на сокрывшагося у Евмея Улисса! Они суть Герои, покрытые рубищемъ.

Много такихъ полководцовъ, которыхъ все удается; но у нихъ не болѣе было достоинства, какъ у гусей, спасшихъ Капитолію.

Мужъ великаго духа не можетъ управлять Государствомъ безъ пвердоси: но сія самая пвердосъ обращается въ нещастіе Государству, ежели оно управляется челоѣкомъ безъ дарованій.

Всѣ почти древніе Философы, выключая Стоиковъ, мыслили о челоѣкѣ худо; Философы же нашего вре-

мени его защищаютъ; но я бы спросилъ: хвала, или хула служатъ ли къ исправленію людей, естли люди, съ небольшою разницею, суть поже еще и нынѣ, что были прежде?

Какъ можно исправиться отъ своихъ пороковъ во благоденствіи, начавъ уже исправляться въ своихъ добродѣтеляхъ?

Находясь такіе люди, которые говоря много, ничего не сказываютъ: ихъ можно сравнить съ многолиственными деревьями, но плодовъ совсѣмъ не приносящими.

Почитай умныхъ людей: они ни какихъ не потребуютъ отъ себя благодарній.

Великая разность въ помѣ, чтобъ знать много и знать хорошо, и одно гораздо рѣже другаго. Чтобы много знать, къ сему потребенъ трудъ и память; а чтобъ знать хорошо, надобно имѣть разборчивость и вкусъ.

Мнѣ весьма несносенъ кажется поэтъ Орапоръ, который мыслитъ по ученому, да и меня также хочетъ заставить мыслить. Онъ методически опрѣзываетъ крылья у моего разума, и я принужденъ за нимъ

пащипся по пролагаемому имъ шб-
сному пуши.

Умъ свой надлежитъ образовати
по древнимъ, а вкусъ по новымъ Пи-
сателямъ.

Изящный умъ дополняетъ мысли
словами, а оспрый слова покарятъ
мыслямъ.

Напура, въ которой почерпали
древніе, таковою же и для насъ пре-
бываетъ. Они научили насъ рисовать
съ нее, а мы только довольствуемся
пбмъ, что списываемъ съ нихъ.

Я знаю многихъ изящныхъ умовъ,
но мало ученыхъ; и гораздо больше
ученыхъ, нежели людей съ познаніями.

Знашь и чувствовати свое ща-
спіе, есть пользоваться онымъ сугубо.

Въ мірѣ находится такое су-
дилище, которое гораздо спрашнѣ
учрежденнаго мудрою Полиціею. Оп-
лично будучи отъ шбхъ, оно невиди-
мо; не имѣетъ ни попововъ, ни ба-
поговъ; оно находится вездѣ и во
всѣхъ странахъ: въ немъ каждый
имѣетъ право на подаіе своего голоса.
Рабъ судитъ тамъ своего господина,
подданный Государя. Его соспавляютъ
честные люди, и онаго боятсѣ. *Одни*
Часть 2. Ж

только люѣйшіе злодѣи не повинуются его приговорамъ.

Честный отецъ долженъ претепашь, видя Брушовыхъ чадъ подвергающихся игу пирановъ, и что царспвожаніе сына Марка Аврелія, есть царспвожаніе злодѣянія и бѣшенства.

Я сравниваю великаго говоруна съ выспуающею избъ береговъ рѣкою, которая въ своемъ печеніи уноситъ безъ разбора цвѣпы, камни и кусарники.

Нѣтъ ни одного умнаго чловѣка, которой бы не наводилъ скуки глупцамъ, и которой бы также самъ не терпѣлъ отъ нихъ подобной.

Странно, что излишно занимающиеся собою люди суть почно пѣ самыя, которые подобныхъ себѣ убѣгаютъ.

Безполезныя раскаянія суть самыя несносныя и жестокія.

Мы ежедневно видимъ въ супружествѣ соблазнительные разводы : каждый выдумываетъ разные предлоги; а по моему мнѣнію оное происходитъ отъ того, что вступающіе въ бракъ, не зная другъ друга, при подножіи Алшаря увѣряли о любви, не подумавъ,

могутъ ли еще согласиться между собою и во взаимномъ почтеніи.

Сочетавшихся можно узнатьъ либо по замѣшательству при встрѣчѣ, либо по удовольствію при распаваніи.

Нравы заспавляютъ молчашь законы; и они только возвышаютъ и ниспровергаютъ Имперіи.

Ошъ сильной страсти однимъ только долговременнымъ благополучіемъ и несчастіемъ можно исцѣлиться.

Скромность полезна человѣку какъ съ достоинствами, такъ и безъ оныхъ. Въ одномъ она ихъ показываетъ, въ другомъ скрываетъ недоспаокъ оныхъ.

Состояніе неподверженнаго суетности человѣка весьма спокойно. Для основательнаго о семъ заключенія оспается только оное сравнить съ состояніемъ того, который непрестанно старается показывать себя пѣмъ, что онъ не есть.

Признаваться въ своей ошибкѣ, гораздо славнѣе, нежели какъ о помѣ думаютъ; ибо сіе значить сказать, что приобрѣтено болѣе просвѣщенія и бла-

горазумія, нежели сколько имѣлъ оныхъ прежде.

Я видѣлъ нѣкоторый родъ явленія, а именно, видѣлъ столь хорошо успроенную армію, что солдатъ не столько спрашился непріятели, сколько своихъ начальниковъ.

Заблужденія, долженствовавшія скоро угаснуть, опъ застарѣнія усиливаются. Истинамъ надлежало бы пребывать всегда, но мы даемъ имъ ослабывать по мѣрѣ состарѣнія ихъ.

Прежде, нежели осуждашь варваровъ, объявляющихъ войну нечаяннымъ нападеніемъ на земли своихъ враговъ, хотѣлъ бы я знать, что думающъ они о нашихъ блистательныхъ Манифестахъ, не рѣдко объявляющихъ ее несправедливо и безъ причины?

Естьли бы предки наши возвратились въ міръ, что сказали бы они о роскоши нашего времени? Они увидѣли бы просныхъ гражданъ, живущихъ въ великолѣпныхъ домахъ, и гораздо наряднѣе, нежели какъ они жили? Они спросили бы, гдѣ же чернь въ большихъ городахъ, пакъ какъ мы спрашиваемъ, гдѣ Вельможи?

Не знаю, кто большаго достоинствѣ сожалѣнія: бѣдной ли, котораго бѣднотѣ ни что уже не въ состояніи усугубить, или богачь, блаженство котораго могутъ нарушить тысяча происшествій?

Герой умѣетъ только покоряться и разрушаться; но Государь обязанъ учинить подданныхъ своихъ добрыми и щасливыми. Одному для прославленія своего имени надобны непріятели; другой же къ славѣ своей не имѣетъ ни въ чемъ болѣе нужды, кромѣ любви своего народа. Царь можетъ сдѣлаться легко великимъ мужемъ, но Герой не всегда таковымъ пребудетъ.

Мы въ несчастіяхъ нашихъ не столько прогаемся участіемъ, какое принимающъ въ оныхъ наши друзья, сколько раздражаемся извѣяемою при семъ случаѣ радостію нашихъ враговъ.

Припворство полезно употребляющимъ оное; но оно еще полезнѣе шѣмъ, для кого оное употребляется. Оно часто скрываетъ ихъ недоспахи и пороки, кои заспали бы ими гнушаться.

Должно ли удивляться малому въ семействахъ согласію? Тамо видяшъ другъ друга очень близко, и слѣдовательно лучше другъ друга знающъ; а узнавши коротко, прудно уже бываетъ любить.

Большая часть людей совсѣмъ не живетъ, а надеется жить; между тѣмъ же вся жизнь пропекаетъ въ замыслахъ и предначертаніяхъ, какъ бы лучше ее провести.

Удивительно, что слабость умовъ употребляетъ одно только гоненіе и насиліе. Всегда замѣчано было, что самыя робкія сердца по большой части бываютъ самыя безчеловѣчныя.

Любовь большею частію бываетъ непродолжительна. Она подобна дровамъ, которыя согрѣвая насъ, и сами старающъ.

Мнѣ никогда не случалось видѣть высокоумныхъ людей, которыя не были бы при томъ весьма посредственные люди.

Для великаго человѣка нѣтъ ничего опаснѣе собственной его славы. Ежели онъ просупишся однажды,

по уже подвергаешся опасности лишишься ее навсегда.

Два рода людей ни къ какому дѣлу неспособны: одни дѣйствуютъ безъ размышленія, и потому безразсудны; другіе размышляютъ тогда, когда надобно дѣйствовать, и потому малодушны.

Скорыми и излишними обнадѣживаніями мы пропивъ воли обнаруживаемъ себя, что не хотимъ ничего изъ обѣщаннаго исполнить.

Я весьма боюсь слишкомъ тонкаго ума, поелику онъ обыкновенно бываетъ лживъ.

Уму съ дарованіями правила служатъ руководствомъ; но они не рѣдко бываютъ противоборствующею тяжестію, ослабляющею пареніе его.

Орапоръ, спарающийся о цвѣпахъ, подобенъ борцу, хвастающемуся красотою тогда, когда пребываетъ отъ него одной его силы.

Сколько бы ни было соединенныхъ вмѣстѣ дарованій, но они не споятъ одной добродѣтели.

Естьли бы рассказывали намъ о споль прекрасномъ и проспранномъ мірѣ, каковъ нашъ, но копорой од-

накожѣ быдѣ бы недоспапоченѣ для нуждѣ пресмыкающагося само насѣкомаго , и кошарому надлежитѣ прожитѣ шупѣ нѣсколькѣ покло дней ; по что бы сказали мы о семѣ пресмыкающемся ? Не удивились ли бы , когдабѣ назвали его челѣвкомѣ , и когдабѣ по былѣ онѣ въ самомѣ дѣлѣ ?

Мы не рѣдко для забавы и разсѣянiя ходимѣ въ хорошия бесѣды ; онѣ чего же происходитѣ , что скоро ихѣ оставляемѣ и спараемся освободитѣся онѣ скуки ?

Для блага Государствѣ желательнѣ было , чтобѣ въ Полицикѣ , также какѣ въ рѣкѣ , находились излучины , не прерывающiя печенiя оной .

Кто хочѣтъ научитѣся всему , долженѣ ожидатѣ , что ничего не будѣтъ знаѣтъ . Куча познанiй не дѣлаѣтъ ученымѣ , такѣ какѣ куча набросанныхѣ на удачу камней не соспавляетѣ хорошаго зданiя .

Челѣвкѣ по вещамѣ извѣстнымѣ , анающимѣ не почиаетѣся ; и я охотнобѣ повѣрю , что онѣ называется шаковымѣ по вещамѣ сомнипельнымѣ . Сколько же находитѣся горизонтовѣ

за горизонтомъ, ограничивающимъ
срѣніе наше!

Сомнѣніе есть школа истины.
Ученый сомнѣвается для того, что
всего не видитъ; невѣжда ни о чемъ не
сомнѣвается попому, что думаетъ
все знать. Первый не можетъ скрыть
отъ себя своего невѣжества, и сіе
дѣлаетъ его скромнымъ; послѣдній же
не вѣдаетъ своего незнанія, а отъ
того и бываетъ дерзокъ и высоко-
мѣренъ.

О людяхъ, собравшихся рассу-
дать, по же можно сказать, что
сказалъ Ювеналъ о малорослыхъ Пиг-
меехъ: *Сей родъ людей подаютъ
голосъ только для того, чтобъ пока-
заться разсуждающими.*

Сколько есть такихъ змѣй, кои
ползая безпрестанно, достигаютъ до
самой вершины древа, сотвореннаго
единственно въ убѣжище пещерамъ
небеснымъ!

Мы должны утѣшаться, а не
скорбѣть и завидовать, видя, что
неспоющіе насъ люди занимаютъ ва-
жныя мѣста. Иное было бы дѣло,
если бы оныя давались достойнымъ.
Тогда счастье сихъ людей должно бы

было привесть насъ въ отчаяніе; по-
неже сіе доказывало бы тогда наше
недостоинство.

Хвалы супъ должная добродѣтели
дань: но хопя сія дань естъ самая
легчайшая изъ всѣхъ, однакожъ пла-
тился обыкновенно только въ поло-
вину, а чаще и совсѣмъ не воздает-
ся. Собиратели сея дани въ мірѣ
были бы весьма праздные люди.

Разумные и добродѣтельные по
наружности, мужи, утвердясъ и сдѣ-
лавшись единожды нужными въ Госу-
дарствѣ, рано, или поздно, введупъ въ
оное любовь къ добродѣтели и му-
дрости.

Нѣкоторый Польскій Король на-
званъ былъ Королемъ мужиковъ по
тому, что ему угодно было ихъ по-
кровительствовать и защищать. Я
предоставляю на рѣшеніе Филосо-
фамъ нынѣшняго вѣка, славно, или
безчестно было сіе шило?

Примѣтная слишкомъ недовѣрен-
ность часто навлекала тѣ несчастія,
отъ которыхъ себя предохранить ею
спараются.

Ничто такъ не приводитъ ухищренія и коварства въ смятеніе, какъ искренность и простота.

Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ добродѣтелей къ одной только храбрости не возможно поддаваться.

Для Владѣтеля ничто такъ не опасно, какъ мягкость послѣ великой твердости.

Монархъ ничего не можетъ сдѣлать полезнѣе для Государства, какъ внушить народу высокое о себѣ мнѣніе; надлежитъ, чтобъ народъ былъ, даже и по гордости, привязанъ къ своему опечесиву.

Можно ли не предвѣщать добраго о такомъ Государствѣ, гдѣ Вельможи не посвящаютъ благоприспоспосности совершенно ничего не зная, и гдѣ народъ начинаетъ видѣть дальѣе того, чему онъ наученъ?

Государь можетъ по благости сложить съ себя свой санъ; но онъ обязанъ пакки немедленно воспріять оный при самомалѣйшемъ подозрѣніи, что могутъ сіе во зло употребить.

Государю столь же несвойственно слушать неправящуюся ему новость, сколь шрудно сыскаать такихъ

людей, которые бы ему говорить оную отважились.

Изобрѣщательному уму свойственно думать и говорить о себѣ; но большая часть людей не владеетъ своимъ умомъ, думаетъ и говоритъ за другими. Обременя себя мнѣніями другаго, ни одного не умѣя въ дѣйство; однакожъ они по единственно и отваживаются охуждать пѣхъ людей, коихъ они бѣдной полько опголосокъ. Езоповъ осель, самое глупое на землѣ животное, почелъ себя львомъ, облекшись въ его кожу, и чрезъ то получа видъ его.

Сколь различно состояніе наукъ настоящаго времени съ пѣмъ, въ какомъ находились онѣ за тысячу лѣтъ! Вотъ что мы говоримъ ежедневно съ суешнымъ умоизспупленіемъ: но сіе же самое скажутъ, можетъ быть, наши пѣпомки по прошествіи многихъ вѣковъ послѣ насъ, съ большею еще основательностію.

Игры и увеселенія поселянъ суть тяжкое для Вельможъ нашего времени упражненіе; но сидячія ихъ игры и покойныя распускива мучительны и опасны сельскихъ для ихъ здравія.

По Испоріи не знаю я ни одного великаго мужа, который бы, по нещасію, не видѣлъ лавровъ своихъ увядшихъ опъ нечислаго дуновенія ненависти и предразсудка: но сіи самыя лавры нынѣ зеленѣютъ паки на ихъ гробѣ, и позднѣйшіе наши потомки, удивляются свѣжести и блеску оныхъ.

Много такихъ людей, которыхъ дарованія сокрыты, и они сами ихъ не знаютъ. Для открытія себя пошребно имъ шокмо какое-либо произшествіе. Я сравниваю ихъ съ такими цвѣтами, которые сѣверные вѣтры сжимаютъ, но кои опъ проспаго солнечнаго сіянія раскрываются и цвѣтутъ. Любовь весьма поздно открыла умъ великаго Корнелія.

О человекѣ, не заслуживающемъ хвалы, мало говорятъ худаго, потому что нѣтъ причины мстить ему за превосходныя его дарованія.

При Дворахъ Государей нѣтъ недоспапка въ льстецахъ, равно и въ деревняхъ въ сихъ насѣкомыхъ, которыя принимаютъ на себя цвѣтъ шой шравы, къ коей прилѣпляются.

Малые умы привязываются къ мѣлочамъ. Говорятъ ли, пишутъ ли

они, входящѣ въ самыя мѣлкя подробности. Есцьли бы надлежало имѣ описать голову, то сочли бы на ней всѣ волосы. Но изобрѣтательный умѣ дѣлаетѣ не такѣ. Онѣ созерцаетѣ Натуру въ ея величїи. Парящїй въ облакахѣ орелѣ едва примѣчаетѣ тотѣ кушарникѣ, около копораго порхаетѣ ласпочка.

Для Государя не довольно того, чѣмѣ исправлять злоупотребленїя своего времени; онѣ долженѣ пригото-влять пособїя и для будущїхѣ золѣ. Судьба его владѣній ввѣрила ему оныя не на одну токмо его жизнь: онѣ долженѣ царствовать въ нихѣ и по смерти своими законами и примѣрами.

Художества произвели новый мїрѣ; но припомѣ слишкомѣ уже размножились. Ихѣ больше сдѣлалось излишнихѣ, нежели нужныхѣ; для удовольствїй ихѣ очень много, а для житейскихѣ надобностей весьма мало.

Весьма оцупипельно, чѣмѣ блаженство наше на землѣ не можетѣ быть совершенно. Сколь бы ни велики были нашї бѣдствїя, они могутѣ еще умножиться; и нѣтъ ни одного па-

кого удовольствія, которое бы не было ограничено.

Много такихъ людей, кои инако не думаютъ, какъ говоря: но сколько же такихъ, которые говорятъ всегда, не думая?

Преступленія не всегда бываютъ покушеніями злаго чловѣка. Порокъ также какъ и добродѣтель имѣетъ свои успѣхи; а по сему-шо злодѣи и виновнѣе бываютъ.

Не лзя не предсказывать много добраго о такомъ чловѣкѣ, которой выславляетъ своими друзьями людей добродѣтельныхъ.

Щасптивы дикіе, что не знаютъ пороковъ. Но мы щаспливѣе ли ихъ, зная добродѣтели?

Дарованія живущихъ съ нами людей рѣдко насъ поражаютъ. Мы познаемъ ихъ уже тогда, когда ихъ лишаемся. Не лзя измѣрять иначе высопы кедровъ, какъ срубивъ ихъ?

Знаете ли, для чего невѣжда почитаетъ себя искуснымъ чловѣкомъ? Для того, что онъ не знаетъ самъ, что онъ ничего не знаетъ.

Рѣдко случается, чтобы успѣхъ не оправдалъ опважности предприимчиваго духа.

Разумъ обыкновенно скачетъ: разсудокъ же медленными идетъ шагами.

Въ Республиканскомъ, или Монархическомъ правленіи всегда встрѣчаются пакія бѣдствія, которыми нужны пособія; но отъ сихъ пособій рождается по нещастію новое зло, пруднѣйшее еще первыхъ ко уврачеванію.

Я не хочу себѣ такой славы, которая бы по свидѣтельству моей совѣсти обличала меня.

Можно сказать, что мы благодарія продаемъ, или поссужаемся ими, когда не чувствуемъ себя награжденными происходящимъ оцѣоказанія услугъ удовольствіемъ. Не много такихъ людей, кои имѣютъ духъ дѣлать благодарныхъ.

Человѣкъ, могущій угождать всѣмъ, худо разуметъ свои пользы, когда хочетъ угождать единственно пѣмъ, кои ему пріятны.

Вспарину думали, что надобно бытъ между людьми различію; но вмѣсто того, чтобы сему различію соспо-

япъ вѣ добродѣтели, выдумали благородство: ибо сіе гораздо легче; даепѣ его рожденіе, и приобрѣтаепѣ его ничего не стоипѣ.

Нѣпѣ ни одной такой области, которая бы не почипала за счастье быпѣ управляемою человекомѣ, прожившимѣ двѣ или при тысячи лѣпѣ. Безспорно, уважили бы его опыты, однакожѣ все ошибающся. — Исторія дѣлаепѣ насѣ современными большему числу произшествій, каковыхѣ не удалось бы видѣпѣ сему человеку. Мы живемѣ, такѣ сказать, больше вѣковѣ, нежели онѣ; при всемѣ помѣ не дѣлаемся отѣ того ни ученѣе, ни предусмотрительнѣе, ни разумнѣе.

Скрыпность Государя не должна проспирапѣся далѣе молчанія.

Государю не лѣзя доставипѣ общаго блага безѣ того, чпобѣ не произвестѣ частпныхѣ неудобствѣ, и слѣдовапѣльно не подвергнупѣ себя несправедливымѣ толкованіямѣ. Но его должно упѣшпѣ по единспвенно, чпю рѣдко случается, чпобѣ уязвляемая вѣ настоящее мгновение невинность не содѣлалась скоро предметомѣ удивленія для пѣхѣ самыхѣ людей, кои осуждали ее.

Часть 2.

3

Превосходный умъ ничѣмъ такъ не означается, какъ способностію предуготовлять издалека великіе успѣхи.

Тонкость сполько же унижаетъ Полипику, какъ лицемѣріе набожность. То и другое не могутъ ни коимъ образомъ замѣнить того, къ чему хотѣлось бы имъ поддѣлаться.

Случайность со щастіемъ неразлучна. Странно ли же, что она иногда и ко славі примѣшивается?

У нѣкоторыхъ людей добродѣтели такъ близки къ чрезмѣрности, что ихъ такъ же почти надобно опасаться, какъ и пороковъ.

Не лзя не почестъ всякаго завистливаго безразсуднымъ. Ежели какой человекъ въ чемъ-либо насъ превосходитъ, мы должны его хвалить; понеже мы сами не могли бы похваляемы бытъ, естли бы онъ не заслуживалъ похвалы. Напротивъ, ежели мы его превосходимъ, то должны утѣшаться его хвалою; понеже извѣяемая ему похвала и нашу непременно усугубляетъ.

Во всѣхъ случаяхъ встрѣчаются такія щастливыя минуны, которыя назадъ уже не возвращаются: и мы слишкомъ поздно раскаеваемся, что не

сдѣлали въ свое время того, чего въ другое сдѣлать уже не возможно.

Между людьми царствуетъ одно общее мнѣніе, и изъ всѣхъ мнѣній самое ложное и неосновательное. Нѣтъ изъ насъ ни одного, котораго бы не думалъ, что себя знаетъ, и при томъ не воображалъ, что другіе себя вовсе не знаютъ.

Высокоуміе никогда не должно приводить насъ къ пренебреженію того, что намъ кажется легкимъ; а недовѣренность никогда не должна приводить въ отчаяніе о томъ, что намъ представляется труднымъ.

Нѣтъ ни одной такой славы, которая бы не имѣла нужды въ нѣкоторомъ снисхожденіи.

Обиды никогда совершенно не заглаживаются, ежели только въ половину удовольствованы бывающъ.

Прямая скромность должна побуждать насъ къ незнанію нашихъ дарованій; но въ то же время и ее мы знать не должны.

Я сомнѣваюсь, чтобы можно было быть спокойну развратному человѣку.

Благородство есть уже приобретенная слава, которая сменемъ новой бытъ долженъ спвуетъ.

Есть такіе люди, которые почитаютъ себя ко всему способными; а что опъ того, что они ни въ чемъ не имѣли опыта.

Ежели хочешь вызнать хорошо свойства человека, подожди, пока приключится ему несчастіе; тогда очень скоро увидишь или всю его великость, или слабость.

Съ мѣлкимъ умомъ рѣдко бываютъ способны къ великимъ видамъ.

Часто гораздо опаснѣе бываетъ имѣть дарованія, нежели сколько стыдно быть безъ оныхъ.

Изъ всѣхъ даровъ, уважаемыхъ нами въ другихъ, одна только прямая добродѣтель не производитъ въ насъ никогда къ себѣ зависти.

По моему мнѣнію, одна только есть позволенная скупость во времени.

Величайшее удовольствіе щеславнаго человека не въ томъ состоятъ, чтобы его хвалили; но чтобы спокойно слушали, какъ онъ самъ себя хвалитъ.

Для избѣжанія просупковъ, довольно имѣть о нихъ по понятію, какое имѣють тѣ, кои насъ знаютъ.

Есть такіе люди, которые споль боясь скуки, что одинъ спрахъ оную испытать, составляетъ превеликую для нихъ скуку.

Я всегда замѣчалъ, что мы больше скучаемъ послѣ увеселеній: предшествующая увеселеніямъ скука несравненно сноснѣе за ними слѣдующей.

Въ мірѣ находишь ощущительнѣйшее и пріятнѣйшее удовольствіе, нежели удовлетвореніе своимъ спрахъ, а именно побѣжденіе ихъ.

Отъ чего происходитъ, что чѣмъ ограниченнѣе бываетъ умъ, тѣмъ болѣе онъ мнитъ видѣть и лучше обнимать предметы; а чѣмъ просвѣщеннѣе, тѣмъ менѣе льститъ познаніемъ оныхъ? Мы неизвѣстна сему причина; но я всегда примѣчалъ, что высокоуміе раждается отъ посредственности споль же естественно, какъ скромность отъ достоинствъ.

Сколько такихъ людей, которые почидаютъ себя опытными по одной древности!

Наивеличайшіе мужи имѣютъ пороки, смѣшанные съ добродѣтелями; и для нихъ, также какъ для каршинъ, бываетъ благопріятное время. Ежели мы принуждены будемъ спорить съ совѣстію, то всегда оспанемся прошивъ ее несправедливыми.

Колико щасливъ Государь, ежели онъ въ управленіи своихъ доходовъ можетъ положиться какъ на справедливаго и просвѣщеннаго, такъ на безкорыстнаго и вѣрнаго человѣка! Честный мужъ, оными управляющій, гораздо драгоцѣннѣе всѣхъ ввѣренныхъ ему сокровищъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Къ слѣдующему опвѣсту на дружескіе совѣшны.

Слѣдующее здѣсь Сочиненіе могло бы показаться страннымъ, естлибъ не сказано было, что подало къ оному повелѣ. Мы обязаны имъ напечатанной въ 1747 году книжкѣ, подъ названіемъ Совѣшны Дружества. Сія книжка возбудила въ Король Польскомъ любопытство. По склонности своей къ нравственности, прочелъ онъ ее со вниманіемъ; и намъ отъ достойной евротія особы извѣстно, что по мѣрѣ течеія оной, самъ онъ сказывалъ, или писалъ то, что почиталъ нужнымъ къ ней прибавить, не для того, чтобъ придать ей больше силы и исправности, но дабы утѣнить ее занимательнѣйшею и полезнѣйшею. Она показалаь ему истокномъ тистыхъ водъ, текущихъ въ узкомъ мѣстѣ: потому и вздумалъ теченіе онаго распространить, и посредствомъ различныхъ токовъ заставить его орошать и удобрять большее пространство полей. Въ семъ безъ сомнѣнія намѣреніи захотѣлъ онъ преобразиться въ юнаго воспитанника, котораго Сочинитель вознамѣ-

рился наутать, принявъ на себя откровенной и кроткой тонъ сердца, уловленнаго не давно прелестями добродѣтели. Онъ думалъ, что непрерывныя правила должны казаться не столь строгими, удобъ исполнительнѣйшими и приличнѣйшими къ возбужденію порезнованія въ пѣхъ, для кого оны писаны.

XVII.

ОТВѢТЪ ЯРИСТОВЪ

на

дружескіе совѣты

Я никогда не забуду, любезный Клеантъ, твоихъ попеченій о просвѣщеніи моего разума, о направленіи склонностей, о образованіи меня къ добродѣтели и о побужденіи любить ее, яко подлинное благо и самое большее и продолжительнѣйшее благополучіе. Мнѣ не лзя лучше себя возблагодаришь, какъ давши опчешъ въ твоихъ успѣхахъ, кои произведены спасительными твоими уроками. Они, безъ сомнѣнія, были бы гораздо болѣе, есльи бы я принималъ ихъ съ такимъ послушаніемъ и должнымъ прилѣжаніемъ къ исполненію оныхъ, съ какимъ усердіемъ и вниманіемъ спарался ты учинить меня совершеннымъ. Но при томъ надлежало бы мнѣ имѣть сей просвѣщенный разумъ, который научаетъ себя опличать истинное отъ ложнаго, сію понокость чувствованія, сію поспоянную любовь

кѣ испинѣ, сію склонность кѣ основательнымъ вещамъ, на послѣдокъ сію опытность, кою я сильно пы убожденъ о важности своихъ наспавленій. Однакожъ могу сказать, что чѣмъ спавновлюсь я спарѣ, тѣмъ больше спараюсь употреблять ихъ въ свою пользу.

Познаніе, поданное мнѣ опѣ шебя о челоѣкахъ, и которое я, также какъ и пы, щипаю нужне книгѣ, вселило въ меня кѣ нимъ недоѣренность, почти за доѣрѣшель мною почтиаемую. Мнѣ нужно только посовѣшозаться съ самимъ собою, чтоѣбъ узнать, что мудрѣйшій изъ нихъ тотъ, который меньше имѣетъ пороковъ; совершеннѣйшій тотъ, у котораго меньше недошпковъ. Будучи рабами своихъ спраспей, предразсудковъ, спвенравія, а при томъ и обыкновенною жертвою спвенравій, предразсудковъ и спраспей другихъ челоѣковъ, какихъ не предспавляютъ они на сценѣ міра ужасныхъ зрѣлищъ брани и раздора въ то время, когда самые звѣри, живя мирно и взаимно себя уважая, не спогля на различіе склонностей и нуждъ своихъ, кажешся, упрекающъ имъ за то,

что они при всемъ своемъ разумѣ не споль благоразумны, сколько шѣ по одному натуральному побужденію!

Можешѣ бышѣ, поразился бы я еще болѣе шѣмъ, что открылось бы мнѣ при первомъ взглядѣ на занимаемомъ людьми шеапрѣ, гдѣ я самъ начинаю предспавлять сѣ ними дѣйспвующее лице; но по свидѣтельствѣ предшеспвовавшихъ мнѣ на ономъ, знаю уже, что шамо ничего инаго не видно, кромѣ несправедливоспи и жеспокоспи, неблагодарноспи и вѣроломспва; кромѣ ненависпи, мщенія, злодѣяній, опустошенія и хищенія. Родѣ человекскій, по изѣясненію Моншаня, еспѣ не иное что, какѣ куча забопливахѣ и распроганныхъ муравьевѣ. Они спѣ живающа, полпяща и сами собою испребляюща; я ни сѣ чемѣ лучше сравнишѣ ихѣ не могу, какѣ сѣ убійспвенною шолпою оныхъ воиновѣ, коихѣ успрашенный Кадмѣ видѣлѣ исходящихѣ изѣ земныхъ нѣдрѣ, и кошорые родяса оцѣ эмбиныхъ зубовѣ, спшановились другими эмѣями, и взаимно себя убивали.

Чтобы не слишкомѣ бышѣ подвержену злобѣ человекѣвѣ, надлежало

бы приобрѣсти нѣкоторыхъ изъ нихъ дружбу, сдѣлаться ихъ защитникомъ, покровителемъ, совѣтомъ, помощію, опорой; такъ какъ деревьямъ, кои въ особенности могли бы бурю быть испорчены; но кои по соединеніи съ другими ихъ подкрѣпляющими не споль скоро могутъ поколебаться.

Но какъ сыскать тамъ друзей, гдѣ почти нѣтъ ихъ? Однакожъ, поелику я не могу опкзаться совершенно отъ общежитія, выгоды котораго хочу раздѣлять, слѣдовательно дѣлать равнобрно его неудобства и непріятности; по въ недостаткѣ такихъ друзей, какихъ хотѣлось бы мнѣ имѣть, и каковыми всѣ друзья быть бы должныствовали, я рѣшился довольствоваться, или по крайней мѣрѣ казаться довольнымъ такими, какихъ доставитъ мнѣ случай, польза и мірское обращеніе. Не тѣми, которые очевидно допускаютъ обманывать себя, ибо это не очень искусно; но такими, которые ласкаются, что могутъ обманывать другихъ. Находясь такія общія заблужденія, къ которымъ мы принуждены себя предуготовить. Когда обнищавшее Государство выпускаетъ въ

обращеніе ложную монету, по имѣешь ли кпо право оную опвергнуць?

Вѣ недоспапкѣ прямыхъ друзей, буду я довольствоваться представляющими оныхъ, да и самъ хранить буду къ нимъ одну поллю наружностъ. По моему мнѣнію, цѣлый міръ сими сомнительными и внѣшними взаимностями существуетъ. Какъ бы порочны ни были таковыя друзья, но они составляютъ почетный союзъ, прекращающій всякое смятеніе и неустройство, и образующій какъ бы нѣкое основаніе общаго спокойствія. Если бы сердца всѣхъ были открыты, какъ бы можно было жить въ обществѣ? Пріятная маска гораздо сноснѣе настоящаго лица, усмрашающаго своимъ безобразіемъ.

Надобно только мнѣ съ своей стороны быть оспорожну со всякимъ желающимъ со мною подружиться, то есть, заставивъ его думать, что онъ дѣйствительно уловилъ мою дружбу. Показывать ему, по совѣту Горация, что ты не больше знаешь и прогаешься его недоспапками, какъ любовникъ недоспапками своей любовницы, или какъ отецъ сыновними. Ложному его усердію соответство-

вапъ уваженіемъ, вниманіемъ, снисхожденіемъ, кои могутъ почипапаться искренними, и кои также пріятно обольщаютъ его, какъ и онъ мнитъ обмануть меня. Полезное, но плачевное дополненіе союза, почпеніемъ шокмо образовапьяся долженствующаго; союза, которій бы долженъ былъ безъ корысти и коварства соединять сердца, и помѣщать нѣкое равенство въ различныя состоянія, склонности и характеры; которій, возвеличивая души и вводя нѣкоторымъ образомъ одни въ другія, былъ бы обязанъ ихъ болѣе распространять и придавать вѣщую цѣну челоѳчеству; а непреспанною мѣною мыслей, чувствованій, воли, услугъ умягчать неукропимый нравъ челоѳковъ, и напослѣдокъ содѣлывать по крайней мѣрѣ сносною пакую жизнь, которую они, по видимому, въ наказаніе себѣ воспріяли.

- Для чего не могу я надѣяться
- вкусить нѣкогда сладости споль драгоцѣннаго союза? Я чувствую надобность любить; ищу другаго сердца, яко необходимаго соповарища. — Не уже ли нѣтъ ни едиаго опредѣленнаго для меня свыше и желающаго

равномѣрно прилѣпиться ко мнѣ? Ежели есѣ паковые, да явятся они скорѣе; я просипру къ нимѣ мои обѣщанія. Не спану размышлять о добромѣ и худомѣ ихѣ соспоаніи. Да будущѣ они полько искренни, добродѣтельны, и возлюбятѣ меня. Я надежно предамся имѣ, и душа моя не замедлитѣ съ душою ихѣ соединиться. Для нихѣ храню я сіи нѣжныя изліанія сердца, коихѣ не осмѣмился ввѣришь поддѣльнымѣ друзьямѣ, споль же мало пекущимся о прямыхѣ моихѣ чувствованіяхѣ, сколько и я обѣ ихѣ искренности, и копорыхѣ, пакѣ сказать, долженѣ я съ компасомѣ вѣ рукѣ измѣрять поступь, дабы не заблудиться, и не заспавилъ ихѣ иппи со мною дальѣе, нежели они желаютъ.

Истинные, вѣрные, преисполненные правоты и искренности друзья сполько же помогли бы мнѣ совѣщаніи, какѣ и примѣрами, слѣдовавъ мудрымѣ швоимѣ совѣщаніемѣ вѣ разсужденіи всеобщаго поврежденія нравовѣ. Для предохраненія себя, вижу я одну спокмо спезю подлѣ большихѣ дорогѣ, больше или меньше заразительныхѣ. Это есѣ та спезя, кошорую избра-

ли благочестивые пустытники, кои, чпобѣ жить хорошо, вознамѣрились жить только для себя: да и сія спезя не всегда пакѣ безопасна, какѣ мы себѣ воображаемѣ. На ней возбуждаются спарыя и непріятныя впечатлѣнія. Самыя звонкія пѣла издають опѣ себя долго звукѣ, хошя и преспали ударяють по нимѣ.

Поелику назначено мнѣ судьбою провождать дни мои въ мѣрѣ, то я по крайней мѣрѣ надѣюсь предохранить себя опѣ его заразы. Сія спрашная зараза сколь скоро познается, то и убѣгають опѣ нее, какѣ опѣ прилипчивой болѣзни, опѣ копорой спараются удалиться и спаситься прежде, нежели она поспигнетѣ. Каковы бы ни были пороки, но они носять на себя пакія черпы, копорыя ихѣ опкрываютѣ, и имѣють въ себѣ нѣчто такое, копорое показывають, что они суть. Они являются въ пріятномѣ видѣ, и даже подѣ наружностію добродѣтелей, въ копорыя не рѣдко преобразуются; но будучи худо подобраны, сами, кажется, заставляють себя бояться и проклинять. Впрочемѣ, какіе пороки не находятѣ въ насѣ есте-

отвѣннаго свѣта, правоты разума и опровергающей ихъ совѣсти? Но весь ужасъ оныхъ показываетъ особенно состояніе шѣхъ людей, кои допустили имъ развратить себя. Чего не говоряшъ намъ ихъ безпорядки, бѣдность и глупость? Плачевный ихъ примѣръ есть для насъ, любезный другъ, великимъ насипавленіемъ. Для чегожъ бы не присовокупить его къ полученнымъ мною отъ тебя урокамъ?

По чрезмѣрному моему желанію соопвѣтствовашъ швоей довѣренности, я ежеминутно обязанъ бдѣть надъ собою. Чувствую сильное влеченіе къ добродѣтели. Не можешъ ничего быть прекраснѣе швоего ей изображенія. Ты предсипавляешъ ее во всей славѣ ея торжестваша; а оружія, коими меня снабждаешъ, горячность мою подкрѣпляютъ. Ежели находяпся несчастные подверженные своимъ спростямъ, и коимъ владычество оныхъ пріятно, по я хочу непрестанно спарашься о побѣжденіи своихъ. Въ семъ случаѣ ты будешъ образцемъ, по которому, любезный Аристъ, швой другъ будетъ пещися себя образовашъ. Онъ всѣ свои усилія употребитъ на то, чшобъ со-

Часть 2. И

опвѣпспвовапъ пвоему кѣ нему уваженію, и пому спаранію, каковое пы употребляешъ для содѣланія его того доспойнымъ.

XVIII

Религія.

Ты, любезный другъ, справедливо говоришь, что Религія есть жизнь души, и что безъ нее человекъ былъ бы не иное что, какъ машина съ пружинами, прямой испуканъ, не вѣдающій ни начала, ни конца своего, имѣющій одно безпорядочное чувствованіе бытія, разумъ безъ различенія, умъ безъ разсужденія, сердце, сопворенное для одного дыханія и жизни; слѣдующій одному слѣпому побужденію чувствъ, не знающій что онъ есть, что его окружаетъ, что онъ будетъ, чего можетъ надѣяться, или бояться.

Сколь плачевно было бы соспояніе человека безъ Религіи! Она-то учреждаетъ его понятія, склонности, желанія; распроспраняетъ его виды, облагороживаеиъ самыя неважныя дѣйствія; содѣлываетъ независимымъ

опѣ всѣхъ преходящихъ вещей, и обладателемъ спрасней своихъ; поспавляетъ его превыше обѣщаній и угрозъ щаспія, забавъ и безпокойствъ жипейскихъ, добрыхъ и худыхъ успѣховъ, и заспавляетъ его въ самой смерпи находипь ушѣшеніе, или по крайней мѣрѣ всегдашнюю надежду.

Пускай будетъ онъ опѣ самага рожденія уединенъ, и какъ бы заблудившійся и попереявшійся въ проспранствѣ неизвѣспномъ другимъ людямъ; по не довольно ли для него чуднаго зрѣлица Нашуры, и обращенія взора своего на сію неизмѣримуую и совершенную книгу, которую неученый, также какъ и самый знающій, или ученѣйшій можетъ чипать удобно, и понимаать бытіе, Верховнаго Существа ощущаать благодарность, кою всѣ твари Ему обязаны, убѣждаься, что сія благодарность пребуепѣ любви, что сія любовь одними покмо наружными знаками покорности и благоговѣнія можетъ быть извѣяляема, и что таковые знаки супъ дѣйсипвитель-но по, что мы именуемъ Религіею и Богослуженіемъ?

И 2

Я даже увѣренъ, что безбожниковъ нѣтъ, и никогда не бывало. Чпобы таковымъ быть, надлежало бы очевидно и ясно себѣ доказатьъ небытіе Божіе, что сполько же человекъ не возможно, какъ учинишься самому Богомъ, уничтожишь сей міръ и создашь новъй. Испорія научаетъ меня, что для безбожниковъ приготавливали иногда огни, колеса, висѣлицы; что жъ до меня принадлежишь, я ихъ почишаю людьми безумными, достойными болѣе сожалѣнія, нежели наказанія, и осудилъ бы ихъ паче къ тому, чпобъ показывать ихъ въ загородахъ съ шѣми сумасшедшими, копорые почишаютъ себя Святымъ Духомъ, или Мессією. Въ самомъ дѣлѣ, я не вижу никакого различія между отрицаніемъ Божества и воображеніемъ почищатьъ себя за таковое. Большая часть невѣрующихъ сдѣлались такими по распутству, или тщеславію. Это есть обыкновенное правило, изъ котораго не исключаютъ и славнаго Спинозу, копорый, желая открыть цѣпь, связующую небо и землю и соединяющую всѣ часпи вселенной, не могъ изслѣдовать ее при единственномъ блескѣ своего дарованія,

а наподобіе рисующаго одни облака и пары живописца, оставилъ намъ только одни грезы безпорядочнаго воображенія. Апостолъ можетъ быть шокмо на словахъ, но ни въ разумѣ, ни въ сердцѣ таковымъ не бываетъ. Это есть маска, придающая невѣжеству и слабости видъ знанія и неуспрашиваемости, и копорая всегда, будучи готова спасти съ лица, пребудетъ непреспаннаго поправленія. Безбожникъ не сомнѣвается: онъ хотѣлъ бы сомнѣваться, но не можетъ. Все его честолюбіе заключается въ томъ, чтобъ прослыть вольнодумцемъ. И подлинно онъ сдѣлался бы таковымъ, если бы сила, копорую онъ хочетъ себѣ придать, не была чудомъ, въ напурѣ еще неизвѣстнымъ.

По недоспапку таковыхъ челоувковъ, коимъ хотѣлось бы сдѣлаться худшими, нежели сколько могутъ быть такими, есть другіе, копорые признавая Божество, яко неоспоримый догматъ челоувческаго рода, яко въру самой напуры, спараются однакожъ увѣрить себя, что сей Верховный Разумъ, наслаждаясь въ вѣчномъ покоѣ ненарушимымъ блаженствомъ, со

всѣмъ не вмѣшивается въ управление вселенной; и поелику не можетъ быть ни оскорбляемъ, ни поклоняемъ отъ низкихъ смертныхъ, по не судитъ и не наказываетъ пресупленій, не требуетъ и не награждаетъ добродѣтелей; что Онъ не положилъ никакого закона чело-вѣку, и даже равнодушно взираетъ, наблюдають ли они итъ (законы,) кои нужда общежитія принудила ихъ сдѣлать для себя самихъ; что давши имъ разумъ, драгоценное свѣта своего излияніе, дѣятельное и плодотворное начало, дабы возмечтали они сдѣлаться независимыми отъ всякаго правильнаго поведенія, Онъ совсѣмъ не помышлялъ ограничить употребленіе его, и не повелѣвалъ думать и вѣрить по-му, чего имъ постигнуть не возможно. Однимъ словомъ, что онъ ивой Религіи не ожидаетъ, если только по-требна какая-либо, какъ весьма мало отвлеченной и гораздо просвѣтѣвшей, согласной съ здравымъ смысломъ, въ которой, по крайней мѣрѣ, ежели нечего надѣяться, по нечего и бояться.

Такъ говорятъ деиспы нашего времени, дерзкое и высокомерное по-

рожденіе, неизвѣстное опѣ временѣ Эпикура; и которое не опваживаясь показываться въ печеніе слишкомъ двадцати вѣковъ, пришло осквернять и уничижать нашъ (вѣкъ), и изгладить оный не только изъ числа предшествовавшихъ, но и имѣющихъ за нимъ послѣдовать. Чувствованія ихъ, начертанныя мною съ ужасомъ, заславляющѣ спыдились и разумъ и самую напуру. Я не имѣю сполько искусства, чтообъ ихъ низложитъ; но знаю, что въ какую бы ни пренеслися мы спрану, вездѣ найдемъ храмы, жертвоприношенія, обряды, алтари; что обычай чтить Бога также древнѣ, какъ и міръ, и дѣйствіе внутренняго благоговѣнія глубоко начертано во всѣхъ сердцахъ.

Мнѣ кажется, что воображаетъ себѣ о безпечномъ Божествѣ, спѣсенномъ въ безднѣ своихъ совершенствъ, и не проспирающемъ взоровъ своихъ ни на что, кромѣ Себя Самого, есть не признавать никакого. Да и для чего признавать Его, когда сполько предполагать равнодушія въ существованіи, или, небытіи Онаго? Самое понятіе, приводимое время опѣ времени

на память о Его существованіи, не напрасно ли бы потеряно было, еспьли по истинно, что Божество ничего ни повелѣваетъ, ни запрещаетъ, и что Оно не имѣетъ иной выгоды, какъ оставитъ на удачу бытствовать образованныя отъ Него существа, кои ни какого не имѣютъ къ Нему отношенія по зависимости? Бывала ли когда глупѣйшая и ужаснѣйшая система? Почему не покло чпобъ въ ней когolibо убѣдитъ, но я даже почиаю невозможнымъ убѣдитъ и самаго себя.

Однакожъ, ежели находятсѣ такіе люди, кои хотѣли бы увѣрихся, что нѣтъ Бога; ежели существующіе другіе вѣрующіе, но не пекущіеся о почианіи Его, по еспь и такіе, кои убѣждены будучи въ необходимости Богопочианія, не отрицаются воздавать Ему оное; но желали бы согласитъ сіе Богопочианіе съ своими спраснями, отдавать Религии по, что она предписываетъ, и не оставлять ею запрещаемого; слѣдовать ей въ великомъ, но подробносней не уважать. Сіи люди не спыдятся думать, о соединеніи порока съ добродѣтелию, и я пому не удивляюсь, Нѣтъ ничего

спокойнѣ, какъ когда кто можетъ радѣлять себя между благочестивыми упражненіями и мірскими обычаями. Можетъ быть и я сего же бы держался, еспли бы, предвренѣ будучи твоими совѣтами, не увидѣлъ заранѣе распростертой сѣпи, и не научился уклоняться отъ нее до познанія оной.

Три особые рода людей, не ополчаясь явно прошивъ Религіи, ее безславяиѣ и презираюиѣ. Одни супъ лицемѣры, копорые служатъ Богу единопвенно для того, чпобѣ обмануѣ человѣковѣ. Они гораздо виновнѣ безбожниковѣ, оприцающихъ Божество, но не могущихъ Его не признавать. Сіи же вѣрують Ему, проповѣдуюиѣ, поклоняюиѣ, но вѣ самомѣ дѣлѣ насмѣхаюиѣ; и по обыкновенному пакже слѣдствию оскверненія святыни, будучи гораздо нещаснѣе безбожниковѣ, коимѣ все служитъ къ разсѣнію ихъ мрака, они повергаются вѣ ложное спокойствіе и ожесточеніе, изъ коего ничпо ихъ не воззываетъ, и копорое заспавляетъ ихъ испытывать, (чего я не желаю знать никогда) чпо самое страшное небесное наказаніе еспъ, мщеніе безъ исправленія,

Другіе люди, не менѣе оскорбляющіе Религію, суть тѣ, которыхъ она ни просвѣщаетъ, ни согрѣшаетъ, кои принявъ ее безъ познанія, никогда не старались проникнуть глубины ея; которые предспавляя ее себѣ не очень строгою, а болѣе кропчайшею, даютъ заповѣдямъ ея ласкающій имъ смыслъ; и не хощя ничего, кромѣ цвѣтѣвъ, гдѣ она посѣяла одно терніе и волчцы, забываясь о успокоеніи своего сердца среди забавъ, кои сдѣлали они главнѣйшею цѣлю своей жизни.

Религія имѣетъ претій родъ враговъ. Они суть тѣ, кои уважая единственну ея правила, хощли бы исключитъ изъ нихъ догматы, или по крайней мѣрѣ допуститъ только нѣкоторыя, а прочіе опвергнутъ. Я примѣчаю, что во всѣ времена, вмѣсто прибавленія чего-либо къ Религіи, старались опъ нее опсѣкать. Такъ дерзновенно поступала большая часть сектъ, и сіе же самое дѣлаютъ ежедневно нѣкоторыя въ тайнѣ сердець своихъ.

Буйство первыхъ не весьма опасно; ибо пому не подражаютъ, что кромѣ ужаса ничего болѣе не внушаетъ.

Вспорые могли бы обольспипь, почему не надлежитъ ихъ слушать; но пожалѣемъ о прешьихъ: они подобны спремящимся въ пропасть слѣпымъ, думая иппи по надежному и гладкому пуши.

И пакъ, любезный Клеантъ, ни ложные предразсудки, ни худые примѣры не могутъ воспрепятствовать мнѣ покориться Религии и ее любить; но главный и опасный ей врагъ есмь я самъ. Впечатлѣнія, примѣровъ проходящъ, предразсудки имѣютъ свое время, а я слабъ, и въ самое то время, какъ ее признаю, можетъ быть гораздо далѣе отступо отъ нее, нежели думаю.

Не спранно ли, что человекъ, считающій себя обязаннымъ исполнять по Религии большую часть предписываемаго разумомъ и повелѣваемаго самою Полипикою, не радитъ объ ономъ единственно для того, что Религия сего требуетъ: и будучи совершенно увѣренъ въ превосходствѣ и важности предписываемыхъ ею заповѣдей, отрицается однакожъ исполнять оныя?

Сю прошивоположность чувствований я ощущаю ежедневно. Съ одной стороны разумъ мой утверждаетъ осуждаемое Религією, а съ другой Ре-

лигія сообщаемъ мнѣ просвѣщеніе, коимъ разумъ пользоваться не хочеть. Одна не престаеть меня просвѣщать, и я отрицаюсь ей слѣдовать; другой соблазняетъ и въ заблужденіе приводитъ, а я предаюсь ему безъ опасенія. Однакожъ моему разуму, убѣжденному въ необходимости и преимущесивахъ Религіи, надлежало бы ее мнѣ предлагать и брать въ руководительницы; но я замѣчаю, что во всѣхъ почти людяхъ сущесивуютъ два покло побужденія, прилбпляющія ихъ къ Религіи: а именно, страхъ наказанія, коимъ она угрожаетъ, и надежда общаемаго ею воздаянія. Довольно сильныя и даже похвальныя побужденія, но весьма мало приличесивующія чиспотѣ и свяспости служенія, которое совершенно безкорыспно бытъ долженсспуетъ.

Ты приводишь въ доказательсспво Грековъ и Римлянъ, и напоминаешь мнѣ о помѣ благоговѣннн, съ какимъ говаривали они о своихъ богахъ и Религіи. Я одобряю справедливыя пзои о семъ предметѣ размышленія; но не могу надивитъся двумъ вещамъ: первое, что при споль высо-

кихъ , великихъ и просвѣщенныхъ дарованіяхъ , шакже при всей смѣлости и силѣ , кои мы покусились бы почестъ за превосходящія челоѡческой умѣ , основывали они Религію свою на басняхъ ; вшорое , что упоенные сими баснями были большою частію людьми благоразумными , разсудительными и добродѣтельными . .

Можно ли бѣ было узнать Аристиды , Солоня , Сократа , Фабія , Сципіона тогда , когдабы увидѣли ихъ просперныхъ при подножіи деревяннаго , или каменнаго испукана , и спрашающихся ненависти или гнѣва его ? А припомѣ какимъ образомъ , будучи рабами служенія , не предспавлявшаго имѣ во образѣ верховнаго бляженспва ничего , кромѣ однихъ мерзоспей и злодѣній , и кромѣ великой удобности къ произведенію ихъ , могли они имѣть споль прекрасныя , очищенныя , споль честныя чувспвованія и споль спрое нравы , каковыя вѣ примѣрѣ ими предспавлены ? Какъ возможно было имѣ постспавлять себѣ вѣ должность воздержаніе , праздуя распусспво прелюбодѣя Юпитера и беспудной Венеры ; быть неуспрашиваемыми

въ сраженіяхъ, принося жертву страху; уважашь имѣніемъ другаго, чпья бога воровъ; сносишь безъ роптанія смерть опца, призывая шакого бога, который изуродовалъ своего?

И пакъ справедливо шо, чшо гласъ Нашуры былъ двъ нхъ сильнѣе гласа самой Религіи; но для чегожъ сія Нашура, споль умѣренная и мудрая въ погдашнее время, не шакова пеперь подъ владычествомъ Религіи, спарающейся единспвенно о томъ, чшобъ умножитъ въ ней любовь къ порядку и врожденное правило къ справедливости, кои ее возвышають и облагораживаютъ? Для чего пеперь вооруженная священною властію, не имѣетъ она той же силы для избѣжанія запрещаемыхъ опъ Бога пороковъ, какую имѣла, не подражая богамъ, подававшимъ примѣры оныхъ? Какое чудное прошиворѣчіе! Прежде поклонялись богамъ, больше человекъ возвращеннымъ, и обожая ихъ, поспавляли даже въ заслугу не уподобляться онымъ; а нынѣ признавая Бога безконечно совершеннаго, ни мало не влечемся къ исполненію добродѣтелей, коихъ Онъ есть источникъ и образецъ, и къ

воздаванію досподолжнаго Ему служенія. Былъ ли какой вѣкъ безумнѣе и безпорядочнѣе нашего? Какое уже можетъ успрашивать насъ преступленіе? Божеспвенный спрахъ болѣе не удерживаетъ святошапспвенныхъ нашихъ рукъ, и намъ оспааетъ полько опровергнувъ наши храмы и алтари.

Между пѣмъ сія самая Религія снабжаетъ какъ бы новою жизнью человека, возноситъ его превыше его напуры, очищаетъ познанія, ведетъ, подкрѣпляетъ, упѣшаетъ и поспаляетъ его служипелемъ и исполковашелемъ признапельности всѣхъ напууральныхъ существъ, не могущихъ извѣвлять славы и могущеспва Творца своего.

XIX.

Философія.

Въ недавнемъ времени взирали бы съ презрипельнымъ удивленіемъ на человека, копорый бы захотѣлъ присвоить себѣ имя Философа. Тѣхъ, коихъ называютъ теперь симъ именемъ, безъ сомнѣнія смѣшивали тогда съ

онимъ родомъ живописныхъ, *Servit* *re-*
sus копорые вооружась ссылками и во-
 просами, и преисполнены будучи Гречес-
 кими и Лашинскими шерминами, прихо-
 дили съ школьною пылью хваспашъ хоро-
 шею памяшью и малымъ разсудкомъ: без-
 умспвуя, думали умспвовашъ, и, по изъ-
 ясненію Цицеронову, *заставляли же-*
латъ, чтобъ они никогда ничего не
знали. Но въ нынѣшнее время совсѣмъ
 иное происходитъ. Имя Философа
 служилъ въ честь, и даже женщины
 въ славу себѣ оное поспавляютъ.

По присоединяемому къ сему по-
 нятію, въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ
 величественнѣе и прекраснѣе онаго.
 Философъ долженъ научаться учреж-
 датъ ходъ своего разума, разбираетъ
 начала, изслѣдоватъ вѣроятіе оныхъ
 и ищетъ истины съ равнымъ разли-
 ченіемъ и добродушіемъ. Будучи сво-
 боденъ отъ предрасудковъ и врагъ
 всякаго ложнаго умспвованія, онъ дол-
 женъ познаватъ цѣну разума, разши-
 ряетъ его способности, не пресупая
 однакожъ границъ: удостовѣряется,
 куда онъ можетъ, и сомнѣвается, до
 чего не въ соспояніи доспигнуть. Чуж-
 дый всѣхъ обыкновенныхъ человѣче-

скихъ предразсудковъ, онъ долженъ умѣть оцѣнивать вещи по истинной ихъ добротѣ, не уважать значаго состоянія жизни болѣе, нежели чего оное споишь, и не почитать низкаго гораздо менѣе, нежели каково оно естъ дѣйствительно. Онъ долженъ пользоваться забавами безъ раболѣпства имъ, богатствомъ безъ прилѣпленія къ нему, чesтями безъ гордоспи и пышности; несчастія сносить безъ боязни и презрѣнія, и на все, чего не имѣешь, взираць яко на бесполезное, а чesмъ обладаеть, яко на довольное къ своему благосостоянію. Будучи равенъ въ томъ и другомъ состояніи, всегда важенъ, но спокоенъ и веселъ безъ искусства, онъ долженъ любить порядокъ и наблюдать его во всѣхъ своихъ дѣлахъ; плѣнись добродѣтелями своего званія, ни въ одной изъ нихъ не доходишь до крайности, а исполняешь все, даже и безъ свидѣтелей. Ему должно быть къ самому себѣ строгу, къ другимъ снисходительну, вольну и искренну безъ огорченія, учтиву безъ притворства, предупредительну безъ подлости. Надобно, чтобы онъ проникнутъ былъ любовію къ общему благу, любилъ свое отече-

Часть 2. I

ство пакъ, какъ любили свое гордые Римляне; жипь вѣ немъ безъ зависти, безъ ухищренія, безъ честолюбія. Какъ неприспупный никакому суспному побужденію, онѣ не долженъ желать вѣ немъ опличія, а бытъ полезнымъ безъ блеска и шума, хопя бы опличіемъ и весьма много могъ выиграпъ; однимъ словомъ: пакой Философъ, какого мы себѣ во дни наши изображаемъ, долженъ имѣть мужеспво обойпись безъ всякаго рода славы, и не перя уваженія къ самому себѣ, не знапъ добродѣпелей своихъ и презирапъ самую свою Философію.

Сіе, хопя несовершенно начертанное изображение, безъ сомѣнія много приносипъ чести нашему вѣку. Прежде сего Пифагоры, Демокрипы, Аристопели предлагали себѣ единспвенно опвлеченные и неупотребительные вопросы: о сотвореніи вселенной, о свойспвахъ матеріи, о напурѣ челоѣка, о пространспвѣ, времени, движеніи, порядкѣ и сущности всѣхъ сущеспвѣ. Воображеніе ихъ парило вѣ воздушной пустопѣ и двигалось съ прудомъ, преспѣдуя непроницаемую шайну: нынѣ же спавъ про-

свѣщеннѣе отъ самыхъ заблужденій оныхъ важныхъ особѣ, мы сославили себѣ такую Философію, копорая; вмѣсто загадокъ для оптадыванія, предлагаешъ правила къ послѣдованію, и копорая, за исключеніемъ припязеній, или монадовѣ, печальнаго оспатка древняго хаоса наукъ, ничему больше не навчаешъ, какъ дѣлать добро, и предлагая непрестанно предъ очи наши превосходство нашего бытія, должна содѣлывать насъ предъ прежнимъ справедливейшими, честнѣйшими, благоприсойнѣйшими, воздержнѣйшими и обходительнѣйшими. Сія Философія, приличествуешъ всякому возрасту, полу, званію, и каждый человекъ къ ней способенъ. По тому-то мы видимъ нынѣ гораздо болѣе людей считающихъ себя Философами, нежели сколько было ихъ нѣкогда въ самыхъ славнѣйшихъ школахъ Греческихъ и Римскихъ.

Сии школы старались единствен-но одна предъ другою блистать (оплечаться) спранностію своихъ понятій, различіемъ и противоположностію своихъ мнѣній. Каждая хотѣла взять на опкупъ всю славу, и мало заботи-

лась о томъ, что она не столько учена, лишь бы сколько бытъ болѣе прославляемою.

Сии секты болѣе уже не существовавши, и между нами оспалась одна та, кою зовутъ, не изгоняя ученія и дарованій, къ коимъ никакой законъ не обязываетъ насъ, предписываетъ упражненіе въ добродѣтели, разсудкомъ заповѣдуемой. Такова, безъ сомнѣнія, была та секта, кою зовутъ, по особенному побужденію, самый презрѣннѣйшій изъ мнимыхъ въ древности мудрецовъ искалъ въ томъ челоуѣкѣ, кою зовутъ онъ не находилъ.

Оспается узнать: Философы наши имѣютъ ли подлинно сей любопытный духъ, кою зовутъ въ насъ въ честь себя поспавляющъ, и по предложеннымъ мною понятіямъ, коимъ сходствуютъ ли съ оригиналомъ? И я щаспливѣли былъ въ моемъ исканіи?

По сему. Философы ли суть тѣ люди, кою зовутъ спараются побѣдить себя въ тѣхъ вещахъ, кои по видимому должны ихъ къ себѣ привязывать, и кои всѣхъ почти другихъ людей за собою увлекаютъ? Признаюсь, они кажутся, но не суть дѣйствительно таковыми;

понеже, что столько сердецъ дѣлаешь приспращными, то едва ихъ касается. Мы можемъ поржесствовашь только надъ шѣмъ, что любимъ. Почему не прудно было Улиссу избѣжашь очаровательныхъ прелесей богини. Сколь ни бѣдно было его опечесство, но онъ предпочелъ въ ономъ смерть блаженству безсмертной и исполненной успѣхъ жизни въ чуждой странѣ.

Почтемъ ли мы Философомъ воина, котораго чувствованіе чести, заславляющъ не уважашь смерти? Онъ, можетъ быть, таковымъ себя считающъ, однакожъ не есть Философъ. Онъ съ сожалѣніемъ попускающъ въ себѣ вопль естества, дѣйствительно любящъ жизнь, и, опваживая ее, даже старающъ о сохраненіи оныя. Почему я вижу въ немъ только дымъ Философіи, и уподобляю такимъ людямъ, кои по разстроеніи своего (существованія) здравія призывающъ смерть, и съ опчаянія однимъ ударомъ отверзающъ себѣ гробъ, удивленный безумною ихъ дерзостію.

Человѣкъ, предполагающій Спихескими своими поступками, спранными мнѣніями, гнѣвнымъ и догматич-

ческимъ пономъ, презрипельнымъ и колкимъ видомъ выдавать себя за Философа, паковъ ли въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ; испинные Философы не проповѣдуютъ испины съ симъ самовластпемъ, копорое какъ бы законъ оную возвѣщаешъ, ни съ сею желчію, копорая заспавляетъ ненавиждѣшь ее, яко лекарство. Такой кажется мнѣ рубакою, копорой по выходѣ изъ своего кабинета, яко изъ оружейницы, рѣшпельнымъ видомъ озлобляетъ первовспрѣпившагося ему, и силою фехтованья съ слабѣйшими мечаетъ прославпться храброспю своею. Онъ пѣмъ большее заслуживаетъ презрѣніе, что не пріемлетъ ничего несообразнаго со спранными своими мнѣніями.

Я осмѣлюсь сказать, что Декарты и Невтоны, издавшіе системы міра, проникшіе гораздо далѣе всѣхъ своихъ предшеспвенниковъ въ паинспванашуры, исчислившіе ходъ, распояніе, соотношенія звѣздъ, не большими были бы Философами, еспли бы они, проспирая взоръ на безконечно опдаленныя предметы, не спуспились наконецъ на себя самихъ, дабы научпшь-

ся и познашь себя; естли бы духъ раздробленія и соединенія, введенный ими въ самыя опвлеченныя науки, не упопрѣбили они равномѣрно въ познаніе собспвеннаго своего сердца; естли бы научася хорошо мыслишь; не спарались хорошо жишь; и въ по же время, какъ образовали себѣ одну изъ величайшихъ Имперій своимъ оспруміемъ, вознерадѣли сдѣлашься обладашелями спрасшей своихъ; естли бы не были они человѣколюбивы, снисходисельны, скромны, любовны, нечувспвипельны къ предпочпенію, удалены опѣ всякаго шщеславія; и естли бы по словамъ Пакувія, *рѣчи ихъ были ученыя, а дѣйствія подлыя и неосновательныя.*

Но каковы бы они ни были, я могу безъ сомнѣнія и безбоязненно упвердись, что въ нѣкоторыхъ углахъ земли были гораздо величайшіе Философы, нежели они въ продолженіе своей жизни; мужи, которые въ тайнѣ и молчаніи не хопя учисья натурѣ, украсили ее добродѣшелями, и коимъ недоспавало токмо подражашелей и учениковъ для соспавленія міра, лучше

нежели ихъ, расположеннаго и великолѣпнѣйшаго.

Исторія представляетъ намъ Соломона наищаспливѣйшимъ умомъ, каковъ былъ когда-либо въ мірѣ. Да, него ни въ комъ другомъ не являлось удивительное зрѣлище съ большимъ сіяніемъ. Я не говорю о силахъ пойма человеческого разума, но и о самомъ достоинствѣ Божественнаго духа, коимъ обладалъ онъ съ самаго своего рожденія. Знаніе его, говоритъ Писаніе, разливалось по всей землѣ какъ рѣка, которая, протекая во всей полноцѣ, несетъ плодородіе въ самыя пустыя и бесплодныя страны, Цари, народы преплывали моря, дабы видѣть его и похитить нѣсколько изъ стѣхъ познаній, кои заставляли почти обожать его. Однакожъ сей великой умъ не былъ Философъ. Обширныя его о натуральныхъ вещахъ свѣдѣнія не научили его учреждать свои нравы: онъ зналъ все, но не зналъ самаго себя. Занимаясь всякимъ другимъ ученіемъ, кромѣ своего сердца, онъ предоставилъ оное всѣмъ его склонностямъ. Щаспливъ бы онъ былъ, еслибы между расплннями сущности, кои споль были

ему извѣстны, нашелъ оубъ такое, которое бы могло его исцѣлить отъ поспыдныхъ его слабостей.

Нѣтъ, любезный Клеантъ! не смотря на справедливость нашихъ видовъ въ предметахъ морали, также какъ и въ предметахъ вкуса, нынѣ гораздо меньше Философовъ, нежели мы думаемъ. Я согласенъ, что по своему понятію о мудрости, они должны быть не такъ рѣдки; но мнѣ кажется, что великое есть различіе между нѣмъ, чѣмъ любить мудрость, и быть мудрымъ. Премудрость какія сильныя имѣетъ прелести, что могутъ любить ее и бездѣльники, не отвергая однакожъ влекущей ихъ склонности къ пороку. Они могутъ въ одно и тоже время имѣть довольно хорошаго разума для познанія и уваженія оныхъ, а сердце полъ развратное, чтобы не слѣдовать ей. Можетъ случиться, что они почувствъ себя довольно совершенными, ежели сыщутъ средство удовлетворить безъ наказанія своему распущству, обманывая общество наружноспію добродѣтели.

Такъ-по поступаютъ обыкновенно Философы нашего времени. Очень мало

такихъ, кои бы своими дѣйствіями не измѣняли правиламъ Философіи, мною начерпанной, и копорую одну признають они справедливою. Она охуждаетъ привязанность къ богатству, а они желаютъ оное спяжать; охуждаетъ честолюбіе, а они почитаютъ его чувствованіемъ чести; осуждаетъ завись, а они не мстятъ ничего перѣтъ выше себя; осуждаетъ суешность, а они однихъ только себя почитаютъ достойными уваженія и почтенія. Она повелѣваетъ крепость и человеколюбіе, а они очень мало уважаютъ людей, чтобъ ихъ любить. Они и самихъ себя уважаютъ единственно по самой низкой мѣрѣ своего существованія. Оприцаютъ въ себя душу, умъ, судьбу, унижаютъ, оподляютъ себя, нагибаются сколько можно къ землѣ, и не предполагаютъ никакого различія между собою и животными, прслагающими въ поляхъ борозды.

Философія, не хотящая ничѣмъ быть обязаннокъ Религіи и оную изгоняющая, позволяющая внимать однимъ чувствомъ, и любить безъ разбора все ласкающее имъ, можеть ли не произвестъ отвращенія въ каждомъ че-

ловѣкъ, который судя о вещахъ по однимъ числымъ поняшямъ разума, внимаешъ себѣ въ молчаніи спраспей, не хочешъ мыслишь выше своего просвѣщенія, и не думаетъ шѣсьвымъ компасомъ измѣрять вселенной, не судитъ о произведшемъ оную Началѣ и сущестпованіи ея инако, какъ по слабому своему зрѣнію? Все, что ни писано когда-либо о морали, сходствуетъ ли съ моралію, предписываемою намъ Евангеліемъ, какъ для блага всѣхъ человекѣвъ вообще, такъ и для блаженства каждаго въ особливости? И такъ чемъ почешъ оныхъ Философовъ, которые такія правила опвергають? Ни чемъ инымъ, какъ горделивцами, которые обуявъ и въ буйствѣ провождая жизнь, должны при приближеніи смерти прейти или въ злополучную нечувствительность, или въ страшное и безпомощное опчаяніе.

XX.

З а к о н ы.

Не знаю, для чего древніе Философы, Христіане первыхъ вѣковъ, а

паче Манихеи, желая отккрыти начала добра и зла, споль много заблуждались. Они, можетъ быть, лучше бы успѣли, ища онаго въ нашемъ разумѣ, который есть обыкновенный испочникъ того и другаго. Сей свѣтъ, данный намъ ради нашего просвѣщенія, часто самъ такими непроницаемыми облакается облаками, что спановишся для насъ больше опаснымъ, нежели бесполезнымъ. Мы тогда не видимъ, куда идемъ, и слѣпо падаемъ во зло, котораго не могли ни предвидѣть, ни познать. Появляется ли же онъ паки въ своемъ блескѣ, то бѣжимъ ко благу, всегда видимъ своимъ насъ обольщающему. Такимъ образомъ одинъ, больше или меньше просвѣщенный разумъ производитъ невинность или неустройство, доброе или худое поведеніе человѣковъ.

Безъ таковыхъ несчастныхъ перемѣнъ, больше или меньше частыхъ въ каждомъ человѣкѣ, оный (разумъ) безъ сомнѣнія былъ бы доспапоченъ заспавишь насъ любить и исполнять наши должности; но поелику онъ подверженъ ежеминушному погашенію, часто безъ надежды паки воспламе-

нишься, по надлежало Божественнымъ и челоѳческимъ законамъ, яко двумъ свѳпильникамъ, соспавляющимъ одно свѳплое шѳло, приишши освѳпишь его самага, а чрезъ по запрепятствовавъ намъ угодобиться онымъ басненнымъ близнецамъ, живущимъ иногда на небесахъ, а иногда дѳлающимся гражданами Тенара.

Безъ сомнѳня достойно сожалѳня, что разумъ, распроспранявшій опъ вѳка вѳ вѳкъ споль сильно свои познанія, не можетъ, особливо нынѳ, пребыть безъ сея помощи. Гдѳ по время, вѳ которое онъ единъ царствовалъ вѳ мѳрѳ; когда вѳ прохладенїи весны, украшавшей новымъ цѳвѳтомъ напуру, онъ управлялъ всѳми людьми, какъ однимъ семействомъ, даже и вѳ то время, когда спарались распроспранить понятїе и умножить душевную ихъ силу? Тогда невинный и полезный шрудъ былъ исполникомъ забавъ, и они опнюдь не жили на удачу. Занятїя ихъ совѳмѳ были не шаковы, каковы по большой части наши, по еспь, безъ побужденїя и предмета. Ихъ не смущали ни поперея времени, ни шягость сущеспрова-

нія. Богатство ихъ составляли единственно земля и руки. Они не знали бѣдственнаго искусства размножать нужды свои; излишество не было еще необходимостію. Справедливость была въ нихъ паче естественнымъ побужденіемъ, нежели добродѣтелию. Довольствуясь исполненіемъ нравственныхъ истинъ, они ни различаютъ, ни опредѣляютъ ихъ неспарались. Доброе дѣяніе находило славу свою въ самомъ себѣ; они искали блаженства своего единственно въ спокойной чистой совѣсти и во взаимной довѣренности, подкрѣпленной правдоушіемъ и искренностію.

Но съ того времени, какъ простотѣ, умеренности и врожденной предковъ нашихъ добродѣтели, наследовали правила чести и мудрованія; съ того времени, какъ спраспи повредили нравы, содѣлали скопскими души, одобрили лѣность, скрытность, пышность, своеволие всякаго рода: съ того времени, какъ корысть опняла всякую къ общему благу привязанность, и такъ сказать, ограничила каждого человѣка самимъ собою; когда кредитъ одержалъ верхъ надъ спра-

ведливостію, честполубіе надѣ добродѣтелию: съ того времени, какѣ любовь къ роскоши породила ненасыщную жадность; какѣ пункшѣ чести учинился идоломѣ, перебующимѣ кровавыхѣ жершѣ; какѣ полипика изгнала правопу, какѣ уже не дѣлашѣ не только шайны изѣ своихѣ ушѣ, но даже воздвигающѣ шрофеи изѣ разпусшѣ своихѣ; съ того, говорю, времени, ешеспвенный законѣ сдѣлался недоспапоченѣ; и для пылкихѣ и упорныхѣ характеровѣ потребовались гораздо сильнѣйшія обузданія.

Мы умноженію единшвенно порока обязаны учрежденіемѣ законовѣ. Дай Богѣ, чшобы нынѣ были мы одолжены силѣ и премудрости ихѣ за испребленіе безпорядковѣ, побудившихѣ къ усшановленію оныхѣ! Но изобрѣпенныя человѣческою злобою средства ко избѣжанію законовѣ умножающя по мѣрѣ налагаемаго ими принужденія: спрасши, какѣ бурный потокѣ, разрушили уже сіи оплошы, и скоро наводняшѣ по прежнему всю землю: кто можетѣ удержашѣ разлипіе онаго?

Нѣшѣ ничего истиннѣ, любезный Клеаншѣ, сказаннаго тобою о со-

вѣсти. Это есть споль же непо-
 врежденный, сколь и строгій законъ,
 и его ни ослабить, ни разрушить не
 возможно. Она живо заспавляетъ насъ
 чувствоватъ содѣянное нами зло, и
 упреки ея для насъ спраше самага
 зла. Она непреспанно предспавляетъ
 предъ очи наши тѣ самыя недоспа-
 шки, кои однимъ полько намъ извѣ-
 стны. Она успрашеетъ душегубцевъ,
 и еспыли не можетъ сдѣлатъ ихъ
 благоразумнѣйшими, по дѣлаетъ не-
 дашпнѣйшими. Однимъ словомъ, сія
 еспы тѣмъ паче жесточайшій судія,
 тѣмъ болѣе презирали его совѣшпы,
 тѣмъ просвѣщеннѣйшій, что знаетъ
 основаніе нашихъ душъ, тѣмъ вѣр-
 нѣйшій (правосуднѣйшій), что дѣлаетъ
 приговоры всегда на неоспоримыхъ и
 споль же очевидныхъ для насъ, какъ
 и для него самага доказательспвахъ.

Еспыли бы сдѣланы были законы
 ради вознагражденія добрыхъ дѣній,
 такъ какъ успановлены ради наказа-
 нія преспупленій, по безъ сомнѣнія,
 число добродѣшельныхъ, по влеченію
 къ обѣщаннымъ воздаяніямъ увеличи-
 лось бы, потому что число злыхъ
 людей не можетъ уменьшиться опре-

дѣленными, для нихъ спрोगими наказаніями. Вотъ что именно същемъ мы при размышленіи въ судилищѣ совѣсти: разврашныя наказывающся шаможестокими упреками за самыя шайныя преступленія, а добрые награждающся за наисокровеннѣйшія добродѣтели не токмо извѣщемъ отъ всякихъ раскаяній, но и ласкашельнымъ свидѣшльспвомъ, каковаго зависпъ повредитъ не можешъ; внутрешней прелестію, которую удобнѣ чувспвовашъ, нежели описывашъ; не ожидаемымъ обращеніемъ на себя прекрасной души, которая даже не желая знать себя, мыслишъ и наслаждаешся собою безъ всякаго другаго намѣренія, кромѣ того, чтошъ больше возбудитъ себя къ исполненію своихъ обязанностей. Столь ласкашельное удовольствіе не ешъ заблужденіе самолюбія, неизвѣстное добродѣтели. Все, что она (душа) ни думаешъ, ешъ, столь же истинно, праведено, честно, какъ и сама она.

Можешъ случитъся, что самое спрое и точное въ соблюденіи законовъ правосудіе обманешся; что осудитъ иногда невиннаго, или ослабитъ до

Часть 2.

К

пакой степени , что освободитъ злодѣяніе отъ наказанія; но приговоры совѣспи необманчивы и тогда, когда она руководствуется собственнымъ своимъ просвѣщеніемъ. Она безъ изслѣдованія , безъ обыска , безъ судопроизводства видитъ съ перваго взгляда все , что надобно ей осудить , или одобрить.

Отъ сего закона , начерпаннаго глубоко перстомъ самаго Бога во всѣхъ сердцахъ , происходишь другой, означающій, доколѣ проспирается наша вѣрность и повиновение къ тѣмъ, коихъ предпоставило Провидѣніе ради управления нашихъ нравовъ и поведенія.

Предметъ сихъ законовъ былъ пошъ, чтобъ образовать гражданъ, способныхъ учинить Государство щасливымъ и спокойнымъ. Извѣстно, что они имѣютъ большую силу въ рукахъ одного, нежели когдабъ наблюденіе ихъ вѣрено было всему народу, который вмѣнилъ бы себѣ въ преимущество онымъ не повиноваться, а отъ того произошло бы неминуемо злополучное разращеніе и бѣдственнае безначаліе. Въ Монархическомъ правленіи весьма можно бытъ щасливымъ, потому

что тамо все гнешся подъ закономъ; но въ Республиканскомъ каждый думаетъ повелѣвать, а никто не хочетъ повиноваться, и никто не можетъ наслаждаться тамо спокойствіемъ, или главнѣйшими благами въ жизни.

Климатъ много имѣетъ вліянія на дарованіе, характеръ и обычаи народовъ. Отъ различія ихъ чувствованій и предразсудковъ произошло и различіе правительствъ, извѣстныхъ намъ въ мірѣ. Однихъ содержитъ страхъ подъ деспотическою властію: другіе рѣшительнѣйшіе по натурѣ, не столь робкіе и ревнующіе по воспріятой ими отъ еспесства свободѣ, боясь совершеннаго подчиненія, и не столь удобны учиниться рабами, какъ гражданами. Честъ и собственная польза такъ сильно прилѣпляютъ ихъ къ своему отечеству, а благородная и просвѣщенная довѣренность такъ много заставляетъ ихъ почитать своего Государя, что не лзя различить, чѣмъ они наиболѣе трогаются (занимаются): опечесствомъ ли, коего преимуществва они раздѣляютъ, или Государемъ, на котораго возложено поддерживать славу и блаженство онаго.

К 2

Я не говорю, чѣобы всѣ Монархїи были въ семъ пунктѣ другъ другу подобны. Мнѣ поистинѣ одна только извѣстна, въ которой Государи столько же привязаны къ своимъ подданнымъ благоспїю, сколько подданные своею къ нимъ любовію; въ которой Государь весьма хорошо умѣетъ соединять свое могущество съ свободою народа, а народъ совершеннѣйшую любовь съ наипочтнѣйшимъ повиновеніемъ. Тако восхваляемъ былъ Императоръ Нерва за столь щастливое и рѣдкое согласіе: и Римляне его времени, похвалены были за то, что они послушаніемъ своимъ содѣлывали ему правительство удобнѣйшимъ и неопягопительнымъ: чего Тацитъ не могъ лучше выразить, какъ слѣдующими словами: *шастіе Имперіи.*

Между тѣмъ каждый родъ Правленія имѣетъ свои неудобства. Величайшее есть то, что нѣтъ такого Правленія, которое бы не измѣнялось и не оканчивалось. Сему закону все повинуется. Самыя обширныя прошедшихъ временъ Монархїи разрушены, а насъ оставило одно напоминаніе, что и онѣ, такъ же какъ и тѣ,

назначены будучи преищи, рано или поздно внидутъ въ бездну, въ копорой время все поглощаетъ, и гдѣ оно само должно будетъ нѣкогда поперяпья и поглотипья. Еспьяли было когда-либо такое Государство, копорое навсегда существовать долженствовало, безъ сомнѣнїя была по Римская Республика. Безпокойства и самые ея раздоры сообщали ей движеніе и жизнь; прекословія, жалобы, роппанія были въ ней нѣкопорымъ родомъ нужнаго всему тѣлу испаренія: подобно онымъ крѣпкимъ и плопнымъ дубамъ, копорые лишасъ своихъ вѣтвей чрезъ опсѣченіе, получающъ большую крѣпость и силу. Упраны, нещаспїя усугубляли ея пвердоспъ, умножали мужество; и она никогда не желала менѣе мира, какъ когда была нещасплива во брани. Однакожъ одинъ человекъ покорилъ ее; и основанная имъ Имперія, уравновѣщиваясь сама собою, и производя между людьми замѣщательства безъ пользы для нихъ, напоследокъ рушилась и ничего болѣе опъ нее не осталось, кромѣ обломковъ, плавающихъ въ пучинѣ времени для того, чпобы нѣкогда равной подвергнупья судьбинѣ. Мы

видимъ народы, кои прежде были свободны, теперь порабощенными подѣ иго самаго строгаго владычества; видимъ также и такіе, кои изъ глубины своего рабства жаждутъ славы другихъ народовъ. Пѣна морская носится по поверхности; какъ же не спрашивается того, чѣмъ она не возмутила пишины, или не умножила бури?

По чему, не взирая на самые мудрые законы, непоспоянство свойственно Государствамъ: они такъ, какъ и многія земныя вещи, довольно продолжались, когда малому измѣнѣнію были подвержены. Ничто не можетъ ихъ предохранить отъ насилія времени; а ежели и есть такія средства, то Провидѣніе предоставляетъ ихъ себѣ, и отъ насъ сокрываетъ.

Таково есть несчастное отвращеніе, или мятежное упорство людей противъ законовъ. Если бы они имѣли свободу дѣлать оныя сами, и въ семъ выборѣ слѣдовать своимъ склонностямъ и предразсудкамъ, то и тогда не пребыли бы имъ вѣрными; поль велико ихъ непоспоянство, поль сильную имѣютъ они склонность удаляться отъ всякаго рода правилъ и обязанно-

спей! Сія наклонность и непоспоянство споль вѣ нихъ примѣтны, что они погашають, и всѣми силами спаряются не признавать даже сего напурального-закона, сущаго во основаніи ихъ сердець, который лучше всякаго другаго можетъ показать имъ и справедливость, обязывающую ихъ исполнять правила, и прелести добродѣтели, ученію которой должны бы были они по разуму слѣдовать безпрекословно.

Удивительно, что во всѣхъ Государствахъ весьма почные, ясные и извѣстные законы имѣють нужду вѣ паябахъ, во множествѣ судей, спряпчихъ и другихъ людяхъ ради изслѣдованія, разбирапельства, обьясненія мало-важнѣйшихъ дѣлъ! Еспьли бы судебныя мѣста, произнося рѣшеніе споровъ паяжущихся, наказывали вѣ то же время, яко за уголовное пресупленіе, дерзнувшаго подкрѣплять худое дѣло противъ разума закона, и вѣ чаяннн обмануть судей, дабы получить желаемое рѣшеніе, то много ли бы паяжебъ было вѣ мнрѣ? Посредствомъ сего пали бы дорого спюющіе софизмы, шонкія обоюдности, бесполезныя формы, колкія и поспыдныя распри, мни-

мые оракулы, дающіе опѣты изъ корысти пѣмъ, кои ихъ вопрошаютъ, и кои во мрачномъ лѣсу комменарій и извясненій, по однимъ только именамъ извѣстныхъ, водятъ равнодушно во всѣ стороны ввѣрившихся имъ по слабости. Черезъ сіе сдѣлались бы законы больше уважаемы; понеже они о всѣхъ случаяхъ, могущихъ подать поводъ къ спорамъ, довольно ясно опредѣляютъ.

Ты, любезный Клеантъ, спрванное подаешь мнѣ понятіе о пѣхъ людяхъ, кои не могутъ даже себѣ вообразить, что такое есть добродѣтель. Не уже ли въ самомъ дѣлѣ существующъ такіе люди, которымъ она неизвѣстна? Я никогда ихъ не видывалъ; но въ мірѣ находящся таковыя, кои даютъ пороку видъ добродѣтели. Ежели имъ вѣришь, помстись за обиду, значитъ наказывашъ наглость; злословишь ближняго, есть исправлять его; нерадѣшь о исполненіи предписываемаго Религіею, есть избѣгать гордости и лицемѣрія; а пакихъ множество, кои воображаютъ, что они могутъ дѣлать зло подъ предлогомъ происпекающаго изъ него

блага: но какъ бы они ни закрывали порокъ, онъ подъ всякимъ цвѣтомъ будепъ всегда мерзокъ, а предающіеся ему уничиженны, когда предстанутъ глазамъ честнаго челоѵка. Одинъ только добродѣтельный не спрaшипся бытъ извѣстенъ; онъ показывается безъ припворства и открывaется безъ замѣшательства.

XXI.

Общества.

Извѣстно, любезный другъ, что челоѵкъ созданъ для общества; но при томъ неравно извѣстно, составляепъ ли общество челоѵческое благополучіе. Мы всегда хопимъ найпш въ оноѵ вдругъ разумъ, вкусъ, живость, снисхожденіе, учпвость, а нѣтъ ничего прудѣе, какъ соединить оное вмѣстѣ. Большая часть сихъ качествъ другъ друга исключаютъ; и кто хочепъ ихъ собрать, томъ, по сказанію Виргилія, *желаетъ возрaститъ вмѣстѣ виноградную лозу и орѣшникъ.*

Есть разумные люди не имѣющіе вкуса, и есть люди со вкусомъ,

не имѣющіе разума; люди пылкіе безвкусна, снисходительные безвжостности, учтивые чужды чувствованія и бездушные. Разумные обыкновенно бывают тщеславны и язвительны, люди совкусомъ слишкомъ разборчивы, пылкіе безразсудны, снисходительные очень оспорожны и робки, а учтивые церемонны.

Отъ сего происходитъ, что тѣмъ обществомъ пріятны, гдѣ существуютъ одинакія склонности; добродѣтели или недослѣдствія, одинакія чувствованія и близкіе характеры, одинакія дарованія, изъ которыхъ ни одно не старается оплечить себя.

Я однакожъ не говорю, чтобъ они не требовали часомъ даже противной разнообразности. Въ напурѣ самая величайшая пріятность есть разнообразность, а въ обществахъ противоположность чувствованій и понятій: но сія противоположность должна быть паче изліяніе дружбы, нежели сраженіе знанія и разума. Она должна показываться, безвхвастовства, служить новымъ къ угожденію средствомъ, и вмѣсто раздѣленія сердецъ, тѣсно ихъ соединять наподобіе

біе зефира, копорый легкимъ дунове-
ніемъ переплетаєть цвѣты, дабы
пѣмъ пріятнѣйшимъ учинилъ смѣше-
шеніе оныхъ.

Самое пріятное общєство дол-
женствовало быть супружеское, въ
копороє сама Религія впечатлѣваетъ
свое свойство, для содѣланія узъ
крѣпчайшими и щасливѣйшими: но
нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ ви-
дѣть такіхъ людей, кои безъ соеди-
ненія не могли жить, но по соедине-
ніи очень скоро пренебрегаютъ, забы-
ваютъ, ненавидятъ другъ друга. Сіє
явленіе удивляетъ нынѣ не болѣе, какъ
и зрѣніе двухъ любящихся, копорые
съ одной стороны умбютъ привлекають
къ себѣ, а съ другой удаляютъ отъ
себя.

Сія взаимная мѣна приписывается
различности характеровъ, копорые
не созданы будучи другъ для друга, не
могутъ себѣ не прекословить: но ха-
рактеры не такъ часпо, какъ мы
думаемъ, бывають противоположны,
или лучше сказать, мужчины и жен-
щины не имбютъ нынѣ собственнаго
характера, а имбютъ всѣ вмѣстѣ,
дабы въ случаѣ нужды могли, и госпо-

вы были всегда оный перемѣняшь. Хладныя и легкомысленныя души ни къ чему не прилѣпляются и дѣлаются всемѣ, чѣмѣ захопятся.

Одна изъ самыхъ сильнѣйшихъ причинъ опвращенія въ супружескихъ есть та, что удовольствіе отъ обладанія никогда почти не соотвѣтствуетъ сильному желанію. Когда о блаженствѣ еще воздыхаютъ, надежда возбуждается неизвѣстностію успѣха; но сколь скоро онымъ возобладаютъ, преодолѣнные препятствія позабываются; понеже бываютъ увѣрены, что можно бы всегда оныя побѣдить. Точка зрѣнія становится уже не та; что видѣли только въ перспективѣ, то при непримѣтномъ обладаніи теряютъ свои пріятности, каковыя придавались оному великою отдаленностію. Удовольствованное желаніе останавливаетъ дѣятельность души, желающей всегда быть побуждаемою: и послѣднее занятіе, или желаніе, дѣлается ее ко всѣмъ предшествовавшимъ равнодушною.

Я могу къ сей причинѣ безъ сомнѣнія присовокупить другую правдоподобнѣйшую прочихъ, а именно раз-

вращеніе нравовѣ вѣка сего , въ копоромѣ почипаешся великостію бытъ порочнымѣ безѣ успыдѣнія ; въ копоромѣ супруги , взаимно разпупные , не спараюшся прикрываѣ своихѣ спранностей и пороковѣ ; въ копоромѣ , не смотря на свои обязательства , сердца ихѣ перемѣняюшся и разспаюшся по своей волѣ ; въ копоромѣ мужа не почипаюшѣ себя обезчещенными слабостію женѣ , ни жены любовными сплешнями , называемыми опѣ нихѣ *распорядкомѣ* ; въ копоромѣ на послѣдокѣ бракѣ соспавляя обѣщѣ любви , всегда почи , и не ложно , опѣемлеѣ право нрависься . Должно ли же удивляшся , что бракѣ во дни наши содѣлался несомнительнымѣ источникомѣ опвращенія , холодноспи и ненависти , и что онѣ изѣ всѣхѣ обществѣ есть самое несогласное ?

Согласіе , споль рѣдкое въ бракахѣ , едва ли не таково же и въ семействахѣ . По моему мнѣнію , ошибаюшся тѣ , кои думаютѣ , что кровь (родство) долженствуетѣ образоваѣ въ оныхѣ сходство склонностей , сообразность нравовѣ , сокровенную симпатію . Опытѣ доказываетѣ намѣ , что ро-

дипельская любовь къ дѣтямъ и дѣтская къ опцамъ происходитъ въ первыхъ отъ удовольствія видѣть нѣкопорымъ образомъ вторичное произведение и продолженіе своего существа, и желаніе исхипить отъ смерти нѣкопорую онаго часпъ: а во вторыхъ она есть не иное что, какъ чувство признапельности къ пѣмъ, коимъ они обязаны жизни, или паче дѣйствіе первоначальнаго поспановленія души, направленной воспитаніемъ къ любовному воспріятію ласкъ и вниманій, съ благоспію изъявляемыхъ. Кровь ни малѣшаго не соспавляетъ въ семейспвахъ союза, и опнюдь не можетъ препяпспвоватъ водворяпсья въ оныхъ раздору. Мы часпо примѣчаемъ въ нихъ опвращеніе и ненависть, коимъ бы надлежало быпъ изъ оныхъ изгнаннымъ; но они обыкновенно бывають гораздо сильнѣе между кровными, нежели между поспоронними людьми.

Я уже сказалъ, что опцовъ прилѣпляетъ къ дѣтямъ мысль ожипъ паки въ попомспвъ, которое, пакъ сказапъ, ихъ продолжаетъ и препяпспвуетъ имъ умерепъ совершенно.

Таковая мысль въ однихъ сильнѣе, нежели въ другихъ; однакожъ естъ пакіе опцы, коихъ мысль сія не только не ласкаетъ, но еще огорчаетъ. Они взираютъ на своихъ дѣтей, какъ на наследниковъ, копорымъ они скоро должны оставитъ и мѣсто и имущество, почему и не преспаютъ распочасть оное предъ ихъ глазами до тѣхъ поръ, пока ничего не останешся. Скажемъ при томъ, что находясь споль неперпѣливые дѣти, кои хотятъ пережить своихъ родителей; и въ семъ случаѣ желали бы ускоритъ ихъ кончиною. Сіи гореспныя чувспвованія совсѣмъ не означають пои силы крови, какую нѣкопорые люди себѣ воображаютъ. А ежели бы предполагемое ими было истинно, то дѣти должны бы имѣть одинакія нравы и склонности съ тѣми, отъ коихъ они рождены; однакожъ нигдѣ и никогда почти больше различія не бываетъ, какъ между братьями. На сіе не надобно другаго доказательства, кромѣ взаимнаго ихъ другъ къ другу опвращенія, когда они пожираемы будучи тайною завистію, спорятъ съ великимъ жаромъ о преимуществахъ ца-

спія, и часто о такихъ, кои неравно раздѣлены имъ отъ природы. Они весьма не похожи на пѣхъ двухъ братьевъ, о коихъ упоминаетъ Горацій, и изъ которыхъ одинъ былъ Орапоръ, другій Юриспрудентъ, и которые взаимно другъ друга восхваляли. *Ты Трахъ*, говорилъ Юриспрудентъ: *а ты истинный Муцій*, говорилъ Орапоръ.

Я привожу себѣ на память сіи общенародныя собранія, гдѣ взаимно называютъ себя братьями, и гдѣ въ самомъ дѣлѣ царствуетъ совершенное равенство. Можно бы сказать, что каждый онаго членъ занимается блаженствомъ и славою своего опечесства, и что всѣ они кажутся оживленными однимъ духомъ. Однакожъ, что мы тамъ видимъ? Частная польза заглушаетъ привязанность къ общему благу: разливаются заговоры, вмѣшивается гнѣвъ, и кровь гражданина подвергается опасности быть пролиною отъ гражданина же. Гдѣ люди ни собираются, вездѣ пресѣдуетъ ихъ несогласіе, и возсѣдитъ посредѣ ихъ. Меньше, или больше прикровенное вспрѣчается оно даже въ собраніяхъ большаго свѣща, сославляемыхъ

праздноспію и скукою , и гдѣ наиболѣе хвалящся чеспностію , снисходженіемъ и учпивостію. Однакожъ мнѣ извѣсно, что здравый смыслъ едва можетъ само дышать; что пустяки, или мѣлочи соспавляютъ душу сего собранія, и что нѣтъ ничего похожѣ на лиспья Сивиллиной пещеры, вѣтромъ возвѣваемой, какъ дневныя бездѣлки, коими вѣ нихъ занимающся, и кои на другой день забывающъ. Знаю, что тамъ больше всего оплпчается блиспательный нарядъ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ существъ, копорыхъ все достоинство соспавляетъ предубѣжденіе женщинъ, и кои обратились бы вѣ ничто; еспли бы преспали бытъ безразсудными и верспопрашными. Сіи бесѣды, кажущся всегда ценпромъ вѣжливости и знанія жиптъ; но можно увѣрипья, что и тамъ также царспвуетъ несогласіе. Извпяляемая вѣ оныхъ чувспвованія всегда ли такovy, каковыми они бытъ долженспвовали, п. е. гласомъ напуры, выраженіемъ и языкомъ сердца? Не пронпцаетъ ли непреспанно вѣ оныя гордосптъ сквозъ самыя проспныя прелеспты и предупреждающія

Часть 2. Л

посупки ? Не присуствуетъ ли злоязычіе ? Ненависть , разрывы и раздѣленія не суть ли само необходимымъ слѣдствіемъ злословія , мнящаго похитить честь у гордоспи , желающей взять первенство у достоинства ?

Правда , что въ сихъ собраніяхъ , почипающихся весьма очисченными опъ всякаго порока , подается случай ко вспуленію въ дружескія связи , часто полезныя и почешныя совокупно ; но сіи дружества опзываются пою спраною , въ которой они соспавлены . Они опправляютъ только перемѣнными забавами , а не чувствованіями , порговлю корыспи и самолюбія , а припомъ ничего инаго не пребуяшъ , кромѣ наружнаго снисхожденія , искусствва одобряшъ въ другихъ неблагоприсстойность нравовъ и извъявляшъ одну шокмо уклончивую и вѣжливую добродѣтель .

Въ такихъ же обществвахъ , гдѣ первенствуюшъ и хопяшъ царствовать самовласно женщины , гораздо удобнѣ породить любовь , нежели дружбу . Любовь есть чадо лѣности и праздноспи , и нѣшъ ни одной жен-

щины, которая бы оную внуша, сама ее не обнаружила. Но дружба, дочь различенія, не предполагаетъ въ нихъ сколько прелестей, сколько они находятъ оныхъ въ себѣ самихъ. Почему они тогда только хопящъ ей поклоняшсь, когда разрушенный жертвенникъ любви не позволяетъ уже имъ болѣе надѣяться другаго куренія. Между инѣмъ, какова бы ни была любовь, но и она не всегда извѣща опѣ печалей и безпокойствъ, и обыкновенно оканчивается (ибо въ семъ мѣрѣ все оканчивается) жалобами, ссорами, распрями. Ежели она сильна, то бываетъ ревнива. Какое наказаніе почипать себя всегда не довольно любимымъ, и однакожъ всегда любить, не смотря на свою недовѣренность! Видѣть, что очаровательная улыбка предлагаетъ безпреспанную надежду понравиться, и въ то же время ее опнимаешь, и не умѣешь иначе приобрѣсть сердца, какъ такими средствами, кои преляшспивующъ оному здашсь. Ежели же любовь спокойна и не сильна, то спановится легкомысленною, непостоянною, и больше оспорожною, нежели нѣжною; она не прельспитъ спарасп-

ся, но имѣетъ нужду въ убѣжденіи. Она спокойно ожидаетъ блаженства, желаніями ея предвареннаго. Мѣшаетъ привычку съ постоянствомъ; и не хощя разрѣшитъ вдругъ узъ своихъ, развязываетъ ихъ одинъ за однимъ, и наконецъ угасаетъ, хощя бы то было изъ одного спыда, что не умѣетъ болѣе припворяться. И такъ повѣримъ опыту многихъ вѣковъ, что любовь, кошорую хотѣлось намъ образити въ добродѣтель, есть не что иное, какъ слабость, бредъ, лихорадка разума, спрасть, и изъ всѣхъ спрастей болѣе всѣхъ причиняющая вреда въ обществѣхъ. Она столько же перзаетъ, сколько соединяетъ сердца, и, по несчастію, одно только непостоянство можетъ ее урочевать. Она перемѣняетъ предметы не ослабѣвая, и почти всегда умираетъ въ одномъ мѣстѣ для того, что въ другомъ возродиться.

Но больше ли находимъ мы единства и согласія въ тѣхъ обществахъ, куда любовь не проникаетъ? Проникнемъ въ сіи священныя убѣжища, въ коихъ мірскіе чловѣки думаютъ укрыться отъ несчастій, заботъ и попе-

ченій жишейскихъ, для наслажденія спокойствіемъ: правда, что они не должны спововали бы ничѣмъ занимать ся само, кромѣ единственнаго предмета, то есть общанія и чаянія вѣчнаго блаженства: но что обыкновенно мы само видимъ? Человѣковъ, осужденныхъ, наподобіе прочихъ, плашпшь дань челоѣчеству просшупками и слабостями: воображеніе ихъ не менѣе живо, хопя прохлаждаепся въ пѣни и опдаленіи отъ предметовъ: они налота на себя шяжкіе узы по гордостп, больше ихъ влачатъ, нежели носятъ: они поставили на степень добродѣтелей предразсудки, обычаи на мѣсто нравовъ, припворство на мѣсто благопрпстойности; я не опважусь сказаць на мѣсто самаго благочестія: сердце ихъ, увядшее отъ припужденія, удобно опверзаепся дружеству, но еще удобнѣе зависп, осужденію, ненавистп : наконецъ челоѣковъ познающихъ себя токмо по одеждѣ, и касающихся другъ друга одною наружностію. Не станемъ же входпшь въ вящшую подробности о обществѣ, которое въ совокупности заслуживаетъ уваженіе, и не возгласимъ съ

Ювеналомъ: *Кто можетъ терпѣливо снести Траховъ, жалующихся на возмущеніе?* Глубина моря пребываетъ пичою и спокойною, хопя вѣпры, воздымающіе волны, по видимому, возмуцаютъ всѣ его бездны.

Размышляя о человѣкахъ вообще, и видя, что ни одинъ изъ нихъ несогласенъ съ собою самимъ, по причинѣ перемѣнчивыхъ своихъ склонностей, непостояннаго нрава, превратности своихъ мыслей, а всѣ совокупно по различію характеровъ, должно ли удивляться, что общежительство не достигло еще къ чувствованію и разуму управляемыми дружбою, подкрѣпляемыми довѣренностію; и что напрошивъ подвержены будучи всегда припязаніямъ, соперничеству, недовѣренности, пылкости самыхъ жестокихъ спрасей, они подобны метеорамъ, копорые двигаясь въ пространствѣ воздуха на удачу, готовы всегда при малѣйшемъ движеніи вѣпра воспламенились?

Однакожъ человѣкъ, по своей натурѣ, есть одно только общежительное живошное. Ежели бы онъ не былъ паковымъ по побужденію, то привели бы его къ тому нужды. Оспавленный

себѣ самому, былъ бы онъ поистиннѣ безъ совмѣспниковъ и безъ помощи, и вся вселенная была бы для него ничто; понеже онъ можетъ оною пользоваться единспвенно въ обществѣ другихъ чловѣковъ, и съ нѣкоторымъ договоромъ, приводящимъ его въ безопасность отъ закона сильнѣйшаго, или что то же самое есть, отъ закона хипрѣйшаго. Впрочемъ наши, души также какъ и тѣла, преспали бы существовать, если бы въ увлекающемъ оня вихрѣ и при побужденіи отъ другихъ тѣлъ не получали они столько движенія, сколько тѣ имъ сообщаютъ. Душа не можетъ жить безъ непрспаннаго движенія; слѣдовательно попребны другія души, копорья бы ее попрясали, побуждали, упѣшали, разсѣвали. Она, выходя тогда изъ себя самой, веселился. Въспото того, что будучи одна при собспвенныхъ своихъ мысляхъ, спнуетъ, ослабѣваетъ, помрачается и не знаетъ, не грезили ли паче она, нежели мыслили. Правда, что тогда самыя сильныя спраспи съ нею засыпаютъ; но онъ тогда-то и спановяпся опаснѣйшими, когда почиаемъ ихъ усыпленными.

Да и можно ли быть щаспливымъ, когда ихъ не чувствуешь? — Корабль не много подается впередъ во время пишины; его не въпры попопляюпъ, но причиною тому недостапочное вниманіе кормчаго, который имъ предается, и не умбепъ ими пользоваться.

Неоспоримо, что взаимныя нужды составили общество, что пріятностей и выгодъ онаго ничто не разрушаепъ, кромъ ненавистнѣйшей склонности самолюбія нашихъ сердецъ, которое все хочепъ привлечь къ себѣ, и ничего не уступитъ изъ того, что только можетъ его ласкать, или удовольствовашъ.

Отъ сего не извѣны и пѣ, кои почитаюпъ себя щаспливыми, не живя, пакъ сказать, но паскаясь отъ празности изъ одной бесѣды въ другую, и не имѣя другаго средства забыть себя, движупся безъ предмета. Припворяясь не имѣпъ ни характера, ни нрава, они по необходимости принимаютъ нравъ и характеръ другихъ, все одобряюпъ и ничего не осуждаютъ; однакожъ стараюпся проникнуть пайности, дабы почли ихъ способными

къ сохраненію оныхъ: дѣлаются услужливыми, чтобъ сдѣлаться надобными; и ища единственно того, чтобъ подозрѣвали о ихъ существованіи, больше мѣшаютъ, нежели услуживаютъ пѣмъ, коихъ дружбою и уваженіемъ хвалятся.

Я знаю одинъ полкъ сорпъ людей, общество которыхъ дѣлается любезнымъ. Это суть люди опъ природы добродѣтельные, имѣющіе кропкій нравъ, благопворное сердце, свободно извясняющіеся уста, неприпворную физиогномію, чувство и искренность. Они, будучи спроги безъ человѣконенавидѣнія, снисходительны безъ низоспи, живы безъ вспылчивоспи, стараются не сполько блиспасть своимъ разумомъ, сколько раскрывасть въ другихъ, подобно легкому дуновенію, шощъ разумъ, который подозрѣваютъ они сокрытымъ въ слабыхъ искрахъ. Они никогда не хвалятся и не осуждаютъ по предубѣжденію и свое нравію; не говорятъ по одному полъко желанію говорить; совѣпы, испоргаемые у нихъ довѣренностію и искренностію, украшаютъ всѣми пріятностіями скромности; они спокойнымъ

и присвоительнымъ пономѣмъ укрощающимъ вредную болтливость пѣхъ мнимыхъ оспроумцевъ, пѣхъ необузданныхъ порока провозвѣспниковъ, копорыхъ безстыдство приводитъ въ краску, не смотря на самыя прелести, коими разговоры ихъ сопровождаются. На послѣдокъ они перпяты злыхъ въ надеждѣ сдѣлать ихъ лучшими, такъ какъ солнце освѣщаетъ нечистое благо безъ оскверненія лучей своихъ. Часпо ихъ одинъ примѣръ бываетъ достапоченъ къ обузданію развращенныхъ нравовъ. Они сносятъ пѣ слабости, коихъ исправишь не въ состояніи, и никогда безъ причины и несправедливо никого не оскорбляютъ.

XXII.

Пороки и добродѣтели.

Я удивляюсь, Клеантъ, что тебѣ спраннымъ представляется мнѣніе пѣхъ, которые не различаютъ пороковъ отъ добродѣтелей, и видятъ сходство между двумя вещами, кои кажутся тебѣ поль противоположны. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, система ихъ

въ одномъ смыслѣ не столь удаленною представляется; и такъ позволю предположить себѣ тѣ причины, кои заспаваютъ меня такъ мыслишь, и кои одакрѣвлю подвергаю своему просвѣщенію.

Человѣкъ въ рожденіи своемъ приноситъ ростокъ (сѣмя) добродѣтелей и пороковъ, и въ началѣ равную къ тѣмъ и другимъ склонность. Можетъ быть склонность къ злу гораздо въ насъ сильнѣе. Воля слѣпа; она можетъ не познавать добра, которое любишь долженствуетъ, и дѣлать насъ иногда пресупниками чрезъ тѣ же самыя добродѣтели. Мнѣ кажется весьма по подлиннымъ, что мы одинакое имѣемъ къ добру и злу расположеніе, потому что имѣемъ равную свободу избирать то и другое. Одинъ созрѣвающій съ лѣтами разсудокъ, при помощи воспитанія, особливо же просвѣщенный Религіею, развертываетъ въ насъ сіи проотивныя склонности, и показываетъ намъ различіе оныхъ.

Мнѣніе мое еще новымъ подкрѣпляется доказательствомъ. Предположимъ человека, рожденнаго въ пу-

спынѣ и тамо всю жизнь свою провождающаго. Сей чловѣкъ въ состояніи ли различать пороки отъ добродѣтели, и не станеть ли онъ предаваться равно тому и другому? Предаваясь же имъ, онъ будетъ слѣдовать единственно движеніямъ естества, и сдѣлается, безъ сомнѣнія, добродѣтельнымъ безъ намѣренія и заслуги, а порочнымъ безъ преступленія и раскаянія; предоставленный самому себѣ, онъ не можетъ различать ни добродѣтели, ни порока. Изъ чего заключаю, что понятія объ оныхъ сущь врожденны въ нашихъ умахъ.

Божественная благодать дѣйствительно предоставила всѣмъ чловѣкамъ избраніе спасенія, или гибели своей; можетъ ли же она опказать имъ въ равномъ къ добру и злу разположеніи, и даровать безъ разбора меньшую или большую склонность къ одному, нежели къ другому? Предположите, думаю, что какое бы ни предсказывали мы себѣ разспояніе между сими вещами, но они сближаются въ чловѣческомъ сердцѣ, и что оны, прежде нежели возбудятся въ немъ разсудокъ, подобны бывающъ минералу, содержа-

щему въ себѣ въ одно время и золопо и камень. Печальное натурою производимое смѣшеніе, котораго никогда не лзя было очиспить одними ея силами! Надъ сею безобразною массою надобно работашъ искусству, а разсудку нашему натурѣ помогашъ, и исправляшъ въ насъ недоспапки перво-бышнаго нашего составленія. Сіе самое предполагалъ и Горацій, увѣщавая къ прилѣжному разсмаприванію себя самаго, сказалъ: *Маконецъ познай самаго себя, не обладалъ ли тобою, не дѣйствовалъ ли въ тебѣ нѣкогда сильно какой нибудь порокъ, и прот.*

Послѣ правилъ Религіи ничто такъ неудобно насъ научить различенію пороковъ и добродѣтелей, какъ премудрость и человѣческое благоразуміе. Если бы люди обращали всегда нѣкоторое вниманіе на себя самихъ, то казались бы непреспанно въ одномъ положеніи. Будучи съ одной стороны хороши, или по крайней мѣрѣ сносны, съ другой часто весьма безобразны: вотъ почная напура. Одинъ человѣкъ бываетъ мужеспвенъ, но въ поже самое время лѣнивъ, гнѣвливъ, неумолимъ, жеспокъ. Вотъ новый Ахил-

лесъ. Другой спяжаваетъ славу въ мирномъ состоянїи, но спановится несносенъ безмѣрнымъ высокоумїемъ и презрѣнїемъ къ пѣмъ, кои пропекая одно съ нимъ поприще, не могутъ доспичь къ тому, къ чему онъ по щастїю достигнулъ. Сей спяжалъ науку, но преисполненъ будучи суетности, не можетъ насыпиться ни заслужеными хвалами, ни доставляемыми ему слѣпымъ предубѣжденїемъ, и которыхъ онъ не заслуживаетъ. Тотъ имѣетъ разумъ, но душу низкую и презрѣнїя достойную. Даже въ самыхъ совершенныхъ душахъ поревнованїе перерождается въ зависть, доброта сердца въ слабость, спокойствїе въ лѣность, швердосць въ упорство.

Сколько находится честныхъ людей, копорые, какъ бы нѣкія произведенїя художества, имѣютъ только частныя красоты, а не могутъ нравиться въ совокупности! Они и сами, можетъ быть, не примѣчаютъ своихъ недостатковъ: шoliko-шо трудно бываетъ различать оныя недостатки съ главнѣйшимъ ихъ достоинствомъ; можетъ спашься они и знаютъ ихъ, но взира-

юшѣ на нихъ, яко на участокъ себя самихъ, или какъ на желѣзо, которое нужно оставлять въ рани, дабы, испортив его, не лишишь жизни уязвленнаго.

Супъ и пакіе, кои хуже еще поступаютъ. Они безобразяшъ свои добродѣтели, повреждаютъ побудительныя оныхъ причины, и лишаютъ ихъ достоинства. *Они, говоришъ Гораций, находятъ удовольствіе оскаривать весьма тистый сосудъ.*

Не взирая на украшенную и спрогую наружность, усматривается, чувствуется и ощущается пронзающая ихъ гордость. Они кажутся поставленными на алтарь и ожидающими жертвъ, яко воздаянія за приемлемый ими на себя шрудъ, дабы не уподобляться прочимъ смертнымъ человекамъ.

Какъ бы то ни было, но никто изъ насъ не можетъ быть совершеннымъ. Въ семъ мірѣ нуженъ самый порокъ, дабы чрезъ то болѣе просіявала добродѣтель. Не нужны ли пѣни для умноженія блеска цвѣтовъ? а для содѣланія побѣды блистательнѣйшею и ласкательнѣйшею мужество и сопрошивленіе въ непріятель?

Но при обрабатываніи напурь, какимъ образомъ разумъ можетъ распутать сіе спранные смѣшеніе величія и слабости, сіи просвѣщающіе насъ небесныя лучи, сіи злополучныя пѣни, кои приводятъ насъ въ заблужденіе? Разумъ, безпрекословно есть наидрагоценнѣйшій даръ, каковымъ могла награждать насъ натура. Онъ есть самое понятіе добра и зла; но всегда ли онъ вѣрнымъ бываетъ исполковашелемъ? Порокъ и добродѣтель не перяютъ ли чегонибудь подъ его кистію изъ натуральнаго своего цвѣта? И во всякомъ ли случаѣ можемъ мы судить здраво по пѣмъ чертамъ, копорыя онъ представляетъ?

Признаюсь, что надобно имѣть весьма развратное свойство, чтобъ не гнушаться воровствомъ, обидою, измѣною, убійствомъ, вѣроломствомъ; но есть такія пресупленія; или, буде угодно, протупы въ поступкахъ неравности споль изукрашенныя, что ихъ и познать невозможно. Есть и такія, копорымъ удовольствіе придаетъ споль улыбающееся чело, споль любезный видъ, что мы почитаемъ ихъ невинными, и едва самъ разумъ не

одобряетъ ихъ. Большая часть слабостей переменены нынѣ въ силу разума. Скупость называется мудрою экономією, честолюбіе благоприсойностию соспоянія, обманъ благоразуміемъ, гнѣвъ пылкостию (живостию), надмѣнность величіемъ души, худыя примѣры законами; и мы воображаемъ, что принимаемъ не одобряемое здравымъ смысломъ, естъ посмѣиваясь себя превыше предразсудковъ глупаго народа, И такъ посредствомъ нашихъ и натуральныхъ недостатковъ, добрыя и худыя склонности переиначены въ нашихъ сердцахъ, и мы чувствуя очень слабо влеченіе добродѣтели, повергаемся слѣпо въ сѣпи порока.

Нещастіе человѣческое естъ таково, что дабы здѣлаться прямо добродѣтельнымъ, необходимо кажется не всегда быть таковымъ. Знаю, что древніе Скифы превозносили были за незнаніе пороковъ, и прежде нежели ихъ узнали, думали, что они несравненно мудрѣ Грековъ, у коихъ весьма мало было не примѣрныхъ пороковъ, укрощаемыхъ отъ нихъ суровыми законами. Таково было мнѣніе Юстина, недавно возобновленное: но

Часть 2. М

сіи народы, столь сильно Квинтомъ Курціемъ восхваляемые, были подобныя намъ челоѡвки, и слѡдовательно носили въ сердцахъ своихъ иже опростки добра и зла, каковыя мы получили опъ напуры. Какъ же можно было имѡтъ имъ столь крошкіе, столь порядочныя нравы?— Чело ихъ опъ нихъ же ли самихъ спыдипсья научилось? Не ужели варварство служило основаніемъ мудрости и добродѡтели? Могло ли оно, въ опдѡленныхъ и едва извѡспныхъ другъ другу челоѡкахъ, произвѡсть то, чего самое очищенное Апшичество въ то же время не могло ввести въ народъ вообще самый вѡжливый?

Я никогда не сомнѡвался, что въ испорціи не было безчестящихъ оную романоѡ; однакожъ хочу думать, что упоминаемыя скифы имѡли предполагаемую въ нихъ правоту и добродушіе. Естественнo, что въ бѡдномъ и обнаженномъ народѡ должна бытъ такъ же нагая и добродѡтель. Что можно щадить и въ чемъ припворствѡвать, когда при чрезмѡрной бѡдности ииіи причины опасаться сдѡлапсья еще бѡднѡе и несчастнѡе? Но искренность,

смѣлость, швердосць, не составляютъ еще всѣхъ достоинствъ человека. Для чего не повѣсповали намъ въ то же время о ужасныхъ порокахъ сихъ дикарей, о ихъ распущенствахъ, низостяхъ и жестокостяхъ?

Вотъ о чемъ равномерно не хотѣлъ помыслить преизящный умъ своего вѣка, извѣявшій себя оболыщеннымъ образомъ жизни ихъ и дѣйствования, и присвоившій имъ великую мудрость и добродѣтель. Подобая живописцу, вознамѣрившемуся представить въ сельской перспективѣ возраждающуюся напуру при началѣ прекраснаго дня, испочники, цвѣты, Дианниныхъ Нимфъ, обезоруживающихъ спящихъ еще Циперскихъ боговъ, онъ спарался только начертать Горизонтъ, туманы и пары; сей мужъ во всѣхъ почти своихъ картинахъ призиравъ выгодныя мѣстоположенія, благо учрежденною Европою ему представляемыя и изобразилъ намъ одни токмо мечпы и призраки своего воображенія.

Естьли бы онъ, по образу дикихъ людей, вздумалъ пренести къ нимъ свое жилище, то могъ ли бы, столь же ненаказанно, какъ въ нѣдрахъ на-

шихъ городовъ, принявъ сей повелительный и язвительный поносъ, съ каковымъ оуждалъ онъ наши искусства, науки, удовольствія, забавы и самую Религію? За его оскорбленіе мы воздали ему похвалами; но чего могъ онъ ожидать отъ толпы, всегда почти обрызганной кровію, и соснавливающей профети чаще изъ волосъ своихъ собратій, нежели непріятельскихъ?

Проси мнѣ, Клеантъ, сію запальчивость пропиву оспроумца, гораздо опаснѣйшаго, нежели какъ думаютъ, и который находясь между нами подъ защитою музъ, ихъ оскорбляетъ; который для погашенія сомнѣній, усугубляетъ неизвѣстности; для разрушенія предразсудковъ искореняетъ добродѣтели; для наученія челоуковъ ихъ оподляетъ и унижаетъ; который въ нѣдрахъ самой низкой посредственности, подъ видомъ боязни самовластиа, хочетъ привести къ совершенному равенству степени, достоинства, мощи и избытокъ; и который наконецъ, яко новый Анпей, при всякомъ на землю поверженіи, спановится сильнѣйшимъ. Я весьма удивляюсь высокости, силъ, пространству, жару, легкости такого

оопреумца; но желалъ бы, чпобъ каждый опнесся къ нему съ слѣдующими Гораціевыми словами, написанными опъ него къ одному изъ своихъ друзей: „ ты имѣешь не обыкновенныя дарованія, но для того лучшаго не дѣлаешь изъ нихъ употребленія? Къ какой бы не достигъ ты степени достоинства и славы, встли бы отверзъ свое сердце истинной мудрости, которая одна (кпо бы мы ни были, малые или великіе) можетъ содѣлать насъ столь же счастливыми, сколь лобезными и драгоцѣнными отечеству?

Но спремьясь за Женевскимъ гражданиномъ, копораго наспавишь на испинный пупъ я не дерзаю, и опъ копораго, какъ опъ единожды опверашаго между нами. Везувія, спрашусь новаго и гораздо опаснѣйшаго изверженія, примѣчаю, чщо я весьма удалился опъ моего предмета. Сіе, можетъ быть, не первое уже мое удаленіе съ шого времени, какъ я размышляю о порокахъ и добродѣтеляхъ. Плачевное ихъ сходство вмѣшиваешь, кажется мнѣ, въ пняпія мои безпорядкъ, и мнѣ сполько же спрудно разобрать ихъ въ умѣ моемъ, какъ и въ сердцѣ, въ

копоромъ не легко хорошенько различить ихъ безъ смѣшенія.

Я сказалъ, что каждый человекъ отъ рожденія своего носитъ роспки оныхъ въ своемъ сердцѣ. Сія оцупительная истина имѣетъ нужду въ нѣкоторыхъ шокмо примѣрахъ. Я привелъ шакіе, кои какъ весьма общіе не споль оцупительны, а чрезъ шо самое и поспыднѣе для человекшества. Я присовокупилъ, что разсудокъ могъ показашъ намъ различіе оныхъ, но что нѣтъ ничего шруднѣе сего для самаго просвѣщеннаго разума; понеже міръ смѣсію блага и зла шолько и сущесшвуетъ, и что въ немъ уважаютъ одно по прошивоположності сѣ другимъ: понеже сія самая прошивоположностъ споль мало ошличаешся, что едва ее примѣчаютъ, и напоследокъ, шшобъ познать лучше цѣну добродѣтели, полезнѣе иногда не знать поражающихъ оную пороковъ. Сіе самое поняшіе побудило меня изслѣдовать, что древніе Скифы, по подобному незнанію, были ли бы умѣреннѣе и мудрѣе, нежели безъ онаго, и Жанъ Жакъ Руссо имѣлъ ли причину желашъ,

чпобѣ нынѣ всѣ люди имѣ уподоблялись?

Теперь оспается мнѣ приняпья паки за мое предложеніе, и показашь, что тѣ шокмо супь основательно добродѣпельны, кошорые лучше наспавлены вѣ помѣ, что могло бы препяпспвовашь имѣ быпья шаковыми. Еспья добродѣпель соспоипѣ *въ уклоненіи отъ порока*, по можемѣ ли мы не познавѣ его, уклонипья отъ онаго? Преимущеспво даешь только погда, когда мы сильно убѣждаемь о малоцѣнности пого, чего не предпочипаемѣ. Ничпо шакѣ не умножаешь силѣ души, ничпо шакимѣ жаромѣ ее не воспламеняешь, какѣ находимая ею пропиположность вѣ помѣ благѣ, кошораго она желяешь. Тогда она усилия свои соразмѣряешь сѣ побѣждаемыми ею препяпспвьями, и сѣ большею или меньшею силою спремипья кѣ своему предмѣпу, по мѣрѣ проспранспва раздѣляющаго ее отъ онаго.

Я долженѣ еще сказать, что нахояпья люди добродѣпельные, но безразсудные и неблагоприспойные; супь шакже добродѣпельные, но слишкомѣ невинные и опкровенные; одни

должны отъ порочныхъ людей, коихъ можно назвасть умными и скромными, научасться умбряць свою запальчивоспъ; а другіе, отъ нѣкоторыхъ хитрыхъ и лукавыхъ людей научасться равнымъ образомъ большей понкости и недо-вѣрчивоспи; и какъ говоришь Еванге-ліе вѣ помѣ же почти смыслѣ, смѣ-шивасть блáгоразуміе змѣи съ проспощю голубицы.

Сіе однакожъ не означаесть, что-бы я хощѣлъ, дабы для доспихенія къ добродѣтели, держалися пупи порока. На что намъ искашь непріятелей, для одной щолько чеспи съ ними сразить-ся? Но вѣ основаніи еспъ не сомни-пельно и подкрѣпляется опыщомъ, что мы щогда щолько бываемъ мудры, когда по нещаспію не всегда были щаковыми.

Я соглашаюсь, что должность, какъ спрогій заимодавецъ, умножаесть щребованія свои по мѣрѣ просимыхъ нами отсрочекъ; но для щого що и не покушаемся мы входить вѣ новыя съ нимъ щоговыя обязащельсщва, и удовольсщвіе, находимое нами вѣ удо-влещворенія ещго, еспъ надежнымъ споручищельсщвомъ нашего спаранія съ

нимъ расплапипься. Мы пакже видимъ, что назидавшіе всегда общество своими добродѣтелями никогда не были сполько уважаемы, какъ преспавшіе соблазнять оное своими безпорядками. Наконецъ за испытаніе ига спраспей бываемъ мы гораздо способѣе ощущать пріятность и нужду освобождающей насъ отъ оныхъ добродѣтели.

XXIII.
Страсти.

Ты утверждаешь, любезный Клеантъ, что челоѵкамъ меньше всего извѣстны ихъ спраспи: но позволь мнѣ пропизнаго быть мнѣнія. Правда, что спраспи лишаютъ насъ самопознанія; но какъ бы они ни были сокрыты въ основаніи нашихъ сердець, однакожъ нѣтъ изъ нихъ ни одной, копорая бы могла укрьпьяся отъ нашего взора, ежели мы хотя нѣсколькo будемъ щцашельно ее назирать и преслѣдовать. Наипаче же одну всегда въ каждомъ изъ насъ весьма удобно различить, а имянно ту, копорая всѣ-

ми прочими управляетъ и надъ ними господствуетъ, заставляетъ оныя дѣйствовать, замѣняетъ ихъ или погашаетъ. Она себѣ токмо повинуется, не знаетъ другихъ склонностей, кромѣ своихъ и одни токмо свои мнѣнія одобряетъ. Она бываетъ душою нашихъ дѣйствій, правиломъ нравовъ; управляетъ нашимъ разсудкомъ и заступаетъ мѣсто дарованія: къ несчастію же она не измѣняется и не сгпарбется и ощупительно извѣявляетъ въ наружности то, что въ душахъ нашихъ производитъ.

По чему сія исключительная и любимая спрасъ есть различительная форма характеровъ: она въ разсужденіи ихъ то, что черты въ разсужденіи лицъ. Это есть Физиогномія сердець, и она гораздо надежнѣе ихъ открываетъ, нежели та, которая служитъ обыкновенно къ различенію одного челоѡка отъ другаго.

Можетъ быть послужило бы сіе еще къ щастію, естли бы сія спрасъ, исключая всѣ другія, была въ разсужденіи ихъ на подобіе плюща, который обвѣмля ихъ, оныя заглушаетъ. Она не была бы столь сильна и крѣпка, и

мы подѣ самовластнымъ господиномъ, не раболѣпствовали бы другимъ паковымъ же лютымъ, а иногда гораздо самовластнѣйшимъ пираннамъ: но самыя противоположныя спраспи распущѣ и существуютъ на одной и той же землѣ. Нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая бы не раболѣпствовала господствующей спраспи и не служила ей съ такою вѣрностію, какъ бы совсѣмъ не помышляла о испорженіи у нея, въ свою очередь, присвоимаго ею владычества. Такимъ образомъ честолюбецъ дѣлается скупымъ, дабы шѣмъ удобнѣе могъ къ оному достигнуть: онъ ревнуетъ къ достоинству, въ томъ ему препятствующему, и смертельно не навидитъ шѣхъ, коихъ достигъ не въ состояніи, и кои, по счастью, его предупредили. Равнообразно и скупецъ становится иногда распочителемъ, а распочитель безславитъ часто себя гнусною скупостию.

Кажется, что спраспи можно раздѣлить на три рода: на производимыя разумомъ, на порождаемыя сердцемъ, на одобряемыя и подкрѣпляемыя разсудкомъ. Я не говорю, чтообъ

они всѣ не происходили отъ сихъ прехѣ источниковъ; но есть такія, кои придерживаются одного больше другого, а сіе то и заставляеѣтъ меня различать, откуда каждая особенно происпекаетъ.

Страсти разума, также какъ и онѣ, высокоумны и самонадежны: можно видѣть, какъ сѣмена ихъ пускаютъ ростокъ, и какъ они созрѣваютъ; сіи раждаются въ одно мгновеніе: это суть искры, копорыя лишь только сдѣлаются примѣшны, какъ и причиняютъ пожаръ. Начертанныя очень худо въ мозгу намѣренія кажутся имъ основательными. Они наружность перемѣняютъ въ подлинность, опдаленнѣйшіе предмѣшны сближаютъ, пворятъ себѣ новыя, увлекаютъ все съ насиліемъ, не имѣютъ ни обузданія, ни успокоенія; сражаются, возраспаютъ, разрушаются, погасаютъ и паки воспламеняются удобно, имѣютъ больше блеска, нежели послѣдствія, и обыкновенно легче ихъ преодолѣвать, нежели предупреждать.

Сердечныя страсти гораздо поспѣяньѣе и сильнѣе, и, ежели смѣю сказать, многокровнѣе и напряженнѣе.

Они по собственно все на земли производящъ и разрушающъ. Цари однимъ своимъ взоромъ попрясти могутъ землю, но повѣспвемыя мною спраши и ихъ еще сильнѣе. Они также легко и надъ ними господсвующъ, и подчиняющъ ихъ себѣ, какъ самыхъ послѣднихъ человекъ.

Изъ всѣхъ сего рода спрасней самая соблазнительная, общая, самая власполюбивая, часпо наипродолжительнѣйшая, а всегда труднѣйшая къ побѣжденію, есть любовь. Это родъ шакой дани, копорою каждый обязанъ человексвув. Юность не ожидаетъ, чтобъ она опъ нее была попребвана, и испощенная спаросъ плашищъ ей по крайней мѣрѣ своими желаніями.

Вопще изъ вѣка въ вѣкъ предписываемы были средства прошиву сея спрасши и передавались уроки для исцѣленія или предохраненія себя опъ оной. Она подобна тѣмъ тѣламъ, кои повергающъ въ пропасть: спремленіе ихъ умножаетъ ежеминутно, и ихъ ничто оспановищъ не можетъ, кромѣ совершеннаго разрушенія. Любовь сама собою покмо угасаетъ, и никогда шакъ не упорствуетъ, какъ

когда примѣчаетъ, что дѣлается про-
тивъ нее заговоръ. Сердце, избирае-
мое ею въ жилище себѣ, подобно силь-
но возмущаемому источнику, копорый
погда только получаетъ прежнюю
свою свѣплость, когда самъ ее себѣ
возвращаетъ. Всякое другое средство
послужило бы къ вящему его возму-
щенію.

Часто любить перестаютъ ,
сколь скоро познаютъ себя. На-
ходясь такія души, кои выказавъ
себя, безобразятъ самую красоту. Суть
также такія красоты, коимъ не очень
трудно нравиться, но коимъ нравиться
долго, дорого стоить. Одна минуша
опвращения можетъ привести въ кла-
днокровіе, а малѣйшая доука возро-
дитъ совершенное омерзение: и такъ
не удивительно, что сія послѣдняя
спрасть заступаетъ мѣсто самой
нѣжнѣйшей любви. Всѣ спрасти дер-
жащяся одна за другую и самыя про-
тивныя касающяся другъ друга. Весьма
удобно перейти отъ любви къ нена-
висти и отъ ненависти къ любви.

Безполезно упоминать, что не-
нависть также есть спрасть сердеч-
ная, распроспряняющаяся и укрѣпля-

ющаяся въ сердцѣ наипаче тогда, когда сдѣлала себѣ свободный въ оное доступъ. Благодѣянiя не столь глубоко въ немъ окореняются; и ежели ввело ее (ненависть) шуда соперничества, то испоргнуть ее опшуда не возможно. Сiе (соперничество) доказываетъ однакожъ больше побудительныхъ причинъ къ уваженiю, нежели самое искреннее признанiе явнаго достоинства.

Рѣдко, чшобъ какая ненависть была справедлива. Иной скажетъ, что большая часть людей боится имѣть недоспапокъ въ непрiателяхъ. Одни привлекаютъ оную своими проспуками, и ненавидятъ пошому, что другiе имѣютъ причину ихъ ненавидѣть; подозрительные же опъ натуры въ самыхъ равнодушныхъ дѣйствiяхъ находятъ, по своему мнѣнiю, опасныя намѣренiя. Для нѣкоторыхъ довольно того, что не слѣдовали даннымъ опъ нихъ совѣтамъ, или что думаютъ привести ихъ къ исполненiю таковыхъ, коимъ они не хотятъ слѣдовать. Суть и такiе, кои вездѣ видятъ неблагодарныхъ и ищутъ причинъ къ раздору, извлекая оныя изъ содѣлан-

наго ими добра, или изъ того, чего они не дѣлали и что дѣлаютъ не охотно. Можетъ быть есть и такіе, коихъ влоба, принуждена будучи по неволѣ удивляться дарованіямъ и добродѣтелямъ, ненавиждитъ единственно для того, чтобъ не отдавать чести, которой завидуетъ, и которой сама не можетъ удостоиться.

Ежели бы вражды лучшее имѣли, нежели какое обыкновенно имѣютъ основаніе, то для каждого было бы по несносное бремя: ибо тогда значило бы наказывать единственно себя за проступки другаго. Щасливы тѣ, кои опмцаютъ прощеніемъ, и готовы будучи всегда забывать обиды имъ причиняемыя, сами никогда оныхъ не дѣлаютъ!

Страсти, подкрѣпляемыя разумомъ, его уже обольстили, и обуздавъ ихъ уже невозможно, ежели нѣтъ другихъ могущихъ укротить ихъ. Познавать ихъ очень трудно, ибо они совсѣмъ не имѣютъ ни вида пиянства, ни чрезмерной пылкости, открывающихъ страсти ума и сердца. Они принимаютъ личину должности и показываютъ самонадежное спокойствіе. Ка-

жется, что они не боятся ничего, могущаго ихъ воспревожити. Собственно говоря, это суть спраши Спонтическія, почему шѣмъ опаснѣе, и шѣмъ пруднѣе къ побѣжденію.

По ихъ-то побужденію купецъ говоритъ самому себѣ, что хорошо быть богачу; честолюбецъ, что почтительно достигать чести; сластолюбецъ, что полезно и даже нужно услаждать горести жизни удовольствіями. Посредствомъ ихъ завистливый ласкается имѣть благородное соревнованіе; горделивецъ любитъ славу, яко сильное подспѣваніе, возбуждающее его къ самымъ высокимъ добродѣтелямъ; злоязычникъ не имѣетъ другаго намѣренія, кромѣ внушенія ужаса къ порокамъ, и нежеланія изъ любви къ истинѣ начертывать Алекпону Венерою и Терсипа Ахиллесомъ. Мстительный человекъ для того токмо думаетъ преслѣдовать своего врага, чтобъ его наказати и сдѣлати осторожнѣйшимъ. — Такимъ образомъ большая часть нашихъ спрашей служиши для насъ правиломъ поведенія, и мы едва не почитаемъ ихъ добродѣтелями.

Часть 2.

Н

Между тѣмъ челоѡку не возможно жить безъ спраспей. Онѣ принадлежатъ къ его сущности и соединены съ нимъ тѣсно добродѣтелей. По крайней мѣрѣ онѣ должны въ немъ предшествовать имъ, понеже добродѣтели ихъ предполагаютъ, и суть ни что иное, какъ движенія умѣряющія ихъ воспорги и укрощающія оныя. Спраспи не по праву завоеванія (пріобрѣтенія), но по праву наслѣдія въ насъ существующіе: ими снабжаетъ натура, а она ничего напрасно не дѣлаетъ. Челоѡкъ безъ спраспей былъ бы не иное что, какъ (Автоматъ) самодвижущаяся машина, да и сія движущаяся машина имѣетъ въ себѣ движущія ея пружины. За долго до меня было сказано, что спраспи для душъ то, что вѣтры для плывущаго въ морѣ корабля. Мы не можемъ дѣйствовать безъ побужденія ихъ, и онѣ производятъ то различно, смотря по большому или меньшему проволъ и вниманію нашему при употребленіи предлагаемой онѣ намъ помощи, или буде угодно, слѣдуя различію нашихъ характеровъ, такъ какъ вѣтры дѣйствуютъ по

устроению и виду, по тяжести или легкости корабля.

У однихъ людей спраспей больше, у другихъ меньше. Копорыхъ же избъ нихъ почпемъ мы щаспливѣйшими? По моему мнѣнію тѣ щаспливѣе, у коихъ оныхъ больше. Такое мнѣніе покажется можетъ быть ложнымъ умспвованіемъ, однакожъ оно не споль спранно, какъ представляется. Когда одна наклонность къ добродѣтели присоединяется къ другой подобной, или по крайней мѣрѣ ей не противной, по можно ли опвергать, чшобъ она не имѣла большей пылкости и силы? Но возразятъ: ежели какая безпорядочная склонность соединится съ другою ей подобною, по не сдѣлается ли она также сильнѣйшею, жарчайшею, спрашнѣйшею? Эшо правда: но спраспи; какого бы роду онѣ ни были, чѣмъ сильнѣе и спремительнѣе, тѣмъ безопаснѣе и не споль спрудны къ побѣденію. Чѣмъ быспрѣе движеніе ихъ, тѣмъ не продолжительнѣе. Сильная спраспъ многоразличныя имѣетъ подпоры. Нужно только потряспи одну для опроверженія всего зданія. Эшо такой огонь, копорой

енѣдаешъ себя и обыкновенно съ прескомъ угасаетъ.

Но не такъ происходитъ съ спраспями бездѣйственными, и копорья кажутся больше угасшими, нежели усыпленными. Находясь температурами холодные, спокойствіе коихъ принимается за нѣкоторый родъ смерпнаго сна, но кои единожды подчиня себя пороку, не могутъ почти опѣ него освободиться.

Для лучшаго уразумѣнія моей мысли сблизимъ одно изъ сихъ неодушевленныхъ существъ съ духомъ дѣятельнымъ и кипящимъ, и предположимъ обоихъ увлеченными одинакою мучащею ихъ спраспю. Одинъ слѣдуетъ ей беззаботно, не зная ее и не примѣчая тѣхъ опасностей, въ кои увлечь себя допускаетъ. Доволенъ будучи всегда самимъ собою, онъ живетъ щасливо по одному только своему спокойствію, и не прогаешся ни совѣтами, ни напоминаніями. Другой, будучи живъ и горячъ, предаешся спраспи своей со свойственною ему пылкостью: но сей согрѣвающий его огонь служитъ ему и просвѣщеніемъ; склонность увлекаетъ его, но она же

его и препровождаетъ. Это горячая лошадь, которую онъ понуждаетъ, удерживаетъ, водитъ, послабляетъ, дабы ее укрѣпить, и бѣшенство которой очень скоро по удовлетвореніи уменьшается. Онъ сколько же спыдился своей дерзостью, сколько и слабости. Но человекъ бездѣйственный не имѣетъ ни слабости, ни мужества. Онъ не склоненъ ни къ пороку, ни къ добродѣтели; ни впередъ ни назадъ не двигается; ни мыслишь ни бредишь, и каковъ нынѣ, таковъ и всегда пребудетъ. По чему не только не завидно его состояніе, но большаго достойно сожалѣнія, нежели такого сердца, котораго равная живость и опдалаетъ и паки призываетъ къ должности, и которое плѣняясь порокомъ, разрываетъ узы по непостоянству, или не защищаетъ ихъ пропиву времени, мало по малу оныя снѣдающаго.

Говоря прямо, сколько бы ни бѣдственны были спраси, онъ такими сушь единственно по упорному ихъ пребыванію въ сердцѣ, не хопящемъ отъ нихъ защищаться. Мы дѣлаемъ ихъ непобѣдимыми, по малому

нашему спаранію вѣ попушеніи оныхъ вѣ самыя первыя минушы ихъ мятежа, когда не извѣстно какое то предчувствіе заспавляеиъ насъ ихъ бояиъся. Первыя наши слабоспи возраждаиъ раскаяніе; впорыя заспавляиъ ихъ терпѣиъ, а послѣдующія и совсѣмъ не уважати. Тако робкій плаватель, спрашащійся спуденоспи воды, пробуеиъ нѣсколькы оную на берегу, дрожииъ, описпупаеиъ, подаеиъся впередъ, а потомъ силою побужденія и опыта совершенно вѣ оную погружаеиъ, и часпю весьма поздно сожаляеиъ, что научился ея не бояиъся.

XXIV.

Щастіе и нещастіе.

Непрестанно кричаиъ прошивъ самолюбія, и дочипаюиъ оное испочникомъ всѣхъ пороковъ, даже до того, что одинъ изъ превосходныхъ умовъ нашего вѣка сравниваеиъ оное съ воздушнымъ пузыремъ, изъ котораго исходииъ одинъ шумъ, сколь скоро проколешъ его. Но я думаю, что самолюбіе больше полезно, неже-

ли вредно, и смопрю на него, какъ на врожденное чувствованіе, пекущееся особенно о благѣ каждаго челоѵка, и копорое дѣйствуя всегда, ничѣмъ инымъ не занимается, кромѣ доставленія желаемаго нами благополучія и удаленія угрожающихъ намъ нещасній. Есльи бы оно не было таково, то пресшало бы бытъ шѣмъ, что оно есль, и что возѵщаетъ самое его имя.

Разумъ не вѣрнѣе показываетъ намъ всегда, чего мы боямся и желашь, или что опвергашь и чему слѣдовашь долженствуемъ. Онъ для того кажешь сошворенъ, что бы насъ ссорилъ, когда мы заблуждаемъ: ибо рѣдко принимаемъ на себя прудъ руководспвоашь нами, и мы гораздо больше его увлекаемъ, нежели сколько онъ нами управляетъ. Въ семъ подобенъ онъ неискусному плаващелю, копорый, желая подашь руку ушопашь, самъ на дно увлекаемъ.

Самолюбіе гораздо лучше даешь намъ чувспвоашь, что въ предметахъ находящися для насъ пропивнаго или пріятнаго, истиннаго или ложнаго, полезнаго или вреднаго. Спра.

спи не сполько надѣ нимѣ, сколько надѣ разумомѣ имѣющѣ власти; естѣ ли же оно иногда такѣ, какѣ и разумѣ засыпаеѣ, по малѣйшѣй ропотѣ его возбуждаеѣ.

Впрочемѣ я разсматриваю еѣ здѣсь, какѣ чадо напуры, а не какѣ дѣло нашихѣ чувствованѣй. Я знаю, несчастное наше искусство все повреждаеѣ, попому и естѣ самолюбѣе наглое, которое влечеѣ насѣ къ любленѣю токмо себя самихѣ, заспавляеѣ любѣи единственне по отношенѣю къ себѣ, и себѣ полько желаетѣ всякаго блага, удовольствѣя и всѣхѣ почестѣй. Оно-то дѣлаеѣ насѣ насильственными, безпокойными, завистливыми, безчеловѣчными, себѣ и другимѣ несносными; но поколику полагаеѣ оное противѣ воли препяствѣе нашему щастѣю, пополику другое самолюбѣе возвышаетѣ всѣхѣ, сѣ къмѣ ни вспрѣпшѣся. Правда, что оно, уподобляеѣ еще разуму, который готовѣ всегда дополняеѣ, насѣ освѣщаетѣ не согрѣвая, но у него нѣтъ инаго вѣ виду, кромѣ нашего удовольствѣя, по чему и занимается нами непрестанно безѣ ненависти, безѣ зависти, безѣ гордо-

сти; оно яко спражѣ нашихъ сердецѣ, всегда тщательнѣ наблюдаетѣ облака и бури, всегда готово произвести превозу, дабы ничто не могло возмутить его тишины и пріятнаго спокойствія.

Не должно удивляться рѣдкости сея любви между человекѣми, понеже рѣдко бываетѣ и щастіе, а еще рѣже нещастіе; однакожѣ на поверхности земной больше всего и ежеминутно пѣмѣ занимающа.

Разговоры въ бесѣдахъ обращаются всегда на одно только щастіе, или нещастіе. Еслии говорятѣ памѣ о полишкѣ, то припоминаютѣ все, что можетѣ споспѣшествованъ благоу Государства, или подать случай къ разрушенію онаго. Ежедневныя новостии подають поводѣ къ размысленію о щастливыхъ или нещастливыхъ обстоятельствѣхъ повѣсивуемыхъ произшествій. О частныхъ ли дѣлахъ предлежитѣ рѣчь, то всегда имѣя въ виду щастіе или нещастіе, обѣ нихъ только и разсуждаютѣ. Еслии вспрѣчаются другѣ съ другомѣ, то всегда начинаютѣ рѣчь о причинахъ радости или печали. Да и какой человекѣ не

чувствовалъ хотя одну минуточку радости или печали?

Но должно удивляться тому, что не смотря на непреспанный опытъ различныхъ средствъ, доставляющихъ въ безчисленныхъ случаяхъ щастіе или несчастіе, причина оныхъ намъ не известна. Въ самомъ дѣлѣ, мы ежедневно видимъ знаки того и другаго, событіемъ опроверженные. Щастіе, кажущееся не сомнительнымъ, не сбывается; напрошивъ неизбежное несчастіе въ не ожиданное прѣмѣняется благополучіе. Отъ чегожъ сіе происходитъ? Одни приписываютъ оное фортунѣ. Горацій присвоилъ ей силу *возвышать въ одинъ мигъ на самую высшую степень благополучія, самыхъ бѣднѣйшихъ словѣковъ, и перемѣнять самыя великолѣпныя триумфы въ похороны.*

Но всегда ли Горацій говорилъ искренно? и хотя задолго до него превращена она (фортуна) въ божество, и она сама себя называетъ такъ: *о богиня, царствующая надъ пріятными Атіемъ.* Но можно ли себѣ вообразить, что бы онъ почиталъ ее властительницею жребія смертныхъ; онъ, который хотѣлъ ивѣ, *чтобы*

всякой человекъ презиралъ столько же благопріятство, сколько и не доброжелательство оныя, и тобѣ удовольствіе зависть отъ себя самаго, предпочиталъ стыду быть ея рабомъ? Не справедливъ ли, говоритъ онъ еще, тотъ, кто увѣщаетъ всѣхъ презирать ее съ толикимъ же надмѣніемъ, какую она показываетъ наглость?

Мы опъ языческой черни заняли названіе фортуны и по понятіе, какое они соединяли съ симъ спраннымъ божествомъ, увѣнчававшимъ безъ разбора пороки и добродѣтели, и которое долженствовало заставлятъ спрашивающаго нещастія болѣе, нежели пресупленія. Если я не ошибаюсь, то два побужденія заставляли ихъ судить такимъ образомъ: будучи оживляемы республиканскимъ духомъ, они хотѣли подчинить всѣхъ человекѣвъ подъ самовластіе неизбежной судьбы. Почему Гомеровы Герои не иначе предспавлены, какъ невольными жертвами слѣпаго и не умолимаго рока. Тако погрѣшившій не добровольно Орестъ, перзаемъ непреспанно привязанными къ стопамъ его Фуріями; а гораздо ненавистнѣйшій Атрей наслаждается

спокойно свѣпомъ, опъ него помрачаемымъ.

Присовокупимъ, что ежели имъ пріятно было представлять себѣ божество, раздѣляющее добро и зло безъ порядка и правила, и всегда нечаянно и не ожидаемо, то это по тому, что они не хотѣли обвинять себя въ собственннхъ своихъ несчастіяхъ; и вмѣстѣ того, чтобъ признавать пѣсное ихъ отношеніе къ своимъ склонностямъ, порокамъ и слабостямъ, опносили оныя къ мечпательной причинѣ, копорую, какъ было имъ извѣстно, могли они оскорблять безъ наказанія. Такимъ образомъ Ювеналь *однимъ только смертнымъ присвоетъ обоженіе сего пугалища, говоря: о фортуна! мы тебя дѣлаемъ богинею и помѣщаемъ въ небо.*

Я охотно вѣрю, что то и другое изъ сихъ побужденій заспавляетъ насъ взирать на сей суешный и смѣшный испуканъ пѣмъ же окомъ, какимъ взирали древніе. Не прилѣпляясь безумно къ проспонародному правленію, мы шакже какъ и они, довольно любимъ равенство соспояній и не меншее находимъ удовольствія въ помъ,

что видимъ вельможъ и богачей спольже мало увбранныхъ въ прочности своего благополучія, какъ и самыхъ несчастныхъ чловѣковъ въ продолженіи своихъ несчастій. Видя всѣхъ зависящихъ отъ одной судьбы, мы восхищаемся, зная, что спольже легко можно заспавишь дерзновеннаго орла преклониться печально къ землѣ, какъ и извлечь изъ подъ крова бѣдной хижинны робкаго воробья, и принудить его надежнымъ и быспрымъ полетомъ парить въ воздушной высотѣ. Не правда ли припомъ, что мы для пого только обвиняемъ форшуну нашими несчастіями, дабы избавишься отъ спыда, что сами навлекли оныя на себя? Новъ семъ случаѣ мы несправедливѣе язычниковъ, нашихъ образцовъ: мы въ злополучіи нашемъ винимъ только ее одну, а всѣхъ приключающихся намъ благъ себя виновниками почитаемъ.

Находяшся между нами такіе люди, которые, желая опредѣлить причину непоспоянства земныхъ вещей, поставили на мѣсто форшуну случай: другое слово, толико же чуждое смысла, новое непоспозимое ничто, ко-

его и предполагающее его воображеніе не можетъ изъяснить, и которое оно хотѣло бы уничтожить самую минушу даннаго ему бытія. Для большей части людей случай есть рычагъ, удобный сдвинуть вселенную; онъ есть игрушка черни, которая думаетъ, что знаетъ его больше, когда послѣ многихъ самыхъ благоразумныхъ мѣръ и заботъ въ доставленіи себѣ нѣкоторыхъ выгодъ или предохраненій себя отъ нѣкоторыхъ превратностей, замѣчаетъ, что не поступками своими почто навлекла щастіе или несчастіе, но что-то^о вздорное и не ожидаемое не чувствительно привело его по неизвѣстнымъ человѣческому благоразумію спезямъ.

Но сіе что-то неизвѣстное, называемое случаемъ, можетъ ли быть виною чего либо, коль скоро оно само есть ничто? Почему инаго не остается, какъ представлять его себѣ шаковымъ, каковою Овидій описываетъ любовь, которая влечетъ премудрость съ завязанными назадъ руками и укрощаетъ боговъ и человѣковъ. Нѣтъ, случай не больше имѣетъ власти

надъ наружными нашими, какъ и надъ
внутренними произшествіями.

Находятся сущесственныя отно-
шенія причинъ къ ихъ дѣйствіямъ,
которыя отъ того, что закрыты, не
меньше сущесственны и не обходимы,
напура свой имѣетъ механизмъ и дру-
жины; и когда мы хотя нѣсколько ее
познаемъ, то примѣшимъ самое совер-
шенное въ ея намѣреніяхъ единство.
Всѣ ея произведенія соединены между
собою неизмѣримою и непрерывною
лѣствицею, зависящъ одни отъ дру-
гихъ и размѣщены съ такимъ посше-
пенствомъ, согласіемъ, съ такимъ
тѣснымъ порядкомъ, что всѣ и общимъ
усиліемъ содѣйствуютъ подкрѣпляю-
щему ее движенію, и содѣлывающему
ее всегда себѣ подобною. Скажемъ еще
лучше: есть вѣчное Существо, кото-
рое оживляетъ напуру своимъ дохно-
веніемъ, которое одно можетъ заспа-
вить цѣлсти и ходитъ каждую вещь въ
своемъ чинѣ, и которое по тому толь-
ко кажется не соопзвѣщающимъ
нашему ожиданію, что мы не знаемъ
его законовъ, намѣреній, побужденій.
И такъ не фортуна, не случай, и не
самая напура все здѣсь на земли учре-

ждаеть; и называемое нами щастіемъ или нещастіемъ есть не иное что, какъ послѣдствіе непремѣннаго плана, по которому всѣ произшествія рождаются одни отъ другихъ, подобно звѣзньямъ, составляющимъ цѣпь, связаннымъ между собою и по неизвѣстнымъ отношеніямъ, влекущимъ другія, за которыми, по таковымъ же тайнымъ отношеніямъ, слѣдуютъ въ связи еще новыя.

Вопль тѣ отношенія, коихъ мы познаемъ, а часто и предчувствовать не можемъ; которыя побуждаютъ насъ заключать о нестройности и безпорядкѣ, о разногласіи и противности всѣхъ почти житейскихъ произшествій. Но мы судили бы иначе, если бы могли открытъ внутренность машины. Мы бы увидѣли, что все тамо соединено одно съ другимъ, и что движеніе, производящее распадъ во всякой послѣдней правкѣ въ нашихъ поляхъ, также можетъ быть дѣйствительнымъ случаемъ и слѣдствіемъ производимаго движенія въ звѣздахъ. Мы бы увидѣли, что нѣтъ во вселенной такого совершеннаго зла, которое бы не было относительнымъ

добрѣмъ, въ рукахъ верховнаго Движителя всѣхъ существъ. Для успѣха въ нашихъ предпріятіяхъ должно намъ познавать союзы вещей, постигать ихъ сходство, уловлять, такъ сказать, часъ и минушу оныхъ; но мы ничего инаго дѣлать не можемъ, какъ препоручать себя Провидѣнію, копорому одному то извѣстно, и намъ остается только съ терпѣніемъ сносить такъ называемое нами несчастіе, и не слишкомъ полагаться на то, что можетъ доставить намъ спокойные и щасливые дни.

Во всѣхъ сердцахъ есть общее чувствованіе, споспѣшествовавшее со-спавленію первоначальныхъ обществъ, и которое достигнувъ нынѣ до настоящей степени, не столько уже кажется удобнымъ къ содержанию, сколько къ разспроенію оныхъ. Сіе чувство есть нудящее и всегдашнее желаніе щасія; и сіе желаніе свойственно всѣмъ возрастамъ, характерамъ, климатамъ и всѣмъ состояніямъ въ жизни. Оно больше или меньше клонится къ шѣмъ предметамъ, кои могутъ оное удовольствовать, однакожъ и на все равно проспирается,

Часть. ○

и сколько родовъ счастья, сполькоже и попрысающихъ насъ воспорговъ, частное счастье рѣдко можетъ удовлетворить насъ, а мы желали бы имѣть всѣ вдругъ и обладать ими не измѣнно и нераздѣльно.

Всего удивительнѣе, что мы обыкновенно не знаемъ, въ чемъ состоить счастье и какія средства ведутъ къ доставленію и наслаженію онымъ. По моему мнѣнію, всякое счастье должно быть сообразно со окоренившимися склонностями сердца, къ нему стремящагося. Оно должно быть продолжительно и споль не зависимо, чтобы ничто не могло у насъ его испоргнуть и взять обратно прошивъ желанія нашего.

Но всякому ли роду счастья сіе свойственно? Не ищемъ ли мы, какъ приличнѣйшаго натуральнымъ нашимъ склонностямъ, и естли смѣю сказать, дарованіямъ сердца паковаго, которое наименѣе съ онымъ согласуется; какъ продолжительнаго, не минуемо окончившаго долженствующаго; какъ не зависимаго, которое не имѣя источника въ насъ самихъ, мо-

жетъ бытъ у насъ похищено сама-
лѣйшимъ случаемъ?

Сколько пакихъ людей, кои ка-
жущя въ самомъ блиспапельномъ со-
стояннн, но копорые пополику токмо
лѣмъ ласкаются, поколику заспавляеиъ
ихъ казашься паковыми гордостъ, или
благоприспойностъ! Чесполобецъ, же-
лающій бытъ богашымъ, и скупецъ,
алчущій почестей, почипають ли себя
щаспливыми? Не всегда ли мы спара-
емьа удовлешворить паче преходящимъ
и скорешечнымъ вкусомъ, нежели ха-
рактерическимъ склонностямъ, копо-
рыя у всѣхъ людей различны, и копорыя
дають непрешанно чувешвовашь, что
все изящное въ нашуръ хорошо не для
всѣхъ сущешвъ, ею образованныхъ?

Я ничего не говорю о непродол-
жительности щаспн, которое подо-
бно молнн, сила копорой состоипъ въ
ея рожденн, имѣеиъ обыкновенно
одинъ только блескъ и исчезаетъ въ
минушу появленн своего. Но какое
щаспне можетъ бытъ поль поспоян-
но, какъ мы того желаемъ! Въ состо-
янн ли оно устояиъ прошивъ долго-
временнаго прешщенн, скуки равно-
душн, коловрашности нрава, ушонче-

нія нѣжности, пропиву самага спраха видѣть оное окончавающимся, чѣго одного доспапочно для ослабленія и разрушенія онаго?

Не говорю уже о ежедневныхъ препяпспвіяхъ, вспрѣчающихся щаспію въ физическихъ бѣдспвіяхъ, облежających оное совсѣхъ стпоронѣ, и можетѣ быть еще болѣе въ полпѣ заботѣ; парящихъ окреспѣ позлаценныхъ карнизцовѣ и гонящихъ его предѣ собою скорѣ носимыхъ вѣспромѣ облаковѣ.

Теперь обращаюсь къ средствамъ оное спяжевать: но прежде желалѣ бы я опврапипѣ всѣхъ отѣ спремленія за нимѣ. Въ самомѣ дѣлѣ, мы пополику покмо бываемѣ щаспливы, поколику не мнимѣ себя бытѣ паковыми. Я не стану ушверждаѣ сію истину разумомѣ и опытомѣ, а полько спрашиваю; можетѣ ли шо бытѣ щаспіемѣ, когда для доспипженія къ нему должно нѣкопорымѣ образомѣ опврапипѣ глаза, не занимаѣся имѣ, ни желалѣ ни знаѣть онаго? И такѣ могу присовокупитѣ, что весьма нещаспливѣ нашѣ жребій, еспли для обладанія добромѣ мы должны начаѣть незнаніемѣ онаго, вѣ шо время, когда небо поспавляетѣ

въ нѣкое себѣ удовольствіе открывашь предварительно угрожающія намъ бѣдствія. На сіе-то жалуется Луканъ въ пришедшихъ мнѣ на память стихахъ: *А ты, правитель Олимпа, посты тебѣ угодно было вложить сію заботу смертнымъ, чтобы они предвидѣли грядущія бѣдствія?* Паки возвращаюсь и говорю, что даже самыя средства, употребляемыя къ достиженію щастія, предварительно портятъ оное; и мнѣ извѣстно только одно, которое есть самое щастіе, и имянно хорошее употребленіе разума.

Я представляю себѣ здѣсь чело-вѣка поверженнаго вдругъ въ сію пространную вселенную. Удивляясь окружающему его неизмѣримо пространству, и не зная еще своей судьбы, онъ проспираетъ повсюду безпокойный взоръ, боится, надѣется и хочетъ быть щасливъ; но ощущаетъ одни непріятныя чувствованія, однѣ горешныя нужды. Стихи сражаются, времена года и дни переменяются, и онъ шествуетъ по одному цокмо шерню и волчцамъ. Никакой наружный предметъ не щадитъ его и ему не повинуется, и

кажется, что онъ съ прискорбіемъ сноситъ бремя своего существованія. Онъ видитъ подобныя себѣ сотворенныя существа, должно ли же ему ихъ убѣгать, или къ нимъ приближаться и съ ними жить? Ежели онъ ихъ убѣгаетъ, то терпитъ во всемъ недосыпковъ; вступа же съ ними въ общество, руки его нѣкоторымъ образомъ умножаются: онъ будетъ участвовать въ ихъ знаніи, ученіи и трудахъ. Предъ нимъ откроются гавани, площади, большія дороги, самыя отдаленныя климаты, предложатъ ему свои произведенія; земля снабдитъ его своими плодами; вся природа будетъ ему принадлежать и онъ учинится какъ бы обладателемъ цѣлаго міра.

Но въ семъ новомъ состояніи предлежатъ ему къ исполненію обязанности. Ежели онъ захочетъ симъ новымъ хозяевамъ (подобнымъ существамъ) повелѣвать, они забунтуютъ. И такъ надобно, что бы онъ свои пользы смѣшалъ съ ихъ пользами; что бы онъ дѣлался ему во обще столь же любезны, сколько полезны; что бы онъ привлекъ ихъ къ себѣ сполькожъ дѣйствительными

услугами, сколько они привлекаютъ его подаваемою ему помощію. Тогда по справедливоспъ, благоразуміе, умѣренноспъ и всѣ нравственныя добродѣтели сдѣлаются для него необходимыми, и онѣ не могутъ бытъ щасливѣ безѣ исполненія оныхъ. Отѣ сей самой минушы убѣгавшее прежде отѣ него щаспіе содѣлается для него истиннымъ и единымъ поспояннымъ и пвердымъ щаспіемъ. Оно будетъ сообразно съ его чувспвованіями, и сей человекъ не будетъ имѣтъ другихъ (чувспвованій) кромѣ дружелюбныхъ и разумомъ просвѣщаемыхъ. Сіе щаспіе продолжительно; понеже разумъ никогда не измѣняется; будетъ не зависимо, ибо никакая сила не можетъ ни повелѣвать, ни подчинить себѣ разума.

Правила для достиженія къ сему не слишкомъ строги: они предписываютъ только удалять все вредное напурѣ человекской. Разумъ не пропивился никакому честному и сходспвенному съ шемпераментомъ удовольспвію, никакому вкусу сообразному съ справедливоспю, никакой склонности позволяемой честноспю и

одобряемой честію и благоприспосойно-
стію.

Разумъ на конецъ причиною, что
доспавляемое имъ щаспіе ни оупъ ка-
кого успѣха не зависипъ. Я уже ска-
залъ, что здѣсь средство дѣлаепся
концемъ. Оно еспъ самое щаспіе.
Нещаспіе ни понизипъ, ни возмупипъ
его не можепъ, и оно, на подобіе
основаннаго на камнѣ зданія, прези-
раепъ яроспъ вѣпровъ и бурь.

Въ самомъ дѣлѣ, что нужды се-
му челопъку, копораго я помѣцаю въ
общеспво, какъ на театрѣ, гдѣ онъ
долженъ предспавляпъ себя въ пече-
ніе своей жизни, какую ролю играпъ
онъ будепъ? Благополучіе его соспо-
ипъ въ спомъ, чпобы вести себя
спакъ, дабы онъ могъ воспользовапъся
спѣми выгодами, какихъ пришелъ шу-
да искапъ. Будепъ ли онъ спамо Ахил-
лесомъ или Агамемнономъ, ему ника-
кое лице спакъ не спойспвенно, какъ
лице общеспвеннаго челопъка, и копо-
рое еспъ ему общее со всѣми послѣд-
ними дѣиспвующими лицами. По сему
одному сппслу можепъ онъ учаспво-
вапъ во всѣхъ выгодахъ общеспва,
еспъли сполько вѣрно исполнптъ свои

обязанности. Щасіе и нещасіе его можепѣ произойти единственно отъ почнаго или нерадиваго исполненія оныхъ. Все прочее ничто иное естѣ, какъ мечта и заблужденіе; почему мы должны искать источникъ добра и зла въ нашихъ добродѣтеляхъ или порокахъ,

XXV.

Состояніе жизни.

Многіе люди увѣрены, что между людьми не должно бы имѣть мѣста никакое неравенство въ степеняхъ и состояніяхъ. Они думаютъ, что конецъ, для котораго сотворенъ былъ первый человекъ, не дѣлалъ сего неравенства необходимымъ; что попомкамъ его долгое время было оно не извѣстно; что въ простотѣ и, такъ сказать, во цвѣтѣ напуры они не имѣли никакого понятія о присвоеніи власти и рабствѣ, и даже не подозревали, чтобы опличіе и достоинство, которыя нынѣ менѣе приносятъ чести обладающимъ оными, нежели сколько унижаютъ человѣчество, могли

когда либо существовать и сдѣлаться предметами честполюбія и зависти. Говорящѣ, что пороки, несчастные плоды непослушанія праотца нашего, сдѣлали господѣ и рабовѣ; однихъ возвысили въ состояніе величія и независимости, другихъ привели въ состояніе низости и подчиненности.

Сіе мнѣніе имѣетъ видѣ истины; но если я не дерзаю оному прекословить, то боюсь также и принимать его. Не для того, что бы я не признавалъ приключившихся человѣческому роду бѣдствій пресупленіемъ перваго человѣка; но я не могу понять, что бы меньше было на земли неравенства, если бы не сдѣлано было такого пресупленія. Можно ли о семъ сомнѣваться, какъ скоро допустить послѣдствіе опцевъ и дѣтей, и слѣдовательно власть въ однихъ и совершенно необходимую зависимость въ другихъ?

Я согласенъ, что въ началѣ неравенство сіе существовало единственно въ пѣсномъ кругѣ каждаго семейства, и мнѣ даже пріятно представлять себѣ человѣческій родъ въ его младенчествѣ не таковымъ, каковымъ

описываютьъ его намъ Пиппы подѣ
 именемъ злапаго вѣка. Не спану за
 ними повпоряпъ, что испочники мле-
 ка и меда изливались погда на землю
 со всѣхъ сторонѣ, что медѣ выпекалъ
 изъ дубовѣ и напура сама собою про-
 изводила весьма вкусные плоды. По
 крайней мѣрѣ кажется правдоподоб-
 нымъ, что люди, произнося еще съ
 прудомъ звуки словъ, образуемыхъ
 ими мало по малу по своимъ чувство-
 ваніямъ и нуждамъ, жили между со-
 бою въ пріятной тишинѣ и довѣрен-
 ности. Не многого желая и могши до-
 спашъ оное съ такою же удобностію,
 какъ воздухъ и воду, коими никшо
 пользовались не воспрещалъ, провоз-
 дали они дни свои безъ безпокойства,
 безъ ненависти, безъ ссоры и безъ
 разбирапельства. Будучи проспы, и
 можетъ спашься, невинны безъ добро-
 дѣтели, занимались единственно во-
 здѣлываніемъ земли; или сидя спокой-
 но подѣ тѣнію вяза, взирали на па-
 сущіяся свои спада въ цвѣтущихъ
 лугахъ. По извясненію Горація, на ко-
 порого всегда ссылаюсь съ удоволь-
 ствіемъ, они не знали ни военной
 шрубы, зовущей на брань, ни раздра-

жежныхъ успрашающихъ морей, коимъ мы не доврѣемъ. Они не обязаны были ходить къ спряччимъ для испорженія плода прудовъ своихъ изъ рукъ хищника, ни шапаться въ передней вельможъ для раболѣпнаго испрошенія нужнаго покровительсва. Находясь тогда всѣ на одной чертѣ щасія, могущества, достатка и благоденсвія, не могли они, безъ сомнѣнія, имѣть ни подчиненія ни зависимости.

Но когда человѣческій родъ, изъ сего состоянія младенчества перешелъ въ зрѣлый возрастъ; когда онъ почувствовалъ первыя подспрѣканія славы или удовольсвія; когда раздѣленные дошлѣ семейсва соединились и составили разныя общесва, въ коихъ едва знали другъ друга; когда введены различныя степеня дарованія и науки, степеня, нужныя для возвышенія художествъ; когда сила, наглость и ухищреніе призваны были на помощь скудости и неспособности; на послѣдокъ, когда человѣкъ поверженный въ мѣрѣ нищѣ и нагѣ и съ начала чувствительный къ пощеченіямъ вознипавшихъ его, вздумалъ, что онъ ничѣмъ

не обязанъ прочимъ чловѣкамъ, и могъ напасъ на нихъ, не опваживая ничего, или съ успѣхомъ имъ сопротивляясь; тогда надлежало покорить его правиламъ порядка и подчиненности, надлежало строгими законами уничтожить равенство, стремящееся само собою къ разрушенію, и присвоить нѣкопорымъ изъ подобныхъ ему нѣкую власъ, могущую его оковать для общаго чловѣческаго блага.

Такимъ образомъ не восходя до времянъ нашего праотца, и не обвиняя его нашею зависимошю, она не обходимо долженствовала возродиться между людьми, единожды вознамбрившимися жить въ обществѣ. Для чегожь бы не установишь между ими такому же порядку, какой признавалъ каждый въ своихъ мнѣніяхъ и размышленіяхъ, изъ коихъ необходимо долженствовала однимъ предшествовать другимъ, а всѣмъ зависѣть, сколько отъ пѣхъ, кои ихъ породили, столько же и отъ отношений и соединеній ихъ съ пѣми, кои произведены ими въ свою очередь? Ту же поспешность видѣли они во всемъ пространствѣ вселенныя. Могли ли они не примѣнить,

что части сея безмѣрная машины, какія бы они ни были, споль подчинены и связаны между собою, что распроеие одной можепѣ перемѣнить движеніе, составляющее душу ея, и разрушитѣ въ одно мгновение, оспая ея безѣ силы и дѣяпелъности? И такѣ различіе степеней и состояній, на которое мы жалуемса непрестанно, припишемѣ единственню напурѣ живущаго въ обществѣ человека, и будемѣ на оное взирапѣ, яко на совершенство и необходимѣе зло.

Я могѣ бы удобно доказать сіе совершенство, но удовольспвуюсь пѣмѣ, чпобы дать оное почувспвовать по самому простому сравненію. Архитекторѣ, дѣлающій сводѣ, безѣ различія ли и порядка употребляетѣ камни, соспавляпѣ оный долженспвующіе? Онѣ владепѣ иные выше или ниже, смотря по ихѣ величинѣ, толщинѣ и размѣру. Прочность, или что то же самое значипѣ, совершенство работы его не зависипѣ ли отѣ его распорядженія и вниманія, дабы одно другимѣ подкрѣпитѣ такѣ, чпобѣ шагоспи каждаго особливо служили кѣ совокупному поддержанію цѣлаго, и по

самое, что долженствовало бы по видимому разрушить, не служилъ ли къ подкрѣпленію его?

То же случается и съ обществомъ, раздѣленнымъ на разные сословія людей. Связь, продолженіе, совершенство онаго главнѣйше состоитъ въ распоряженіи своихъ членовъ и во взаимной ихъ между собою подчиненности. По нещасію, не много камней сего великаго зданія помѣщено въ надлежащемъ мѣстѣ. Каждый помѣщается, гдѣ хочетъ, и не столько надобно дивиться царствующему тамъ смятенію и безпорядку, какъ тому, что оно такъ долго существуетъ.

Особенно въ настоящее время, когда выборъ сословія учреждаетъ одна корысть, никогда не случается, (хотя бы и надлежало) чтобы благо общества было предметомъ онаго. Мы совсѣмъ не подобны тѣмъ Римлянамъ, коихъ Гораций съ такимъ удовольствіемъ прославляетъ; тѣмъ Регуламъ, Фабриціямъ, Куріямъ, Камилламъ, коихъ жестокая бѣдность воспитывала въ тѣсномъ жилищѣ ихъ дѣдовъ, и кои, при нерадивой причоскѣ волосъ, не прежде рѣшились

вступать въ званія, какъ когда видѣли, что они могли быть полезны своему отечеству. Тогда земледѣлецъ возлагалъ на себя пятгоспнныя должности Дикшапора и съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ спремился на брань, принимался за свой плугъ, когда благо Республики не требовало отъ него оставленія онаго. Еслили были люди достойные, не употребляемые Республикою, то они тѣмъ не менѣе были усердны къ славію ея, и не старались нечислымъ дыханіемъ зависти помрачать лавры тѣхъ; коихъ она сочла достойными ею управлять. Тогда совсѣмъ не примѣпно было людей, возвысившихся по одному благопріятству, и еслили смѣю сказать, самая подлая чернь не занимала первыхъ мѣстъ въ Государствѣ.

Послѣ того, коль не многіе люди обязаны возвышеніемъ своимъ однимъ добродѣтелямъ, и кои взошли на высокую степень съ тѣмъ намбреніемъ, чтобъ служить своему отечеству! Безъ сомнѣнія видѣли и видимъ еще шаковыхъ въ наши дни, но большая часть изъ нихъ подобны негоднымъ сѣменамъ, копорыя носимы будучи

долго въспромѣ, восхищены и брошены случайно на высоту холмовъ, гдѣ не произведя ничего полезнаго, гордясь шѣмъ, что они выше плодоносныхъ долинъ, на коихъ растутъ богатая жатвы.

Можно ли не удивляться обычаю Лакедемонянъ, которые заставляли воспитывающаго дѣтей на щепѣ Респубрики? Они думали чрезъ по приуготовивъ ихъ предварительно къ тому состоянію, къ какому что способнѣе. Въ семъ разсадникѣ росли крѣпкія деревца, рѣдко не вознаграждающія за свое удобреніе и не производившія полезныхъ плодовъ своимъ согражданамъ.

Посредствомъ сего у нихъ не такъ, какъ у насъ, люди безъ дарованій опнуодъ не переходили вдругъ изъ чрезмѣрной низости къ крайнему возвышенію; подобно не большимъ испочникамъ, которые спавши спремительными пошовами, опустошаютъ поля, вмѣсто удобренія, и ниспровергаютъ иногда дубы, подъ шѣнію копорыхъ пыщекрапно они изсыхали: а еще менѣе, было такихъ пварей, кои, пипаясь опъ самаго рожденія въ бесполезной праздности, добиваются

Часть 2. П

должностей, силы ихъ превышающихъ, и подкрѣпляютъ себя однимъ высокомѣриемъ и пустою наружностію, ко-
торою они прикрываютъ свое невѣ-
жество и нерадѣніе. Въ городахъ не
примѣтно было людей безъ состоя-
нія, идолопоклонствующихъ независи-
мости, непріятелей всякой обязанно-
сти; не имѣющихъ ни видовъ, ни по-
реванія, не хопящихъ иныхъ дол-
жностей, кромѣ налагаемыхъ мірскимъ
обычаемъ; гражданъ бесполезныхъ, ни
къ чему не привязанныхъ, для кото-
рыхъ жизнь есть ни что иное, какъ
безмѣрная пустота, которую не зна-
ютъ чѣмъ наполнить, и по долговре-
менной своей безопасности пятапя-
щихъ землю, которая шу токмо из-
влекаетъ для себя пользу, что видятъ
ихъ умирающихъ безъ существованія.

Я думаю, что для лучшаго избра-
нія состоянія надлежало бы въ зрѣ-
ломъ возрастѣ нѣсколько сдѣлать
опытовъ, и краткимъ и недолговре-
меннымъ ученіемъ точно извѣдать
себя въ самыхъ спротивныхъ и непремѣн-
ныхъ должностяхъ, сущствующихъ
между нами. Молодому чловѣку не
надлежало бы приниматься инако за

оружіе, какъ по долговременной привычкѣ къ упомисельному шруду и опасностямъ: надлежало бы, до воспріятія церковнаго званія, бысть немаловременнымъ испытаніемъ убѣждену, что въ немъ инаго не ищется, кромѣ скорбей и шруда, спасенія другихъ и своего собственнаго, а не спокойствія, неблагосостоянія, не удовольствія содѣлаешь судією совѣстей, управляешь небеснымъ громомъ и бросаешь оный спольже дерзновенно на вершину дубовъ, какъ на шроспникъ и на болошную пину.

Художникъ прежде, нежели начнешь опправлять свое ремесло, не доказываетъ ли въ ономъ искусства самую превосходную работою? А мы, по нещастію, вступаемъ въ званіе безъ познанія и приносимъ къ тому совсѣмъ пропивоположныя склонности. Отъ того раждается опвращеніе, скука, безпокойство, спрахъ опъ должностей, исполняемыхъ нами по нуждѣ, то есть по шакому побужденію, которое дѣлаешь ихъ несносными, или оставляемъ безъ разсмотрѣнія и даже безспыдно хвалимся неисполненіемъ оныхъ.

И такъ, между тѣмъ, какъ натура занимается непрестанно раздѣленіемъ стихій, въ ней состоящихъ, и для продолженія ихъ, отъ чего и ея продолженіе зависитъ, помѣщаетъ каждую въ свой порядокъ, какой назначаютъ имъ различныя степени тяжести, мы повреждаемъ ее такимъ смѣшеніемъ и соединеніемъ, коихъ она гнушается. Мы смѣшиваемъ должности и дарованія, поставляемъ тамо Терсипа, гдѣ надлежало быть Ахиллеса; Силена, гдѣ долженъ быть Платонъ; Диогора, гдѣ слѣдовало быть Сократу. Должно ли же удивляться, что пало столько много Имперій, и что есть еще погибающія? Заблуждающаяся натура не можетъ болѣе находить себя въ тѣхъ пущахъ, кои ею учреждены ради содержанія ихъ во всегдашней неповрежденности, постановленіемъ челоѣковъ и званій въ праведной соразмѣрности, и какъ въ моральномъ, такъ и Физическомъ равновѣсіи.

Изъ сего слѣдуютъ два неизбѣжныя несчастія: первое, что самыя счастливыя дарованія обыкновенно оспаются въ неизвѣстности, и чело-

вѣкъ, могущій прославить свое опечесство, пресмыкается въ презрѣнной хижинѣ ремесленника, и чувствуя съ прискорбіемъ силу духа, о которомъ догадывается, не изслѣдовавъ его хорошо, принимается по неволѣ за мѣдочи, чтобы прокормить себя. Второе несчастіе: что большая часть пѣхъ, коихъ познанія возвысили душу, и копорые были бы способны къ самымъ превосходнымъ должностямъ, видя себя принужденными для полученія ихъ прибѣгать къ посредственнымъ и весьма ограниченнымъ людямъ, не могущимъ цѣнить ихъ достоинства, уклоняюся въ уединеніе, цѣна въ очахъ ихъ ежедневно умножается, и щасливыми себя почитающъ, что самимъ токмо себѣ опвѣчать должны въ своемъ ученіи и размышленіяхъ. Такіе люди не оспоримо Государству бесполезны: но шакowymi дѣлаетъ ихъ само Государство, а они и не пужающъ, что не играютъ въ немъ никакой роли. Горацій говоритъ: *они никого не видятъ выше себя, кромѣ Юпитера: они суть Цари Царей, и свобода заступаетъ у нихъ мѣсто постелей и сокровищъ.*

Щаспливѣ, кто пакѣ, какѣ они, можетѣ жить! Но тысящекратно щаспливѣе тотѣ, который по изслѣдованіи своихѣ склонностей безѣ ласкапельства избираетѣ свойственное себѣ состояніе, и приоситѣ оному сколько чести своими добродѣтелями, сколько сіе состояніе дѣлаетѣ его, яко члена общества, оному полезнымѣ.

XXVI.

Удовольствія.

Чтобѣ судить здраво о удовольствіяхѣ, надлежало бы, по моему мнѣнію, не любить ни одного, или узнать все посредствомѣ употребленія. Въ первомѣ случаѣ можнобѣ было говорить обѣ нихѣ равнодушно и безѣ предубѣжденія; въ другомѣ положительнo знаѣ, что они суть, и чего можно ожидать отѣ нихѣ. Не опровергнувши же и не испытавши всѣхѣ, думаю, что нѣтъ изѣ нихѣ ни одного, которое бы существовало само собою, а наши вкусы даюѣ имѣ бытіе; и что находимыя нами въ нихѣ прелести и

разнообразія происходятъ единствен-
но отъ нашихъ вкусовъ, больше или
меньше сильныхъ, болѣе и менѣе разли-
чествующихъ или единообразныхъ.—
Искашь въ оныхъ вѣдѣственности,
есть по же, что искашь въ нихъ
того, что мы называемъ сладкимъ
или горькимъ: мечшательныя качества
въ предметѣ, производящемъ ихъ, и
простое дѣйствіе органовъ, распо-
ложенныхъ къ произведенію такого или
иного вкуса; предметы, за коими безу-
мно усупремляемся, такія только
имѣютъ прелести, какими мы сами
ихъ снабжаемъ: сіи прелести суть
наше твореніе. Мы по нашей волѣ
украшаемъ вещи, или обезображиваемъ
ихъ, и споль бываемъ безразсудны,
что обожаемъ или проклинаемъ суеш-
ныя наружности, въ кои угодно
намъ ихъ облакать. *Не въ драгоценной
близнѣ и блѣскѣ, но въ тебѣ самомъ
открыто величайшее удовольствіе.*

Сказанное мною очевидно здѣсь
доказываетъ, что одни и тѣ же самыя
удовольствія дѣлаютъ однихъ къ
нимъ приспρασными, другихъ равно-
душными. Нѣкоторые люди имъ только
улыбаются, а другіе съ неиспов-

ствомъ имъ предаются. Для однихъ спановяся они по привычкѣ необходимыми, другимъ нравяся они въ первыя шокмо минушы. Нѣкоторые бояся пресѣченія ихъ, не споль бываюшъ къ нимъ чувспвительны; для всѣхъ же прочихъ дѣлаюся они наидрагоценѣйшими. У большей части людей не можешъ ничшо возмушитъ ихъ владычеспва, а у многихъ уступаюшъ они самомалѣйшему огорченію. Однимъ словомъ, сколько вкусовъ, сполько различныхъ и удовольспвій!

Но не оспоримо, что любленіе удовольспвій еспъ основаніе нашего бытія. Сія любовь еспъ центральный, все оживляющій огонь. Безъ ея побужденія мы закоренѣли бы въ нечувспвительности, и вся нашаура казалась бы намъ какъ бы погребенною въ смерпной одеждѣ. Сія любовь несравненно самовласпнѣе разума: она предваряешъ его въ нашемъ младенчеспвѣ, обладаетъ имъ въ юности, еспли же въ зрѣломъ охлаждающемъ спраспи возрастѣ и не увлекаешъ насъ насильспвенно къ пріяшному предмету, по крайней мѣрѣ способспвуешъ опдаленію опъ насъ всего, причиняющаго

намъ безпокойства. Надобно только сію любовь, сколь она ни упряма, обратишь къ удовольствіямъ честнымъ и копорыхъ бы не воспрещалъ по меньшей мѣрѣ разумъ, когда онъ не можетъ ихъ одобрять, управлять и руководствовать ими. Таковыя удовольствія чувствъ суть всегда почти мнѣе невинны, очень опасны, не весьма удивительны и почти не нужны.

Что побуждаетъ искать ихъ? суевная и бесполезная разсѣянность, скука, лѣнность и печальное незнаніе чѣмъ заняться. Какой источникъ! какое начало! какое побужденіе! Кпо жъ больше оныя любятъ? сердца уже развращенныя, или копорыя не замѣляютъ бытъ шакowymi: *Ежели сосудъ не чистъ, то все влитое въ него прокисаетъ.* Какъ бы ни чистъ былъ огонь, но когда коснется матерій, расположенныхъ къ воспаленію, то какого не причинитъ опустошенія! Какъ же онымъ предаются?—Сіе всегда почти дѣлается ни по избранію чувствованія, боящагося и недовѣряющаго имъ, ни по тонкости вкуса, желающаго только онымъ предаваться; но скопски, и чтобъ имѣть скорѣе всѣ плоды, подсѣкаютъ

дерево. — Какое же извлекающъ изъ того ушщшеніе? пресыщеніе, слбдующее весьма близко за спремленіемъ къ наслажденію. Ежели удовольствія были прежде извбспны и приготоовлены, то уже лишились своихъ прелестей; ежели же слишкомъ ожидаемы, не приносятъ ничего, кромб скуки. Они уподобляются извбспнымъ плодамъ, для собранія которыхъ попребна одна благовременная минуша. Когда же удовольствія больше занимающъ, нежели забавляющъ, то скоро ими скучающъ; а когда обращаются въ должностъ, спановаясь пягоспны и въ продолженіи вредятъ себб. Скоро одно удовольствіе заспуаетъ мбспо другаго, и когда хощатъ уловить его, оно уже и миновало.

Словомъ, нбтъ ни одного такого чувспвеннаго удовольствія, которое бы не дорого было куплено, хоща бы то было однимъ желаніемъ. Мы никогда сполько ими не скучаемъ, какъ по насыщеніи, а всего удивительнбе и припомб сожалительнбе, что опб сей скуки раждается надобностъ въ другихъ удовольствіяхъ, которыми также наскучиваемъ. Вошб обыкновен-

ное ихъ дѣйствіе! Мы безпокоимся, мучимся, чѣмъ ими насладимся; а весьма не много такихъ удовольствій, кои бы легко доставались. И вопль все воздаяніе за наши заботы къ доставленію себѣ оныхъ? Дѣйствіе ихъ таково, что они слегка покмо касаются души: они не могли въ ней распиться, а оставляютъ въ ней будущее оную жало, которое споль дѣлаетъ ее несною самой себѣ, что потребны другія язвы для причиненія ей новаго безпокойства и скорби. Такимъ образомъ жизнь пропекаетъ въ непрестанномъ прехожденіи отъ удовольствія къ скукѣ, а отъ скуки къ удовольствіямъ, которыя ее вновь производятъ.

Однакожъ я не пребую совершеннаго отверженія всѣхъ чувственныхъ удовольствій. Они сполько же нужны, какъ и пища. Нужда уничижительная, но оживляющая напуру! И такъ не спанемъ отъ нихъ отворачиваться, но будемъ употреблять ихъ умѣренно и оспорожно. Расположенные съ воздержаніемъ бывають гораздо пріятнѣе и чувствительнѣе, но не сполько, какъ душевныя удовольствія,

коихъ не многіе люди ищущъ, хощя и знающъ оныхъ цѣну.

Сіи душевныя удовольствія опѣ насъ единственно зависящъ, понеже они ни къ чему споронному, кромѣ насъ, не прилѣпляются. Они чисны, ибо ни съ чѣмъ не смѣшаны; всегда одинаковы, поелику ни спрахъ ихъ не повреждаетъ, ни опвращеніе за ними не слѣдуетъ; всегда продолжаются, понеже въ одномъ возрастѣ не упошребляются уже во зло пѣ, коими въ другомъ наслаждалися; шаковыя удовольствія находимъ мы въ дружбѣ, въ соспрананіи, въ человѣколюбіи, въ признашельности, въ удаленіи опѣ другихъ удовольствій, въ честности и въ исполненіи нравственныхъ добродѣтелей. Ещяли же хощя одно изъ нихъ шакое, о копоромъ бы возбудяся въ сердцѣ мысль, не могла плѣнись онаго? Каждая имѣетъ напуральную красоту, плѣняющую весь міръ, и копорая, независимо опѣ всякаго ученія и воспішанія, содѣлываетъ оныя пріяшными и уловляетъ привязанность самыхъ швердыхъ и грубыхъ душъ; всякое общеспво находить въ шомъ свою выгоду, а ка-

ждой человѣкъ собственную свою пользу.

Сія статья, по замѣчанію Французскаго Издателя, осталась не докончанною. По крайней мѣрѣ онъ не могъ отыскать ее полною, такъ какъ и послѣдствія Аристова отвѣта на совѣты Дружества.

XXVII.

Отвѣтъ.

На разсужденіе Женевскаго гражданина, удостоенное награжденія опѣ Дижонской Академіи, о томъ, что — *Возстановленіе наукъ и художествъ способствовало ли къ очищенію нравовъ?*

Разсужденіе Женевскаго гражданина содержитъ въ себѣ много чуднаго; а еще чуднѣе покажется, что оно увѣнчано славною Академіею.

Хотѣлъ ли Авторъ утвердить собственное свое мнѣніе, или только желалъ спраннымъ своимъ парадоксомъ повеселить публику; но какъ бы то ни было, для опроверженія его мнѣнія нужно только изслѣдовать его доказательства, поставивъ сокрывша-

го имя свое Автора прошивъ приняыхъ имъ истинъ, и пропивоположивъ его самому себѣ. О когдабъ я могъ, сражаясь съ нимъ собственными его правилами приобрѣсть побѣду его же оружіемъ, и сдѣлать, чпобы онъ воспоржеспвовалъ, проигравъ сраженіе!

Образъ его мыслей возвѣщаетъ добродѣтельное сердце, а способъ писанія извѣяляетъ изощренный умъ: но ежели онъ дѣйствительно соединяетъ науку съ добродѣтелію, и ежели одно (какъ онъ спарается по доказать) не совмѣстно съ другимъ, то какимъ образомъ его ученіе не расшлало его мудроспи, или какъ его мудроспъ не побудила его оспашься въ невѣжеспвѣ? Еспьли онъ хотѣлъ дать преимущество предъ наукою добродѣтели, то для чего съ такимъ стараніемъ выславлять предъ насъ шоліко проспранную и шоль выработанную ученоспъ? Еспьли же напрошивъ предпочипалъ добродѣтели науку, то для чего съ такимъ краснорѣчіемъ проповѣдовашъ намъ послѣднюю въ предосужденіе первой? И шакъ пускай онъ начнешъ прежде согла-

шасть поль спранныя пропировѣчїя, нежели ополчаться пропивъ общїхъ понятїй, и до насупленїя на другихъ, пускай напередъ согласится самъ съ собою.

Не думалъ ли онъ заняшь шѣмъ свой разумъ и блеснуть своимъ воображенїемъ? Въ шакомъ случаѣ не спанемъ ему завидовать въ помъ, что онъ успѣлъ въ своемъ намѣренїи. Но что же тогда должно заключить о его разсужденїи? Не иное, какъ что заключаемъ по проченїи замысловашаго Романа. Вошще сочинитель украшаепъ басни цвѣтами истины; весьма примѣшно, что онъ самъ не вѣришь тому, въ чемъ другихъ убѣдишь спарается.

Что до меня касается, я ополчаясь пропиву мнѣнїя, кошораго утвердишь не возможно, не ласкаюсь ни довольною способностїю, чтобъ опасаться чего либо въ предосужденїе моихъ нравовъ, ни довольною добродѣтелию, чтобъ могъ спспавлянь ее въ великую честь моему невѣжеству, а спараюсь единспвенно о пользѣ истины. Авторъ найдешъ во мнѣ

безпристрастнаго противника, и я даже думаю симъ нападеніемъ заслужить себѣ что-либо отъ него въ семъ сраженіи, предполагая себѣ цѣлю покло примиреніе его ума съ его сердцемъ и доставленіе себѣ удовольствія раскрыть въ душѣ его шѣ познанія, коимъ удивляюсь, соединенныя съ шѣми добродѣтелями, копорыя люблю.

Часть первая.

Науки споспѣшествуюшѣ къ познанію истины, добра и пользы во всякомъ родѣ:—познаніе драгоценное, ибо оно просвѣщая умы, должно естественнo способствовать очищенію нравовъ.

Истину сего предложенія нужно только предсавить, чтобъ ей повѣрили; почему и не стану доказывать оную, а постараюсь только опровергнуть хитрѣя лжеумствования того, который дерзаетъ противъ ее ополчаться.

При вступленіи въ разсужденіе Авторъ представляетъ предъ очи

наши наипрекраснѣйшее зрѣлище! Онѣ изображаетъ челоѣка въ борбѣ, пакъ сказаць, съ самимъ собою, выходящаго нѣкопорымъ образомъ изъ ничпожнаго своего невѣжества, разсѣяющаго усилями разума тѣ мраки, въ кои облекла его напура, возносящагося умомъ даже въ высочайшія сферы небесныхъ спранъ, подвергающаго вычисленію своему движенія звѣздъ, и измѣряющаго своимъ компасомъ обширное пространство вселенныя; потомъ вступающаго во основаніе своего сердца и дающаго самому себѣ отчетъ о напурѣ души своея, о превосходномъ и превысокомъ своемъ назначеніи.

Подобное признаніе, испоргнутое истиною, коль почпипительно для наукъ! Коль изящно открываетъ оно ихъ нужду и выгоды! Коль много споило Авипору принудить себя здѣлать сіе признаніе, а еще болѣе отрещись отъ него!

Напура, говоритъ онѣ, сама собою довольно прекрасна; она чрезъ украшеніе полько перяетъ: щаспливы тѣ люди, присовокупляетъ онѣ, копорые умѣютъ пользоваться ея дарами, не познавая ихъ! Они единспвен-

Часть 2.

Р

но простоиѣ ума своего обязаны непорочною нравовѣ своихѣ. Прекрасная нравственностъ, выдаваемая здѣсь хулипелемѣ наукѣ и защитникомѣ нравовѣ! Кто бы ожидалѣ, чтобѣ подобное разсужденіе долженствовало быти послѣдствіемѣ правилѣ, имѣ пошановляемыхѣ?

Напура, безѣ сомнѣнія, прекрасна сама по себѣ: но разѣ ученые мужи упомребляютѣ свои изслѣдванія не на отккрытіе красотѣ, не на проицаніе шайнствѣ, не на обнаруживаніе ея дѣйствій? Для чего предспавлено глазѣ нашимѣ пошко проспранное поле? Умѣ, сотворенный для обзорѣнія ея пошко слегка, но кошорый вѣ семѣ упражненіи, споль доспойномѣ его дѣятельности, приобрѣшаетѣ большую силу и проспранство; умѣ, говорю, долженѣ ли ограничиватѣся нѣкошорыми скоропреходящими поняпїями, или безумнымѣ удивленіемѣ? Меньше ли чиспы будутѣ нравы, еспыли разумѣ здѣлаешя просвѣщеніе, и по мѣрѣ, какѣ свѣпильникѣ, данный намѣ вѣ руководство, умножитѣ свѣтѣ, пупь нашѣ меньше ли будетѣ удобенѣ, и не уже ли спруднѣ шога сыскапѣ

и держаться его? Къ чему послужатъ всѣ дарованія, данныя отъ Творца человѣку, ежели онъ, ограничась органическими покомъ чувствъ своихъ должностями, не въ состояніи будетъ изслѣдовать того, что видитъ, рассуждать о томъ, что слышитъ, различать обоняніемъ иль отношенія, кои имѣютъ къ нему внѣшніе предметы, недостигаютъ зрѣнія дополняютъ осязаніемъ и судятъ по вкусу о полезномъ и вредномъ? Безъ просвѣщающаго и направляющаго насъ разума, будучи смѣшаны со скопами, управляемы естественнымъ побужденіемъ, не здѣлались ли бы мы очень скоро имъ подобны по нашимъ дѣйствіямъ такъ, какъ уже мы таковыми по нашимъ нуждамъ? Помощію покомъ размышленія и ученія, можемъ мы достигать къ правильному употребленію осязательныхъ вещей, зрѣнію нашему подлежащихъ; поправлять заблужденія нашихъ чувствъ, подчинять тѣло владычеству разума, руководствовать душу, сіе духовное и безсмертное существо къ познанію должностей и конца своего.

Понеже Авторъ старается огласить науки наипаче по дѣйствіямъ ихъ

на нравы; по въ опроверженіе столь ложнаго обвиненія долженъ бы я польско сказашъ, какія выгоды доставляющѣ они обществу: но кто можетъ подробно повѣдать безчисленныя блага, ими оному доставляемыя, и пѣ удовольствія, кои они въ немъ разливаютъ? Чѣмъ больше науки въ Государствѣ удобряются, тѣмъ паче оно процвѣтаетъ; безъ нихъ все ослабѣваетъ.

Чѣмъ не обязанъ имъ художникъ за все то, что прудамъ его придаетъ красоту, правильность, соразмѣрность и совершенство; земледѣлецъ за различныя средства, коими онъ принуждаетъ землю плапипъ ожидаемую имъ дань за пруды свои; медикъ за открытіе болѣзней и приличныхъ лѣкарствъ; судія за разобраніе ухищреній алчности отъ проспой невинности и за справедливое рѣшеніе дѣлъ о имѣніи и жизни челоѣковъ? Каждый гражданинъ, кто бы онъ таковъ ни былъ, имѣетъ свои должности; какъ же бы возможно было ему исполнять ихъ, не познавъ оныхъ? Какимъ образомъ могли бы предуставленные къ правленію Государства содержать въ немъ

порядокъ , подчиненность , безопасность , изобиліе , не зная исторіи , политики и Религіи?

Врожденное чловѣку любопытство внушаетъ ему желаніе учиться; нужды заставляють чувствоватъ въ помѣ необходимость , обязанности къ кому обязываютъ , а успѣхи дають ему чувствоватъ происходящее отъ того удовольствіе . Первыя открытія умножаютъ жадность его къ познанію: а чѣмъ больше онъ познаетъ , тѣмъ болѣе чувствуетъ надобности въ познаніяхъ , и чѣмъ больше спяжываетъ знаній , тѣмъ способнѣйшимъ становится къ дѣланію добра .

Не уже ли не испыталъ сего самъ Женевскій гражданинъ? Оспережемся въришь въ помѣ его скромности: онъ мнитъ , что люди были бы добродѣтельныѣ , если бы менѣе были знающіи . Науки , говоритъ онъ , научаютъ насъ познаватъ зло; и восклицаетъ: коликихъ бы пресупленій не знали мы безъ нихъ! Но развѣ незнаніе порока есть добродѣтель? Развѣ не знаемъ зла , есть дѣлатъ добро? И ежели воздержаніе отъ онаго , по одному незнанію , называетъ онъ добродѣтелію ,

по крайней мѣрѣ пусть согласится, что сего нельзя починать великою заслугою; что чрезъ сіе подвергаемся мы опасности не быть на долго добродѣтельными, а только до пѣхъ поръ, пока нѣкоторый предметъ поощритъ натуральныя склонности, или нѣкоторый случай возбудитъ усыпленныя страсти. Мнѣ кажется, я вижу ложнаго храбреца, который храбрится тогда, когда нѣтъ непріятелей, но коль скоро непріятель появился и надобно защищаться, по отважности у него недоспаетъ и мужество исчезаетъ. Ежели науки научаютъ насъ познавать болѣзнь, то научаютъ также познавать для нее и лѣкарство. Искусному боцанику не трудно различить цѣлебныя травы отъ ядовитыхъ, между пѣмъ, какъ простой народъ, не зная ни силы однихъ, ни яда другихъ, топчетъ ихъ безъ различія, или срываетъ безъ разбора. Просвѣщенный науками человекъ во множествѣ представляющихся ему предметовъ отличаетъ заслуживающее его вниманіе или отвращеніе; — онъ находитъ въ безобразіи порока и въ смущеніяхъ, за онымъ слѣдующихъ; въ

прелестяхъ добродѣтели и въ сопровождающемъ оную спокойствіи, находящій, говорю, то, на чемъ основать уваженіе и склонность свою къ одной, а отвращеніе и презрѣніе къ другому. Онъ мудръ по выбору и добродѣтеленъ основательно.

Но скажутъ: есть такія спраны, гдѣ безъ науки, безъ ученія, безъ подробнаго познанія правилъ нравственности, исполняютъ оную гораздо лучше, нежели въ другихъ, гдѣ ее больше знаютъ, больше хвалятъ и несравненно болѣе ей научаютъ.— Не изслѣдывая здѣсь, по всей строгости, дѣлаемыхъ часто сравненій нашихъ нравовъ съ древними, или чужеземными; сравненій ненавистныхъ, въ которыхъ вмѣшиваются не столько усердія и справедливости, сколько зависти противу соотечичей и желчи противъ современниковъ; не должно ли сего различія, замѣчаемаго иногда въ нравахъ, разныхъ спранахъ и временахъ, приписывать климату, темпераменту, недостатку случаевъ и предметовъ, экономіи правительсва, обычаемъ, законамъ и разнымъ другимъ причинамъ, а не наукамъ?—Воспоминаешь непрестанно пер-

воначальную, полико выхваляемую про-
 спопу, представлять ее всегда себѣ
 какъ неразлучную спутницу невинно-
 сти, не есть ли начерпавашъ въ поня-
 тии мечпашельное покло изображение
 для собственнаго своего заблужденія?
 Видали ли когда гдѣ людей безъ недо-
 статковъ, безъ желаній, безъ спра-
 сшей? Не носимъ ли мы въ себѣ кор-
 ня всѣхъ пороковъ? И ежели были
 времена, ежели суть еще пакіе кли-
 мапы, въ копорыхъ нѣкія пресупле-
 нія не вѣдомы, по не видимъ ли мы
 шамо другихъ неуспройствъ? Не усма-
 приваемъ ли гораздо еще чудовищнѣй-
 шихъ у тѣхъ народовъ, коихъ глу-
 посъ полико превозносятся? Поели-
 ку злопо не искусило еще ихъ жадно-
 сти, понеже почести не возбуждаютъ
 въ нихъ честполюбія, по меньше ли извѣ-
 стна имъ гордосъ и несправедли-
 восъ? Менше ли они преданы гнусной
 зависти, меньше ли одержимы яростію
 мщенія? Грубыя ихъ чувства чужды
 ли влеченія къ умѣхамъ? И до какихъ
 крайностей не проспирается похотѣ-
 ніе, не имѣющее ни правила ни обу-
 зданія? Но когда бы въ сихъ дикихъ
 сшранахъ и меньше было пресупле-

ній, нежели въ извѣстныхъ благоустроенныхъ Государствахъ, по находились ли тамъ сколько добродѣтелей? Наипаче же видимы ли тамо сіи превосходныя добродѣтели, сія чистота нравовъ, сіе великодушное безкорыстіе, и сіи вышестепенныя дѣянія, копорыя порождаетъ Религія?

Толикое множество великихъ мужей, защищавшихъ ее своими сочиненіями, заспалявшихъ нравами своими ей удивляться, не въ ученіи ли почерпнули сіе превосходное просвѣщеніе, копорое воспоржеспвовало надъ заблужденіями и пороками? Ложное остроуміе и высокоумное невѣжество порождаетъ сомнѣнія и предразсудки; гордость и упрямство производятъ расколы и ереси, а Пирронизмъ и невѣріе благопріятспвуютъ независимости, возмущенію, мяшежу, спраспамъ и всѣмъ злодѣяніямъ. Таковыя пропивники дѣлаютъ честь Религіи: чтобъ ихъ побѣдити, нужно только ей показаться. Она одна въ соспоаніи ихъ постыдится; она спрашитъ только того, чпо не довольно будетъ познана, и ей надобно шокмо, чтобы кто въ нее углубился, дабы заспавилъ ува-

жасть себя: сколь скоро ее познають, по и возлюбяють. По мѣрѣ глубочайшаго ея изслѣдованія находятъ новыя побужденія къ вѣрованію и новыя средства къ исполненію ея. Чѣмъ больше Христіанинъ изслѣдываетъ подлинность ея правъ, тѣмъ паче обезпечивается въ снѣжаніи вѣрованія своего: чѣмъ больше изучается откровенію, тѣмъ паче укрѣпляется въ вѣрѣ. Онъ открываетъ въ Божественныхъ писаніяхъ начало и превосходство ея. Въ ученыхъ сочиненіяхъ Церковныхъ Отцевъ онъ слѣдуетъ опѣ вѣка въ вѣкъ ея распространенію, а въ нравственныхъ книгахъ и лѣтописяхъ Святыхъ видитъ примѣры и щцашельно имъ подражаетъ.

Какъ! невѣжество похититъ у Религіи и добродѣтели столь чиспый свѣтъ, столь сильную подпору! И ученый Женевецъ будетъ сей самой Религіи присвоять поврежденіе нравовъ!— Можно бы еще болѣе удивиться, слыша столь странное ученіе, еспли бы не знали мы, что опмѣнность всякой системы, какъ бы опасна она ни была, есть новое доказательство для того, что имѣетъ правиломъ собственныи

свой разумъ. Для всѣхъ добрыхъ людей изученіе Религіи естъ непреложный успавъ благонаравія. Скажу больше: самое изученіе натуры спомоще-спивуетъ возвышенію чувствъ и къ направленію поступокъ; оно натурально ведетъ къ удивленію, къ любленію, къ благодарности, къ покорности, каковою всякая разумная душа почитаетъ себя обязанною Всемогущему. Аспрономъ, въ правильномъ печеніи неизмѣримыхъ круговъ (сферъ), обращающихся надъ нашими головами, открываетъ безконечное Всемогущество: Геометръ, въ точной соразмѣрности всѣхъ составляющихъ вселенную часпей, примѣчаетъ дѣйствіе безпредѣльнаго Разума. Физикъ, въ перемѣнѣ временъ, въ связи причинъ съ дѣйствіями, въ прозябеніи сажденій, въ организаціи живопныхъ, въ поспоянной единообразности и удивительномъ измѣненіи разныхъ натуральныхъ явленій; Физикъ, говорю, не можетъ не признавъ Творца, Хранителя, Судии и Господа.

Отъ сихъ размышленій истинный Философъ, снисходя къ практическимъ послѣдствіямъ, и входя въ самага себя

по суешномѣ исканіи во всѣхъ окружающихъ его предметахъ сего совершеннаго щасія, котораго непрестанно жалаеть, и не находя на землѣ ничего соопвѣтствующаго безпредѣльнымъ своимъ желаніямъ, чувствуетъ, что онъ сотворенъ для чего либо величайшаго, нежели все сотворенное: почему естественнo обращается къ первому началу и послѣднему концу своему. Блаженъ бы онъ былъ, еспли бы повинуюся благодаши, научился не искапъ болѣ нигдѣ сердечнаго благополучія, какъ въ обладаніи Богомъ своимъ!

Часть вторая.

Здѣсь безвмианный сочинитель самъ собою подаеть намъ примѣръ того злоупотребленія, каковое можно дѣлать изъ ученія и вліянія предрасудковъ на разумъ. Онъ роется въ самыхъ опдаленныхъ вѣкахъ и восходитъ до самой глубокой древности: испощевается въ разсужденіяхъ и изысканіяхъ, могущихъ подкрѣпить его мнѣніе. Приводитъ сви-

дѣтелей, приписывающихъ наукамъ и художествамъ паденіе Царствъ и Имперій. Укоряетъ ученыхъ и художниковъ роскошію и нѣгою, обыкновенными источниками наиспраннѣйшихъ церемоній.

Но Египетъ, Греція, Римская Республика, Китайская Имперія, кои держатъ онѣ приводить во свидѣтельство въ пользу невѣжества, въ презрѣніе наукъ и въ предосужденіе нравовъ, должны были привести ему на память сихъ славныхъ законодавцевъ, которые обширными своими познаніями просвѣтили, а мудрыми своими законами устроили сіи великія Государства, положили первыя имѣ основанія; сихъ знаменитыхъ Орашоровъ, подкрѣпившихъ побѣдительною силою высокаго своего краснорѣчія склонность ихъ къ паденію; сихъ Философовъ, сихъ мудрецовъ, которые учеными своими писаніями и нравственными добродѣтелями прославили свое отечество и учинили имя свое безсмертнымъ.

Какое множество блистательныхъ примѣровъ могъ бы я противоположить не большому числу пѣхъ державныхъ сочинителей, коихъ онѣ

привелъ въ доказательство! Мнѣ бы надлежало только раскрыть лѣтописи міра. Сколь многими неоспоримыми свидѣтельствами, священными памятниками, безсмертными твореніями Исторія утверждаетъ, что науки вездѣ споспѣшествовали блаженству человѣковъ, славѣ Государствъ, поряжеству добродѣтели!

Нѣтъ, не отъ наукъ, но въ нѣдрѣ богатства порождались всегда нѣга и роскошь; и ни въ какое время богатство не было обыкновеннымъ удѣломъ ученыхъ мужей. На одного Платона, изобиловавшего богатствомъ, и одного Аристиппа, бывшего въ довѣренности при дворѣ, сколько начнемъ мы Философовъ, имѣвшихъ одну епанчу и суму, и облеченныхъ одною шкмо добродѣтелию и неизвѣстныхъ въ своихъ убожествахъ! Сколь Гомеровъ, Діогеновъ, Эпиктеповъ и Эзоповъ въ нищетѣ! Ученые люди не имѣютъ ни склонности, ни досугу къ собранію великихъ сокровищъ. Они любятъ ученіе, живутъ въ посредственности; прудолюбивая и умѣренная жизнь, провождаемая въ тихомъ уединеніи и занятая чтеніемъ и ра-

бопою, дѣйствительно не можетъ назваться роскошною и развратною жизнію. Жипейскія выгоды хопя часто бывають плодомъ художествъ, но рѣдко удѣломъ художниковъ. Они прудящя единственно для богатыхъ, и праздные только богачи пользуются и употребляютъ во зло плоды ихъ прилѣжанія.

Самыя хваляемыя дѣйствія наукъ и художествъ, продолжаетъ Авторъ, есть введеніе между людьми учтивости, которую угодно ему смѣшивать съ хипростию и лицемѣріемъ: учтивость, по мнѣнію его, служить единственно къ сокрытію недоспаковъ и пороковъ. Такъ развѣ хочетъ онъ, чтобы порокъ былъ явенъ, съ безпорядкомъ соединена была неблагоприспойность и соблазнъ съ преспуленіемъ? Ежели бы и дѣйствительно сія учтивость въ обращеніи была ни что иное, какъ упонченіе самолюбія для закрытія слабостей; то и тогда не было ли бы для общесства полезно, что порочный человекъ не дерзалъ бы показываться въ ономъ шаковымъ, каковъ есть, и былъ бы принужденъ занимать одежду благо-

пристойности и скромности? Уже сказано и есть справедливо, что сколь ни гнушно само по себѣ лицемеріе, однакожъ оно есть дань, воздаемая порокомъ добродѣтели. По крайней мѣрѣ оно предохраняетъ слабыя души отъ заразы худаго примѣра.

Но это значитъ худо знать ученыхъ, когда присвоить имъ довѣренность, каковую имѣетъ въ мірѣ сія мнимая и скрыпностію почишаемая учивосишь. Можно быть учивымъ, не будучи скрыпнымъ человекомъ: можно на вѣрное быть шѣмъ и другимъ, не бывъ весьма ученымъ; и что гораздо обыкновеннѣе, можно быть очень ученымъ, не будучи слишкомъ вѣжливымъ.

Любовь къ уединенію, склонность къ книгамъ, малое желаніе казаться въ пакъ называемомъ большомъ свѣтѣ, не великое расположеніе входить въ оный съ пріятностію, худая надежда тамъ понравиться и блистать, неразлучная скука при пустыхъ и почти несносныхъ разговорахъ для умовъ, привыкшихъ мыслишь, все способствуетъ къ тому, чтобъ ученымъ сполько же казались спранными хоро-

шія бесѣды, сколько они сами кажутся спранны для оныхъ. Какую фигуру можетъ въ ихъ кругу представлять ученый мужъ? Взгляни на задумчивый его видъ, на частыя разсѣянія, на занятый его разумъ, на выученныя изъясненія, на нравоучительные разговоры, на глубокое его незнаніе введенныхъ вездѣ модъ и самыхъ общихъ обыкновений: то по смѣшному въ немъ самомъ, и что онъ само находилъ, по отвращенію и пропивности, имъ встречаемой и отъ него другимъ причиняемой, увидишь, что онъ скучаетъ самъ и другимъ наводитъ скуку. Онъ выходитъ опшуда не весьма довольнымъ, но за то прочіе бывающъ довольнѣе, что онъ ихъ оставилъ. Онъ внутренно порочилъ всѣхъ, имъ оставленныхъ, а они безззорно смѣются надъ опходящимъ: и между тѣмъ, какъ сей сѣпуетъ о ихъ порокахъ, они издѣваются надъ его недоспашками. Но послѣ всего, всѣ оныя недоспашки въ разсужденіи нравовъ сущъ маловажны, и симъ-то можетъ быть недоспашкамъ не одинъ ученый мужъ обязанъ тѣмъ, что онъ не такъ пороченъ, какъ тѣ, которые его оуждаютъ.

Часть 2.

С

До воцаренія наукъ и художествъ, присовокупляеиъ Авпоръ, видѣли мы пространнѣйшія Имперіи, быспрѣйшія завоеванія славнѣйшихъ воиновъ.— Естли бы онъ говорилъ, не какъ Орапоръ, но какъ Философъ; по могъ бы сказаць, что тогда видѣли мы гораздо больше сихъ дерзновенныхъ мужей, кои одержимы будучи насильственными спрасьями, и влача за собою полпу рабовъ, нападали на мирные народы, покоряли не знавшихъ военнаго ремесла, порабощали пакія спраны, въ которыхъ науки не воздвигли никакой преграды проивъ нечаянныхъ ихъ набѣговъ; ихъ храбрость было одно шокмо звѣрство, мужество жестокость, завоеванія безчеловѣчіе. Это были бурные попоки, которые пѣмъ вящее причиняли раззореніе, что не вспрѣчалось имъ ни малѣйшихъ препяшствій. Едва только они выспунали, какъ уже и не оспавалось ничего послѣ нихъ, кромѣ слѣдовъ ярости ихъ. Никакая форма правленія, никакой законъ, никакое благоуспройство, никакой узелъ не удерживалъ и не соединялъ съ ними побѣжденныхъ народовъ.

Пусть же сравняюшъ сіи времена невѣжества и варварства съ оными щасливыми вѣками, въ копорые науки разліяли повсюду духъ порядка и справедливости! Мы видимъ въ наши дни не столько частыя, но гораздо основательнѣйшія брани; дѣйствія меньше дивныя, но гораздо мужественнѣйшія; побѣды не такъ кровопролитныя, но славнѣйшія; завоезанія не очень быстрыя, но надежнѣйшія; оруженосцевъ не столько жестокихъ, но спрашнѣйшихъ, умбющихъ побѣждаютъ съ умбренностію и поступаютъ челоѡколюбно съ побѣжденными: честь служивъ имъ вождемъ, а слава воздаяніемъ.— Однакожъ, говоритъ Сочинитель, великое замѣчается въ сраженіяхъ различіе между бѣдными народами, коихъ называютъ варварами, и богатыми, копорыхъ именуютъ благоустроенными. Весьма примѣпно, что Женевскій гражданинъ никогда не видалъ того вблизи, что обыкновенно случается въ сраженіяхъ. Удивительно ли, что варвары меньше себя щадятъ и больше подвергаются опасности? Побѣдятъ ли они, или будутъ побѣждены, они ничего не проигрываютъ, ешльи

только оспанутся живы по своемъ разбиши. Но что симъ кровожадующимъ людямъ внушаетъ чаяніе гнусной корыспи, или паче звѣрское опчаяніе, то въ мужественныхъ душахъ возбуждающъ чувствованія и обязанности, коими они почитаютъ себя обязанными своему опечеству, съ такимъ еще различіемъ, котораго Авторъ не могъ замѣтитъ, что мужество сихъ послѣднихъ, будучи хладнокровнѣе, разсмотрительнѣе, воздержнѣе, искуснѣе чрезъ то самое бываетъ всегда надежнѣе въ успѣхахъ своихъ.

Но наконецъ Сократъ, самъ знаменитый Сократъ, воспавалъ противъ наукъ въ свое время. . . . Должно ли шому удивляться? Не обузданная гордость Спокковъ, женоподобная нѣга Эпикурейцовъ, мелкія умствованія Пиррониковъ; склонность къ словопрѣнію, суешныя понкости, безчисленныя заблужденія, безмѣрные пороки, заразили тогдашнюю Философію и обезчестили Философовъ. Слѣдовательно не самыя науки, но злоупотребленіе наукъ оуждалъ сей великій человекъ, да и мы за нимъ оное осуждаемъ: но злоупотребленіе какой ни-

будь вещи предполагаешъ и то доброе употребленіе, какое можно изъ нея здѣлать. — Да и что во зло не употребляется? На примѣрѣ, самъ безъимянный Сочинитель употребилъ однажды обиліе разума и легкомысліе пера своего на защищеніе худаго дѣла; должно ли же ему оное запрещать въ другихъ случаяхъ и для другихъ предметовъ, достойнѣйшихъ его дарованія? Для поправленія нѣкоторыхъ невоздержанія пороковъ должно ли испортать всѣ виноградныя лозы? Пиянство разума повергло нѣкоторыхъ ученыхъ мужей въ спранныя заблужденія, я въ томъ согласенъ, и о томъ сожалѣю. — По разсужденіямъ нѣкоторыхъ, а въ писаніяхъ другихъ, Религія превращена въ лицемѣріе, благочестіе въ суевѣріе, Богословія въ заблужденіе, Юриспруденція въ крючкотворство, Астрономія въ науку предсказанія, Физика въ безбожіе. Человѣческій разумъ, ставшій игрушкою самыхъ вздорныхъ предразсудковъ, привязанный къ самымъ нелѣпымъ мнѣніямъ, ослабленный наибезумнѣйшими системами; разумъ, говорю, человѣческій въ какія не вдаешся крайности, когда по

высокомѣрному своему любопытству хочеть пресупить границы, назначенныя ему шюю же рукою, копорая предположила предѣлы морю! Но вопще волны его ревуть, воздымаются, ударяются съ яростію о пропивоположенныя ему берега: принуждены будучи возвратиться немедленно вспяшь, они вспуаюпѣ въ нѣдра Океана, и кромѣ не большой пѣны, въ мигѣ исчезающей парами, ничего больше по себѣ не оставляюпѣ, или какѣ зыблющійся песокъ скользяпѣ подѣ нашими ногами.

Се естѣ натуральное изображеніе щещныхѣ усилій разума, когда онѣ, будучи разгоряченѣ выскочками господствующаго воображенія, и попуская увлекапѣ себя всякому вѣпру ученія, хочеть дерзновеннымѣ полешомѣ возвыситься превыше своей сферы, и стараеця проникнуть по, чего не дано ему разумѣпѣ.

Науки же не только подобнаго излишества не дозволяюпѣ, но и преисполнены опвергающихѣ оное правилѣ; и прямо ученый мужѣ, не шерающій никогда свѣпильника опкровенія, служащаго всегда непогрѣши-

пелнымъ руководителемъ къ законной власпи, поспушаетъ безопасно, шествуетъ надежно, приближается къ поприщу наукъ большими шагами, дѣлается обществу полезнымъ, приноситъ мечь своему опечесству, печеніе своей жизни совершаетъ въ невинности и оканчиваетъ оную со славою.

XXVIII.

Разсужденіе,

Въ которомъ показывается, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ упадка въ нашемъ вѣкѣ наукъ есть та, что большая часть упражняющихся въ нихъ предполагаетъ въ себѣ больше дарованій, нежели имѣютъ, и что обыкновенно самыя дарованія весьма худо соглашаются съ качествами ихъ разума.

Ежели по правда, что знаніе никогда сполько не было уважено, ни поспребныя къ тому дарованія сподико удобрены и часты, какъ въ нашемъ вѣкѣ; по опъ чего происходитъ, что наши познанія такъ еще ограничены, и

мы не можемъ возвыситься до шѣхъ, до коихъ весьма нужно намъ достигать, и къ копорымъ, по нашей суешности, мы уже достигшими себя почитаемъ?

Разсуждая, о состояніи наукъ прежде возрожденія ихъ, не удивительно, что онѣ отъ однихъ были не уважаемы, а отъ другихъ по большей части презираемы. Суевѣріе, порождаемое невѣжесствомъ, и копорое также въ свою очередь само оное производило, отдавало предковъ нашихъ отъ всего того, что только могло распространить или усовершенствовать остроуміе съ дарованіями; съ другой стороны спрое надмѣніе, внушаемое спрастію къ оружію, заставляло ихъ почитать дѣломъ недостойнымъ, смѣшивать какія либо другія лавры съ шѣми, кои пожинали они случайно въ опасныхъ произшествіяхъ, и науки тогда не имѣли никакой для нихъ прелести. Самыя высокія произведенія ихъ состояли въ романическихъ лѣтописяхъ, въ житіяхъ Рыцарей, преисполненныхъ ложными чудесностями, и исключая нѣкопорыхъ пусшынниковъ, мучащихся своею драз-

дностію, не многіе занимались сего рода ученіемъ.

Число упражнявшихся въ словесности гораздо увеличилось, когда Виссаріоны, Ласкаріхисы и многіе другіе Греки, принесли намъ хорошіе образцы, открыли источники изящнаго вкуса: но понеже для спяжанія онаго надлежало начинатьъ изученіемъ неизвѣстныхъ правилъ, сводить и сравнивать мѣста, познавать точное свойство значенія рѣчей, и научаясь оныя располагать, спораться прежде, чѣмъ сказать, начерпывать, нежели писать; по многіе изъ нашихъ предковъ, по оспашку Гописческой нечувствительности, обратились отъ сихъ мѣлочныхъ, хотя и необходимыхъ подробностей; и исключая нѣсколькихъ умовъ, предавшихся упражненію въ словесности какъ бы по врожденному побужденію, большая часть не уважила прекраснаго разцвѣтающаго дня. Они видѣли токмо слабый свѣтъ, и имъ трудно было отличить его отъ тѣней предшествовавшей ночи, и о копорыхъ они можетъ быть сожалѣли.

По прошествіи многаго уже времени и въ концѣ предъпоследняго

сполѣтїя, при приращенїи щасливаго просвѣщенїя, познали цѣну словесныхъ наукъ, и пѣмъ болѣе спали ихъ уважать, чѣмъ медленнѣе и боязливѣе приближались они къ совершенству.

Тогда-то, по спремленїю къ вѣщшему успѣху, восхопѣли взойпи къ самымъ источникамъ изящнаго, открышь сѣмена и ходъ понятїй, познашь ихъ сходство и отношенїя, научись оныя соединять, пишаць одни другими, и посредствомъ сдѣленїя придаваць имъ большую силу и блескъ, каковыхъ не получили они опѣ воображенїя, привыкшаго собираць ихъ вкучу безъ выбора и порядка. Тогда-то умъ съ дарованїями дерзнулъ успремиться опѣ предѣловъ искусства въ самыя нѣдра напуры, для лучшаго ея поспиженїя; и къ простѣлымъ начертанїямъ карандаша, коими занимался долгое время, присоединилъ прїяпность цвѣсовъ и всю силу кисти, преисполненной жара и жизни.

Однакожъ мы должны признацься, что не взирая на высокую славу, до какой доспигли науки, онѣ вообще никогда сполько не были почиаемы

и удобряемы, какъ въ наше время. Прежде вельможи и богачи ихъ не уважали; Меценаты, любившіе оныя, были рѣдки: и Августы, коихъ прославляли онѣ побѣды, взирали на нихъ съ улыбкою издалека.

Но въ наше время инако съ ними обращаются. Ихъ и памо даже уважающъ, гдѣ онѣ не имѣли ни почестей, ни Алпарей. Приносящъ имъ жертву въ черпогахъ, въ свящилищѣ, среди военнаго спана и усамыхъ пресполовъ. Въ самыхъ блиспапельныхъ собраніяхъ, не смотря на пышность достоинствъ и знапность рода, онѣ сближающъ состоянія, и можно сказать, что разумъ сдѣлался для насъ какъ бы новымъ образомъ сущеспвоанія и удовольствія. Подобно, какъ во времена древней Греціи Философспвовали въ садахъ, въ порпикахъ, въ баняхъ и въ публичныхъ празднеспвахъ, такъ и нынѣ вездѣ почпни говорящъ о знаніи и словесности. Ежели одни любящъ ихъ по вкусу, то всѣ прочіе занимающъ ими по модѣ. Такимъ образомъ мы видимъ толпу молодыхъ людей, едва только вышедшихъ изъ училища, копорые вы-

спавя знамя оспроумія, и не имѣя, пакѣ сказаць, никакого сами по себѣ существованія, хопящѣ писать и разсуждаць, дабы подумали, что они существуютъ.

Отѣ сего происходитъ оное наводненіе сочиненій всякаго рода: но какой недоспапокѣ въ сей изобильной жащѣ! Разумѣ распроспраняется, но, кажепся, приобрѣлъ онѣ одну поверхность за щепѣ своей глубины и швердоспи. Исключа нѣсколькo сочиненій о Натуральной исторіи, Полиптикѣ и Коммерціи, служащихъ въ честь нашему вѣку, какова большая частѣ изѣ шѣхъ, кои мы называемъ швореніями разума? И какая разность въ образѣ нашего писанія съ писаніями непосредственныхъ нашихъ предшеспвенниковъ?

Сіе не пошому, чтобѣ мы не имѣли пакже, какѣ они, плодовишоспи, порядка, чувшпованія, высокоспи и почноспи; но мы сокровища свои распочаемъ, а они упошребляли ихъ съ мудрою бережливостію. Мысли наши испинны; но мы обыкновенно спараясь перечищатъ и дѣлатъ живѣйшими блески разума, ихъ помрачаемъ. Мы предпочищаемъ мужеспвеннымъ

и натуральнымъ красотамъ замысловатыя мнѣнія, раскрашенныя изображенія, игры разума и понятій, оспрошанія копорыхъ превращаея въ изученную понкоспъ, удивляющую единственною пѣмъ, что она предсказываетъ по догадкѣ, чего не извѣщаетъ. Красоты нашихъ предшественниковъ были мужественны и сильны, а наши нѣсколько больше имѣютъ пѣлесности (красоты) и цвѣтовъ. Словомъ, вкусъ къ понкоспи погашаетъ нынѣ дарованіе, и наше искусство сухо бываетъ опъ того, что слишкомъ выработывается.

Опъ чего же, при такомъ уваженіи и любленіи словесныхъ наукъ, онѣ не имѣютъ еще у насъ такого успѣха, какого бы надлежало надѣяться? Думаю, что причиною сего надмѣнное ослѣпленіе, производящее, что мы предполагаемъ въ себѣ такія дарованія, какихъ не имѣемъ, и что часно самыя дарованія весьма не сходствуютъ съ полученнымъ опъ напуры разумомъ.

Правда, что сіе надмѣніе было во всѣ времена весьма обыкновенно даже самымъ искуснѣйшимъ Писателямъ; но кажется, что никогда таково не быва-

ло, какъ нынѣ. Истинно также, и я не скрываю того, что нѣтъ ничего противоположнаго приращенію изящныхъ наукъ, какъ не приличная робость опнимающая охолпу, и что безъ нѣкоторой самонадежности, предвѣщающей успѣхъ, дарованія принижаются; но безъ сомнѣнія согласяюсь со мною, что сія самонадежность должна быть разсудительна и не перерождается въ безспрашное доброе о себѣ мнѣніе. Попустимъ, когда надобно, словесникамъ нашимъ нѣсколько высокомерія; можетъ быть необходимаго для возбужденія ихъ къ работѣ и для удобнѣйшаго сношенія труда; но не спанемъ подкрѣплять въ нихъ на все дерзающаго и заблуждающаго самолюбія и котораго проповоротству нашуръ, бесплодно превозносятся не полученными отъ нея дарованіями, принужденными и вздорными сочиненіями повреждаетъ вкусъ, нарушаетъ правила и величайшія причиняетъ препяшствія успѣхамъ разума.

Не можемъ ли мы сказать, что науки уподобляются нынѣ шѣмъ оруженосцамъ, которыхъ храбрость превращается въ дерзновеніе; и что симъ не споль обыкновенно желать опли-

чипсья подвигами, силы ихъ превосходящими, какъ онымъ предавапсья ученію, превышающему ихъ дарованія? Но кто большее заслуживаетъ осужденіе? Писатель ли, не сомнѣвающейся о ограниченности своего ума, и дающій ему бѣдственное, и по крайней мѣрѣ бесполезное пареніе, или военный человекъ, котораго дерзость, коль ни безразсудна, удаеся иногда по сему излишнему дерзновенію, или по распоропности, призванной имъ въ помощь безумной своей запальчивости?

Дерзновеніе Писателя пѣмъ непроспипельнѣе, что для его соспоянія, такъ какъ и для всѣхъ другихъ въ жизни, поспребно нѣкотораго рода призваніе, и что спраннѣе, но припомъ и не обходимѣе, призваніе особое для каждой науки, къ какой онъ хочетъ прилѣпиться. Когда же сіе не ложно, то можно себѣ вообразить, что великое поспребно избраніе, ежели споль важно измѣрять предпріяпія съ своими силами, и очень нужно различать наспояція свои дарованія отъ пѣхъ, кои мы въ себѣ спокмо предполагаемъ.

Въ самомъ дѣлѣ перестанемъ думать, что натура такъ распорочительна въ дарахъ разума, какъ стараются увѣрить насъ въ томъ честолюбивыя наши желанія. Она знаетъ, сколь бѣдственно и при томъ сколь удобно употребить во зло наипаче сіи, нежели всѣ другія раздѣляемые ею дары: почему никогда и ни въ какомъ смертномъ не соединялось вдругъ всѣхъ сихъ драгоцѣнныхъ и часто опасныхъ дарованій, да и рѣдко, чпобъ одинъ человекъ обладалъ многими. Можно сказать, что натура всегда опасается даже и съ бережливостію раздавать оныя; и что будучи не въ состояніи отказать человѣческимъ потребностямъ, она не иначе ихъ въвѣряетъ, какъ всѣмъ вообще, предполагая, что по собраніи ихъ всѣхъ, какъ бы въ общій капиталъ, они будутъ другъ друга сохранять, вспомоществовать, поправлять и очищать, и отбрасывая отъ всѣхъ присоединенныхъ къ нимъ гордостію и уничижающихъ ихъ пороковъ, стануть стараться единственно о распространеніи и непрестанномъ продолженіи владычества изящныхъ наукъ.

Безначаліе, въ какомъ находилъ ся сія (ученая) Имперія въ наше время, весьма оправдываетъ оныя мудрыя предосторожности напурь. Она зрѣтъ пакихъ только подданныхъ, кои думая имѣть чуждыя имъ свойства, увеличиваютъ свое достоинство и хопятъ царствовать самодержавно. Положенныя ею дарованія границы пресупаемы бываютъ ежедневно, и каждый не имѣя ни права собственности, ни права завоеванія, своевольно похищаетъ имѣніе, наиболее имъ уважаемое.

Такимъ образомъ большая часть не получившихъ въ удѣлъ себѣ ничего, кромѣ ничтожныхъ пріятностей разума, присвоетъ несправедливо проницательность и глубокомысленность умнаго чловѣка. Тако выпищикъ, имѣющій единственное дарованіе списывать, присвоетъ себѣ достоинство шворческаго ума; подобно цвѣтку, сжашому хладными Аквилонами, онъ думаетъ распустился при малѣйшемъ лучѣ солнца, освѣщающаго его, но не согрѣвающаго. Сколько Орашоровъ, которые умѣя только приводить въ порядокъ высокія слова и наполнять слухъ такими же пусты-

Часть 2.

Т

ми звуками, какіе внушаетъ въ Энеидѣ Юноша Энееву призраку, ищущъ степени пѣхъ писателей, которыхъ сочиненія пѣмъ удивительнѣе, что кажутся не очень выработанными, которыхъ открываютъ Автора оригинальнаго въ своемъ родѣ, мыслящаго то, что чувствуетъ, и обязаннаго одной только справедливости и живости своихъ понятій силою и поноскою, смѣлою и достойною своихъ выражений!

Смѣшно сказать, что нѣтъ почти ни одного изъ самыхъ образцовыхъ сочинителей, которой бы не присвоивалъ себѣ иногда правъ гораздо выше своего познанія. Въ началѣ сего вѣка видѣли мы ясный онаго примѣръ. Мужъ пылкій и скорый, богатый и блестящій въ прозѣ, врагъ опустошеній, крапкій безъ шемношья, просвѣтъ безъ нерадивости и сильный въ дѣлахъ, какъ сказалъ одинъ изъ его друзей; пакой, говорю, мужъ презиралъ Гомера и желалъ прославиться въ его искусствѣ. Мы видѣли его припомъ могущимъ въ семъ искусствѣ ипши по стопамъ нѣжнаго Анакреона, однакожъ, не смотря на свою

холодноспь, желавшаго подражатъ мужественнымъ воспоргамъ Алцея.

Я могъ бы безъ сомнѣнiя привеспь здѣсь на память Софокла и Теренцiя нашего времени, ревнующихъ по славѣ Архимедовъ и Евклидовъ, Декаршовъ и Невпоновъ.

Но сего не довольно для показанiя, что всѣ почти наши изящныя умы, находя себя весьма спѣсненными въ сферѣ своихъ познанiй, бросаюцца на удачу въ разные окружающiе ихъ вихри, гдѣ имѣя вождемъ одно только пѣспое хвасповспво, а предвѣспниками свои желанiя, уклоняюцца прощивъ намѣренiя опѣ взоровъ публики, или занимаюцца единспвенно пѣмъ, чтобы выщерпѣшь опѣ нея равнодушiе, споль же чувспвищельное для нихъ, какъ и самое презрѣнiе.

Да и можно ли опличиться намъ дарованiями, которыхъ не имѣемъ, когда съ прудомъ можемъ возвыситься до совершенспва пѣхъ, коими обладаемъ?

Пиндаръ, по сужденiю Горация, еспь Пiишъ 'неподражаемый. Будучи великъ въ своихъ намѣренiяхъ, смѣлъ въ вымыслахъ, онъ имѣетъ вмѣспѣ и важноспъ слога и прелеспную лег-

кось. Но Пиндаръ не умѣлъ поправлять своей пышности и неумѣренности, жерпвовая идеями и къ спатѣ оспанавливаясь. Я думаю, что Гораций не столько спарался хвалишь, сколько порочишь скучную его проптяжность, и все называемое опѣ него прибавкою и продолженіемъ, когда сравниваетъ его съ такимъ попокомъ, копорый увеличась опѣ бурь и прервавъ оплошы, всюду спремипельно разливаешь. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ его распроспраняющагося какъ по пріятнымъ лугамъ, пакъ и по самымъ сухимъ мѣстамъ, и влекущаго въ ярости своей безъ разбора солону и цвѣшы.

Теренцій писалъ чисто, безъ напряженія и какъ бы безъ учености. Любя просполу, онѣ не гонялся за пустымъ изобиліемъ; все, что онѣ мыслишь, упопреляетъ въ дѣло съ хорошимъ вкусомъ и разумомъ. Можно сказать, что его умъ, не взирая на блескъ и тонкость, ешь не иное что, какъ цвѣшь здраваго смысла. Но Теренцій слишкомъ много имѣетъ важнаго, мало научительнаго, а гораздо еще менѣе разнообразности: изображаемые имъ господствующіе характеры

рѣдко имѣють надлежащія опшѣнки. Онѣ не уловяютъ собранныхъ въ нихъ красотъ, кои бы могли съ большею силою быть отражаемы; а еще удивительнѣе, онѣ всегда почти пренебрегаютъ помѣщая ихъ съ противоположными характерами, которые бы могли гораздо лучше дать почувствовать то, что находится смѣшнаго во нравахъ, на сцену имъ выводимыхъ.

Сколько бы еще могъ я привести другихъ примѣровъ о затрудненіи, встрѣчающемся самымъ основательнымъ дарованіямъ, въ достиженіи превосходной и преимущественной степени, каковой имѣемъ право ожидать отъ нихъ! Безъ сомнѣнія легче бы еще было привести здѣсь на память мрачность Персіеву, Азіатическую пропаянность Цицеронову, нескромную распотѣпелность Овидіеву, и то, о чемъ мы никакого не имѣемъ понятія и что Римляне почитали великимъ недостаткомъ, *Патавизство* Тита Ливія.

Не спанемъ же удивиться малому числу Писателей въ самой лучшей древности, симъ мужамъ, кои первые представили вселенной дивное зрѣлище силы и достоинства человеческого

разума, и чрезъ по спяжали право бытъ нашими образцами. Не много и изъ нихъ паковыхъ умовъ, въ копорыхъ бы не примѣпно было усыпленія, скуки, упомленія, разслабленія, и къ копорымъ бы не лъзя было приложитъ сказаннаго Алменою погда, когда она несла въ небольшой урнѣ пепелъ сына своего Геркулеса: *Вотъ во что вѣвстидся великанъ!*

И такъ ешлы по испинно, что самыя щаспливыя дарованія не могли прешечь всего проспранства предлежащаго имъ поприща; какъ же бы можно было блиспаць имъ памо, гдѣ положена имъ преграда, и когда не призываетъ ихъ къ пому напура?

Раздѣль учиненъ: каждый разумъ имѣетъ свою опличительную форму: она во всѣхъ мыслящихъ человекѣхъ ешь по, что физиогномія и различіе чертъ въ лицахъ: и какъ сіе различіе примѣпно въ самыхъ сходныхъ между собою физиогноміяхъ, по оно паково же и въ умахъ, имѣющихъ наибольшее между собою опношеніе. Присовокупимъ, что характеры ума подобны пѣмъ черпамъ, изъ копорыхъ, когда менѣ правильныя единожды соединяш-

ся вмѣстѣ, дѣлаюся безобразнѣйшими, а изящнѣйшія не споль пріятными; почему не худо бѣ было, естлибѣ кѣ однимѣ придасть меньше безобразныхъ, а кѣ другимѣ больше блестящихъ и любезныхъ чертъ.

Вѣ самомѣ дѣлѣ, чтобы мы подумали о Корреджіѣ, копорый вознамбрившись написать дѣпскую игру Амуровѣ, или веселость бога виноградныхъ лозѣ, взялся бы за величественный пріемѣ Мишель— Анжа или Рубенса? Чпобѣ сказали мы о Тиціанѣ, копорый вѣ благородныхъ и смѣлыхъ своихъ небрежностяхъ вздумалѣ бы поработить себя чрезмѣрной правильности Карлина Долчи? Можно ли повѣрить, чпобѣ Лафоншень пріобрѣлѣ когда либо спяжанную имѣ славу, естли бы кѣ шонкой своей оспротѣ захотѣлѣ присокупить великія спраспи, силу и высокость Корнеліеву? Не унизился ли бы самѣ Корнелій, естли бы кѣ великолѣпію своего слога прибавилѣ вольность, чиспону и натуральную простишу нарѣчія, даннаго опѣ Лафоншена живошнымѣ?

Дарованія, шакже какѣ и вкусы, всѣ почти между собою разны и не-

совмѣспны. Рѣдко живое и легкомысленное воображеніе соединяется съ спокойнымъ и глубокимъ разсужденіемъ. Рѣдко въ помѣ же самомъ разумѣ вспрѣчающся ясность съ изобиліемъ, сила съ понкостію, скромность съ дерзновеніемъ, благородство съ простотою. Причина тому оцупипельна. Въ мірѣ излишняя бы царспвовала единообразность, еспьли бы заключающіяся въ немъ красоты не были раздѣлены и разбросаны. Надобно не обходимо бытъ въ немъ пропивноспямъ. Надобно, чпобъ по различію оппѣнокъ и ходу чудесъ мірѣ въ цѣломъ дѣлался пріятнѣйшимъ, слѣдовательно чувспвительнѣйшимъ и щекопливѣйшимъ. Безъ сихъ часпо самихъ по себѣ совершеннѣйшихъ постепенностей, сближающихся шокмо своими концами, не было бы въ мірѣ ни порядка, ибо въ немъ все было бы равно, ни вкуса, понеже не лзя бы сдѣлать въ немъ выбора. Опѣ сего происходптъ разныя группы умовъ и дарованій, копорыя по необходимости входптъ въ высочайшее успроеніе вселенныя, и копорыя, по вящшей еще необходимости, имѣютъ между собою положенія,

характеръ выраженія, не имѣющій ничего общаго, кромѣ понкой связи, соединяющей ихъ для совершенства всего творенія.

И пакъ пусть оспается каждый памъ, гдѣ помѣспила его напура. Будемъ уважать высокій умъ, царствующій въ величайшей и великолѣпнѣйшей, каковая когда-либо была, картина. Какое бы увидѣли мы въ ней смѣшное разногласіе, еспли бы, могли разспроить основаніе и подробности, свѣтъ и тѣни, лица, бѣгущія въ отдаленности и какъ бы въ оной исчезающія, захотѣли бытъ на передней плоскости, а на мѣсто свое поставитъ тѣ, кои сотворены для принятія большихъ лучей свѣта! Чего сама напура не можетъ сдѣлать, мы всегда на по покушаемся. Не опъ насъ только зависитъ, лучшій чертежъ, каковой когда-либо выходилъ изъ ея рукъ, сдѣлать недоспойнымъ неложной правильности ея видовъ и благоразумной точности ея кисти.

Послѣ сего должно ли удивляться паденію наукъ въ нашемъ вѣкѣ, въ которомъ всѣ оспроумцы, время опъ времени мечтая открываютъ въ себѣ

драгоцѣнные, но имѣ неизвѣстные дары, думаютъ очень скоро образовать въ помѣ, что предпринять желаютъ? Видя наше высокомеріе, можно бы сказать, что споль рѣдкія прежде дарованія парятъ передъ нами и приводятъ насъ въ замѣшательство вразсужденіи одного только выбора и предпочтенія.

Опѣ сего-то происпекаетъ множество легкомысленныхъ сочиненій, недоспапочныхъ произведеній, едва обработанныхъ писаній, въ которыхъ ничего другаго не примѣтно, кромѣ фосфора разума, отбрасывающаго хладный и безжизненный свѣтъ, и по Гораціеву извѣщенію, *одни только напряженія безъ дарованія.*

Я не спрашусь здѣсь ополчаться пропиву самыхъ уважаемыхъ сочиненій. Въ нѣкоторыхъ нашихъ Историкахъ много находится изображеній нравовъ, но не довольно изысканій; много бесполезныхъ правилъ, но мало важныхъ дѣйствій. Я нахожу въ нихъ кучу эпизодовъ (вставокъ), отступленій, внѣшностей, которыя сблизась безъ связи, пропизыпая искусству прехожденія, или по шрудности своей заставляютъ

слишкомъ чувствовать вступленіе однихъ въ другія. Въ сихъ Испорикахъ, вмѣсто простыхъ приводимыхъ свидѣтелей, я вижу разсуждающихъ Философовъ, которыхъ скачущій и обрѣзанный безъ сокращенія слогъ есть одно только велерѣчивое и щеголеватое пуспословіе, увеселяющее, но не прогающее и не пользующее.

Въ нашихъ Романахъ (ибо въкъ нашъ ими превозносится) я по испи-нѣ не вижу уже болѣе, какъ прежде въ Кирахъ и Кассандрахъ, глупыхъ описаній и ложнаго героизма любви; но въ сплеченіи весьма вольныхъ вымысловъ, или очень обыкновенныхъ приключеній нахожу или безспыдное волокитство, или перемудреную нѣжность; я вижу спонкое распушство, а попому и опаснѣйшее развращеннаго разума, или звучащую Метифизику чувствованій сердца, раздробленнаго даже до самыхъ малѣйшихъ фибровъ.

Я уже не опваживаюсь наимено-вать другихъ пвореній, увѣнчанныхъ модою и приняныхъ вершопрашествомъ; сужденія мои сочли бы хулою, и можеть спаться не захотѣли и за-

мѣшпшь, что не большая моя власть даешъ мнѣ право оныя произнести.

По крайней мѣрѣ не скроемъ того, что до меня уже сказано, и въ чемъ нѣкоторые нашего времени художники сами согласны.— Не скроемъ, что и нашъ вѣкъ походилъ на вѣкъ Лукана, обоихъ Сенекъ и младшаго Плинія, когда духъ Варроновъ, Тисовъ, Ливіевъ, Гораціевъ и Виргиліевъ уже не нравился, можетъ быть попому единственнo, что не могли онаго достигнуть, и когда обратились къ разуму, который самъ по себѣ малозначущъ, и старались больше всего выказывать его, понеже могли учинить оное безъ великаго напряженія и ученія. Тогда по, а именно со временъ царствованія Августова, въ первый разъ вздумали замѣнять мужественный языкъ чувствованія кудревапою нѣжностію, круглыми изреченіями, Епиграмматическими окончаніями, слогомъ, тяжело разбѣреннымъ; однимъ словомъ: изящностію напянушою и прямо изученнымъ велерѣчіемъ.

Сіе сходство дѣлаешъ совершеннѣйшимъ то, что (какъ я только оное предполагаю) въ упоминаемое

мною время непрестанно говорили о вкусѣ, хопя онѣ былѣ самой худой, а за нѣсколько предѣ пѣмѣ совсѣмѣ обѣ немѣ не упоминали, хопя оный былѣ самый чистѣйшій. Не поже ли, или едва ли не поже самое видимѣ мы нынѣ? Въ вѣкѣ Лудовика XIV вкусѣ былѣ хорошѣ, и старались только его чувствоватѣ, не разбирая щепотно правилѣ онаго: нынѣ же хопя онѣ кажешся и нѣжнѣе, однако опнюдѣ не шаковѣ, и желаніе кѣ разсужденіямѣ обрапилось во изступленіе, и какѣ бы во всеобщую болѣзнь. Въ прекрасномѣ возрастѣ нашей Литпературы вспрѣчали ли обыкновенно на пуши жужжащій рой ложныхѣ знапоковѣ, необузданныхѣ хвалипелей оспраго, изысканнаго, вздорнаго, и своенравныхѣ цѣнипелей истинно проспато и искренняго слога, копорый почипался вышедшимѣ изѣ упопребленія, и пошому не нравился? Придворные, женщины, пепимешры, всѣ праздные люди, кажуціеся однакожѣ заняпыми, присволяли ли тогда качество судей во всякомѣ родѣ учености? Занималися ли малѣйшими Грамматическими погрѣшностями, не большими проспуп-

ками вѣ расположеніи реченій, опважними извясненіями, не кѣ спашѣ спспавленными словами? И сіе чрезмѣру почное наблюденіе чистопы языка обязывало ли Писапелей больше спарашья о исправности своихъ мыслей, нежели о жарѣ, больше о оборопливости, нежели изобрѣшеніяхъ, болѣе о согласіи, нежели о силѣ? Сія чистопша принуждала ли ихъ ослаблять, изсушашъ, и пакѣ сказашъ испощашъ свой слогѣ, приводя его до того совершенства, что и пилою глаже сдѣлашъ его не возможно, а чрезѣ по его обезсилывашъ и дѣлашъ не сполько легкимѣ, сколько смѣшнымѣ?

Вопѣ до чего однакожѣ доведены нынѣшніе сочинители; а сіе опѣ чего инаго происходитѣ, какѣ не опѣ высокоумія, заспавляющаго ихъ не уважашъ прямыми своими дарованіями, а влекущаго кѣ замѣненію оныхъ другими, сначала слишкомѣ блестящими, попомѣ нѣсколько пруднѣйшими? Сіи по своей рѣдкости дѣлаются драгоценнѣе, а иѣ по блеску больше уважаются. Цвѣпы, приносившіе сѣмена вѣ рожденіи и удобряемые опѣ самой нѣжной юности сѣ великимѣ

спараніємъ, сіи цвѣты едва полько распустились, какъ уже ими и презираются, и они идущъ оныхъ искашь на вершину утесовъ, куда не лзя достигнуть безъ крайняго усилія и опасности; но естли бы, по щасію, и удалось имъ оныя обрѣсти, по какое сдѣлають изъ нихъ употребленіе? Пипаемые всегда чистыми вліяніями яснаго неба, могутъ ли они не завянуть въ не столь свободномъ и гораздо тяжѣйшемъ воздухѣ, нежели какой находится въ пѣхъ высокихъ мѣстахъ, гдѣ видѣли ихъ родившихся? Будемъ говорить просто, и скажемъ, что нѣтъ ничего презрѣннѣе и бесполезнѣе дарованій, сущихъ не въ своемъ мѣстѣ: ни мы не можемъ подчинить ихъ нашему вкусу, ни они приравняются къ нашему разуму. Нѣтъ ни одного дарованія, которое бы не имѣло сей любезной простоты, почитавшейся всегда первою прелестью, а средство сохранить ее въ отвращеніи ли состоить отъ собственнаго ея назначенія?

Что жъ происходитъ дѣйствительно? Замѣняютъ красоты одного дарованія красотою другаго; роды

смѣшивають и обезображивають; силу
 разсужденія замѣняютъ разцвѣченіемъ
 слога, жаръ спраспей правильностію
 расположенія; благородную смѣлость
 изображеній тонкими подробностями.
 Отъ самопроизвольнаго вкуса порожд-
 аются полько чудовища. Краснорѣ-
 чіе приємлѣтъ видѣ разсужденія; раз-
 сужденіе тонѣ мозговаго краснорѣ-
 чія; проза, какъ проза Евмолпа Пепро-
 ніева, занимаетъ блескъ и гармонію
 отъ стиховъ; стихи подражаютъ
 единообразному шествию прозы; Тра-
 гедія внушаетъ правила и не про-
 гаетъ; Комедія дѣлається важною и
 заставляеть плакать; Поема, лишен-
 ная вымысловъ, рассказываетъ какъ
 Исторія; Исторія, облекшись всемъ
 блескомъ эпическихъ выраженій, спа-
 новилась чудесною. Наконецъ, что еще
 мнѣ сказать? Искусство открываютъ
 тогда, когда надобно его сокрывать;
 украшаютъ тогда, когда должно сдѣ-
 лать простѣе, все двигаютъ съ мѣ-
 ста и производятъ въ напурѣ безпо-
 рядокъ, а ейбы надлежало полько под-
 ражать, и какъ сказалъ въ подобномъ
 случаѣ Гораций: делфиновъ заводятъ
 въ лѣса, а вепрей во глубину волей.

И такъ наши сочинители первые повредили вкусъ смѣшнымъ своимъ самодовольствомъ. Должны ли же они удивляться полпѣ незнающихъ оуждашелей, для которыхъ сочиненія ихъ учинились правилами, и кои по невѣденію другихъ принуждены отъ нихъ не удаляясь? Должно ли казаться шoliko спраннымъ, что сіи судіи, не спольпонкіе, сколь упрямые, и для которыхъ самыя ненапуральныя сочиненія сдѣлались наипряпнѣйшими, не пребуюпѣ отъ нихъ инаго, кромѣ того, что сами сочинители имъ одобрили; а имянно, пылкоспей, скачковъ, дерзновенныхъ замысловъ, недалновидности въ понятіяхъ, пуспыхъ украшеній, и такъ сказать, обдѣланныхъ по наугольнику и отвѣсу? Однимъ словомъ, должно ли удивляться упадку наукъ въ такомъ вѣкѣ, когда большая часть упражняющихся въ нихъ предполагаетъ въ себѣ гораздо больше такихъ дарованій, какихъ не имѣетъ, и когда припомъ самыя дарованія обыкновенно

совсѣмъ не согласуются съ качествами ихъ разума? Ибо не изъ всякаго болвана можно сдѣлать Меркурія.

Конецъ второй и послѣдней части.

Типографическія ошибки

Во второй Части:

Мансатано.

Титай.

Спран. Спрок.

1—19	чтобъ	-	что
28—28	спрахъ	-	спражъ
38—29	о общежитія		общежитіе
95— 6	женспвующая		женспвующую
152— 9	сущности		
177— 8	на лисься		налисья
— — 9	возвѣваемой		возвѣаемыя
195—21	призиралъ		презиралъ
200—28	влпворенія		влпвореніи
222— 3	самую	-	въ самую
245—16	цѣна въ очахъ		цѣна котораго
въ очахъ
294 — 7	Алменою	-	Алкменою

- 7. VI. 193

